

ЯКОВ ПИСТЕР

От подпаса до генерала

© Пистер Я.Я., 2017, Москва

Оглавление

Часть первая	6
ДЕТСКИЕ И МОЛОДЫЕ ГОДЫ	6
Разговор с правнуком	6
Глава Первая	9
ДЕТСТВО	9
Лангенфельд	9
Война	10
Трусово	11
Курья	14
Школа	16
Книги	16
Отец	18
Новый переезд	19
Комплекс вины	20
Подпасок	21
Переезд в Казахстан	23
Зеренда	23
Глава вторая	26
НАЧИНАЮ РАБОТАТЬ	26
Промартель «Победа»	26
Печатник	28
Плотник	32
На культурном фронте	33
Мечты об МГУ	35
Еду в Москву	38
Знакомство с Москвой	39
Экзамены	40
Снова Зеренда	40
Я – студент!	42
Массовка	45
Глава третья	45
АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА	45
Повестка	45
Пехота	47
«Через день на ремень»	49

О командирах, младших и старших	50
Пожарная команда	53
Глава четвертая	57
СНОВА СТУДЕНТ	57
Тяжко! Но – хорошо!	57
Вхожу в колею	58
Первый трудовой семестр	59
Второй курс: Адель	61
Поездка в Киргизию	62
Вторая целина	62
Третий курс	65
Женитьба	65
Третья целина, особенная	67
Человек родился	68
Четвертый курс, последний	70
Стажировка	71
Госэкзамены и защита диплома	72
Еду на четвертую целину	73
Часть вторая	75
ПРОКУРОРСКИЕ ГОДЫ	75
Глава первая	75
СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОКУРАТУРЫ	75
ДУБЕНСКОГО РАЙОНА	75
Расследую первые дела	77
Бытовая обстановка	79
Глава вторая	80
АЛЕКСИНСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ	80
ПРОКУРАТУРА	80
Следователь	81
Дело врача Абрамовича	82
Уроки Василия Потаповича	83
«Дело об убийстве – прекратить»	84
Кое-что о причинах преступности	84
Про горячее сердце	86
Взаимоотношения с людьми	87
Дружба – дружбой	88
Вот – так погуляли	89

Быт.....	90
Трудовые будни	90
Глава третья.....	91
ПРОКУРАТУРА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	91
Старший следователь	91
Громкое «политическое» убийство.....	92
Обвинительный уклон нам не нужен.....	93
Следователь – вечный студент	94
Бег на месте	95
Мнимые хищения	98
Взрыв в доме инвалидов	100
«Дорогой Учитель Мао...»	101
Отдельное поручение из Западной Германии.....	103
О людях хороших... ..	105
Не наш человек	111
Начало длительного пути.....	112
Старший помощник прокурора области.....	113
Первый блин оказался удачным.....	114
Набираюсь опыта.....	115
Работа с жалобами	117
Личный прием.....	118
Егнышёвка.....	120
О классных чинах	122
Значит, не судьба!.....	123
Поддерживаю государственное обвинение.....	124
История вторая.....	126
Чужой.....	126
И снова Обшатко	129
Пить или не пить?	131
Около спорта... ..	134
Шахматы в моей жизни.....	137
«Папа купил автомобиль...».....	138
Поездка к морю.....	139
«Прошу откомандировать...»	142
Глава четвертая.....	144
ПРОКУРАТУРА РСФСР	144
Организационно-методический отдел	144

следственного управления	144
О помощниках Б.П. Наместникова	148
Кандидат в «писатели»	149
Спичрайтер	152
Начальник организационно-методического отдела	156
В ожидании квартиры	158
Визит дружбы	160
Первое взыскание	162
Притяженье земли	163
Утиная охота	165
«Разборки» в Тамбове	166
Бывало и так.	169
По делам несовершеннолетних.	171
Памяти В.И. Кравцева	174
Портретная галерея	181
Киракозов	181
Простите меня, Виктор Николаевич!	183
Портретная галерея. Узбеков	187
Неожиданные перемены	188
Подводные камни	191
Слово о жене и старшем сыне	195
О вере и суевериях	199
Сестра моя Ира	201
Едем в Германию	202
За год до отставки	206
Эпилог	209
Фотографии	211

Часть первая

ДЕТСКИЕ И МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Предисловие

Разговор с правнуком

- Давай знакомиться: Пистер Яков Яковлевич, твой предок.
- Откуда такая нерусская фамилия? – спросит пытливый потомок, и будет неправ. В том смысле, что фамилия на Руси довольно известная. Во всяком случае, главный герой повести И.С. Тургенева «Бретёр» – русский офицер... Пистер.
- Ну, хорошо, – не сдаётся въедливый правнук, – а почему уважаемый Яков Яковлевич набивается мне в родственники?
- А потому, уважаемый правнучек, что твой дедушка Фёдор – мой родной сын.
- Позвольте, – горячится потомок, – но фамилия моего деда Ламанов, при чём здесь какой-то Пистер?
- Притом, – отвечаю с достоинством, – что мама Фёдора, Адель Фёдоровна (она же – моя жена), тоже Ламанова, и фамилию эту носила с детства. В своё время мы с ней решили, что нашим детям лучше (Диме и Феде) носить фамилию матери. Вот так-то! А иначе тебя сейчас дразнили бы Пистеренком. Тебе это надо?

Последним доводом правнук сражен наповал, растерянно хлопает глазенками и ковыряет в носу.

Пока он этим занимается, расскажу об истории создания этой книги. Располагая свободным временем, трачу его в своё удовольствие. Смотрю по «ящику» милые сердцу советские фильмы, читаю старые (и не очень) книги. Привез из дома на дачу (это такой домик на участке в шесть соток) разные толстые журналы прошлых лет.

Наткнулся на «Новый мир» за 1987 год и с удовольствием стал перечитывать повесть Даниила Гранина «Зубр». В моём счастливом возрасте можно позволить себе читать не спеша, смакуя подробности, размышляя над поворотами судеб героев, соглашаться или спорить с автором.

Дошёл до фразы Д. Гранина о том, что в наше время редко кто помнит своих предков дальше деда, – и задумался. Мне 66 лет, скоро и я, наконец, стану дедом. Захотят мои внуки или правнуки узнать что-нибудь эдакое о старце, а его давно уже нет, и источников информации – никаких. Именно такую злую шутку сыграла жизнь со мной.

Видел в детстве дореволюционную фотографию. На ней два статных парня в морской форме, на бескозырках читается: «Петр Великий».

Мать сказала, что на снимке – ее отец с другом. Через много лет, уже из книг, узнал, что броненосец «Петр Великий» был самым крупным и мощным кораблем российского флота.

К стыду своему (и этот стыд жёг меня не один десяток лет) не ведаю даже, когда родился дед (бывший моряк), что он был за человек и прочее. Знаю лишь, тоже со слов матери, что после революции, примерно в 1920 году, когда продотряд пытался реквизи́ровать хлеб, дед (ему не было и сорока) схватил ружье, и был убит на месте.

Вскоре от какой-то тяжелой болезни умерла его вдова (моя бабушка), и двое детей остались сиротами. Старшей, Амалии, будущей моей маме, было двенадцать лет, младшему брату Андрею – около восьми.

Детей приютили родственники, и впоследствии мама не раз рассказывала, как непросто ей жилось у родни, какую непосильную работу приходилось выполнять, как она плакала тогда от обид, усталости и унижений. Девичья фамилия мамы – Гофман, отчество – Яковлевна. Следовательно, бравый моряк с фотографии, ее отец, – Яков Гофман.

Про другого деда, со стороны отца, вообще не знаю ни-че-го. Кроме того, что его фамилия – Пистер. На таком же – нулевом – уровне мои познания о бабушке со стороны отца. В своё оправдание могу сказать, однако, что с отцом мне общаться не довелось, – война унесла его из жизни в феврале 1942-го, когда мне не было и года.

Разумеется, никогда не видел ни своих дедушек, ни бабушек. И так, продолжал я размышлять над повестью Гранина, белые пятна в биографиях предков уже не устранить.

Но почему, за какие грехи мои потомки должны пребывать в таком же неведении? И стало предельно ясно, что настал момент действия.

Я должен положить конец «темному царству», просто обязан сделать первый шаг на пути к познанию истины, сесть за стол, вспоминать, анализировать – и выдать на-гора некий информационный продукт. Откровенно говоря, мне мои домашние и раньше не раз предлагали написать книгу-автобиографию. В ответ я горько усмехался и спрашивал – а кому это интересно? Мне отвечали, что, мол, интересно нам, но моего энтузиазма что-то не прибавлялось. И вот обстановка изменилась: мы ждем внука, наш корень не пресекается, есть для кого писать семейную хронику.

С присущей мне пунктуальностью (или занудством?) фиксирую начало этой «исторической» рукописи – 16 августа 2007 года.

Сижу, мечтаю... Вот я закончу свою летопись, потом – женушка моя, Адель Федоровна (а ей есть, о чем вспомнить), потом – сынуля Федор (он уже доказал свои писательские способности), потом его дети и т.д., и т.п. Художники нарисуют генеалогическое древо с нашими портретами... Праправнуки заведут специальный несгораемый шкаф, где будут свято хранить главную ценность – мои и наши «мумуары».

Запала моего хватило ненадолго – дней на десять. Потом захлестнула текучка, в ноябре родился Вовка, и я как бы забыл про рукопись: успеется.

Ан нет! Оказывается, надо поспешать... В начале марта 2010 года умерла моя Аделинушка – внезапно остановилось сердце. И уже не приходится рассчитывать на её вклад в семейную хронику. Теперь эта ноша ложится на меня, что знаю, расскажу (в свое время).

Около девяти лет назад трагически погиб наш старший сын Дима. Теперь эта зловещая дамочка с косой увела мою жену. Кто знает, сколько мне осталось? – Лучше не искушать судьбу и, пока есть силы, исполнить свой долг.

Вот так, в мае 2010 года, начался второй этап работы над рукописью. Однако и он продлился недолго. Скоро моя лень нашла какие-то убедительные доводы, и наступил длительный, более трёх лет, перерыв в работе.

Но вот в декабре 2013 года впервые побывал на собрании ветеранов следствия. До этого неоднократно слышал от коллег о том, с каким вниманием относится Председатель Следственного Комитета России А.И. Бастрыкин к ветеранам следствия, как подчёркивает необходимость преемственности поколений.

Не изменил себе Александр Иванович и в этот раз. Весьма эрудированный человек, он горячо и убедительно рассказал об истории следственного аппарата в России, о лучших (он даже сказал «выдающихся») советских следователях, просил нас помочь недавно созданному Музею СКР какими-то интересными и полезными экспонатами.

– Ваш опыт, ваши советы, воспоминания, как воздух, нужны при становлении профессионализма и «мироёма» молодых следователей, особенно в наше непростое время, – сказал Председатель.

А я подумал о другом. Ведь мы, ветераны, очень мало знаем друг о друге, о личной жизни, интересах, пристрастиях. Как было бы здорово получить побольше такой информации! Лично я, когда встречаюсь с такой книгой, буквально набрасываюсь на неё.

Все прокурорские работники наверняка знают Героя Советского Союза Б.В. Кравцова и его «Записки Прокурора Республики». Безусловно, это очень умная, интересная, поучительная книга. Но... уж очень мало скромнейший Борис Васильевич пишет о себе, о личной жизни, о друзьях, увлечениях и

привязанностях. Хотя бы, скажем, о рыбалке, которой он увлекается на протяжении десятилетий.

Вот тогда, на этом памятном собрании ветеранов следствия и пришло очередное решение продолжить мемуары. Но в первую очередь мои воспоминания менее всего будут носить официальный характер.

Это – история моей большой жизни, если хотите – исповедь.

Глава Первая

ДЕТСТВО

Лангенфельд

Родился я в деревне Лангенфельд (в переводе с немецкого «Длинное поле») Саратовской области, на территории автономной республики немцев Поволжья (вскоре она прекратит своё существование). Произошло это знаменательное событие 18 мая 1941 года, ровно за пять недель до начала войны. (Кстати, любопытная закономерность: все члены нашей семьи родились в выходные дни – я и жена в воскресенье, а сыновья и внук Вовка – в субботу). Давным-давно, по приглашению Екатерины Второй, десятки тысяч немецких крестьян двинулись в Россию – осваивать целину на Волге.

Императрица предоставила добровольцам льготные кредиты, освободила от налогов: обустраивайтесь, пускайте корни, пашите землю.

И люди трудились до седьмого пота, построили многочисленные деревни-колонии. В одной из них, – Лангенфельде, – родились и проживали мои будущие родители.

Мама, как я уже говорил, осталась сиротой, и рано, в семнадцать лет, вышла замуж. Случилось это в 1925 году. Мама родилась в 1908 году, отец на пять лет раньше. Вместе им удалось прожить лишь шестнадцать годочков, – вмешалась война. В семье часто рождались дети, – всего восемь человек, – но в живых остались только двое, так высока была тогда детская смертность.

Как ни странно, выжили именно те, кто родился и рос в самое трудное время. Старшая сестра, Ира (в свидетельстве о рождении – Эрика), родилась в 1934 году в Ленинграде, где семья временно спасалась от голода в Поволжье, а я грудничком перенес массовую ссылку в Сибирь, затем голод, холод и даже брюшной тиф. Любопытно также, что из появившихся на свет восьми детей только двое были мальчиками, и каждого из них называли Яшей. Первый умер

во младенчестве, но у родителей хватило смелости назвать второго мальчика, то есть меня, тем же именем. Существует поверье: если сын носит имя отца, один из них вскоре должен погибнуть. В нашем случае это суеверие сработало – вскоре не стало папы.

Но вернемся назад, в счастливое довоенное время. По рассказам матери, это была райская жизнь. Богатейший колхоз-передовик, где отец работал бригадиром, а мать – воспитателем в детском садике. Добротные дома, домашний скот, хлеб, хорошая одежда, – всё было у жителей Лангенфельда тех лет. Они добровольно отказались от приусадебных участков, поскольку получали в колхозе на трудодни овощи, фрукты и картофель в нужном количестве.

Советская власть могла гордиться: вот бесспорное преимущество колхозного строя. Конечно, при соблюдении некоторых условий: добросовестный труд каждого, правильная организация работы, механизация, честность руководителей и доверие людей к ним.

Война

Началась война с Германией. Среди прочих вопросов правительство СССР ломало голову над тем, что делать с немецким населением страны. Было дано соответствующее поручение народному комиссариату внутренних дел во главе с Берия. Люди этого ведомства, недолго думая, устроили проверку (или провокацию?). На территорию автономной республики в одну из ночей сбросили нескольких парашютистов в гитлеровской форме, владеющих немецким языком. Утром милиционеры стали искать парашютистов, но никого не нашли – их якобы укрыли местные жители.

Было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о депортации советских немцев, НКВД разработало подробную секретную инструкцию. Высылке подлежали все граждане СССР немецкой национальности, где бы они ни проживали и какое бы положение ни занимали. Репрессиям были подвергнуты руководящие партийные и советские работники АССР, офицеры Красной Армии, научные работники, артисты. Известен случай, когда из джаз-оркестра Леонида Утёсова отозвали двух музыкантов-немцев, с целью их депортации в отдаленные районы. Но здесь энергично вмешался Утёсов, который дошел (дозвонился) до самого Берия. В конце концов музыканты были оставлены в оркестре под личное поручительство мэтра.

Но этот случай – лишь исключение из правил. Подавляющее большинство немецкого населения СССР было сослано в Сибирь и Северный Казахстан.

В этой связи возникает наивный вопрос: была ли государственная, объективная необходимость в депортации немцев?

Однозначно ответить на этот вопрос, думаю, не может никто. Конечно, значительное число советских немцев, особенно молодых, преданных идее социализма, не пошло бы на сговор с оккупантами.

Однако среди старшего поколения было немало националистов, сочувствующих теории расового превосходства немецкой нации. Нельзя отбрасывать в сторону и многолетние натянутые отношения немецких колонистов с русскими крестьянами (потом – с колхозниками). В глазах последних колонисты всегда были (и до, и после революции) недобитыми буржуями, кулаками. На колонии нападали, грабили, жгли дома, убивали людей.

Кстати, есть данные о том, что в ходе первой мировой войны русский царь Николай Второй подготовил манифест о высылке российских немцев в Сибирь, но реализовать сей документ помешали беспорядки в стране и февральская революция 1917г.

В конце августа 1941 года всем жителям Лангенфельда объявили о предстоящей высылке, на сборы им отвели 24 часа. На поезд разрешалось брать только то, что унесешь в руках – чемоданы и узлы. Предупредили, что уклонисты будут арестованы. Нужно ли описывать состояние людей, слёзы детей и женщин, всеобщую растерянность?

Мои родители, как и все, взяли самое необходимое: одежду, питание на дорогу. Старшая девочка, семилетняя Ира, несла на руках трехмесячного братика (меня).

Дом, хозяйственные постройки, коровы, свиньи, овцы, мебель – всё было оставлено на месте безвозмездно. Вскоре здесь поселились беженцы из других районов страны. Им тоже пришлось несладко, они бросили своё имущество в другом месте, – война всех уравнила.

Как потом рассказывала мама, везли людей в телятнике, на станциях давали кипяток. Примерно через десять дней приехали в город Бийск. Отсюда на машинах и лошадях развозили семьи по различным районам Алтайского края.

Трусово

Нашу семью привезли в деревню Трусово Курьинского района. Разумеется, здесь переселенцев не особенно и ждали, и начальство, и рядовые колхозники не скрывали своей враждебности. В глазах селян это были те самые немцы, которые начали войну, убили их мужей, сыновей, братьев... К этому времени некоторые жители деревни успели получить «похоронки» ...

Неприятнь усугублялась тем, что большая часть прибывших не знала русского языка, меж собой говорила только по-немецки.

И всё же семьи с малыми детьми были размещены в домах колхозников (мы – в их числе), а остальным пришлось рыть землянки. К слову, Курьинский район расположен в степной полосе, и каждое брёвнышко здесь – на вес золота.

Работа в колхозе нашлась всем, в том числе моим родителям. Хотя и трудно приходилось, но они были вместе, в семье оставался мужчина. Но... беда не приходит одна. Примерно через два месяца отца, как и других трудоспособных мужчин, мобилизовали в так называемую Трудовую армию. Через несколько месяцев его не стало – умер от лишений, голода и холода.

Однако и этот удар не был последним. Потребовались руки для работы на Акимовском руднике, что примерно в 30 километрах от Трусово. Мужчин не осталось, набирали подростков и женщин из числа немецкого населения. Правило гласило, что женщины, имеющие малолетних детей, не должны привлекаться к этим работам, – за исключением случаев, когда с детьми могли оставаться бабушки, дедушки или другие взрослые дееспособные члены семьи. Местный уполномоченный НКВД, проводивший кампанию, давно оказывал знаки внимания молодой статной вдове – Амалии Пистер, но она его упорно отшивала.

Вот и попала в список лиц, направленных на зловещий рудник. Представьте себе состояние женщины, которую оторвали от детей: девочки восьми лет и годовалого мальчика. Всесильный уполномоченный посчитал, что девочка уже большая и сможет заменить братику мать (а мы боимся сегодня оставить без присмотра восьмилетних детей хотя бы на час!).

Мама потом рассказывала, что на руднике она пробыла всего трое суток, не могла ни есть, ни пить, заливалась слезами, а потом... сбежала. Прошла пешком эти тридцать километров и явилась прямо к коменданту: так – мол и так, я явилась добровольно. Дело в том, что по законам военного времени подобный побег образовывал состав преступления. Комендант вначале орал на неё, называл «предателем», грозил тюрьмой, но, когда узнал всю правду, отпустил домой.

Надо сказать, что мама вообще была очень волевой и энергичной женщиной, трудоголиком в квадрате. Она единственная из всех переселенцев смогла купить полдома в Трусово. Ухитрялась обрабатывать (в основном – по ночам) огромный огород в 50 соток. Впоследствии эти страшные перегрузки сказались на её здоровье. После пятидесяти лет она с трудом передвигалась, а в 67 лет – скончалась. У мамы было необычайно крепкое сердце, чему не раз удивлялись врачи.

Трусово я помню смутно, поскольку вместе с семьей уехал оттуда, когда мне было шесть лет. Это была небольшая деревушка из двух, если не ошибаюсь, улиц. Каждый второй житель носил фамилию «Трусов», или «Трусова». Не только дети, но и взрослые летом ходили босиком.

Носили домотканые белые одежды из льна. Лен выращивали все, две или три недели вымачивали в проточной воде, потом ткали полотно. Как и во многих деревнях глубинки, люди здесь говорили «идеть, поеть, сидеть» и т.д. Главным украшением деревни являлась река Чарыш, впадающая где-то далеко в Иртыш.

Так случилось, что с первых месяцев жизни я слышал, в основном, русскую речь, – ведь мы снимали угол в русской хате, – с сестрой мы тоже говорили по-русски. С мамой мне приходилось видеться очень мало – она приходила с работы, когда я уже спал, и уходила – когда я ещё спал. Она говорила с нами по-немецки, и мы её понимали, Ира даже отвечала ей на родном языке, а я стеснялся, потому что мать при этом смеялась. С местными ребятами мы гоняли каждый божий день и это был главный языковой практикум.

С годами, куда бы мы ни переезжали, ситуация не менялась. На русском я не только разговаривал, но и думал. Прошло время, я очень пожалел, что не знаю языка предков. Усиленно изучал его в студенческие годы, но практики не было, и он (язык) всё равно оставался для меня иностранным.

Помню некоторые забавные эпизоды из моего детства в Трусове. Мне было примерно четыре года, был я мальчик общительный, взрослые меня любили. Как-то зазвала меня в свой дом девушка-соседка и угостила молоком из фарфоровой кружки. Таких кружек я раньше никогда не видел, зато видел фарфоровую чернильницу-непроливайку у сестры Иры. Придя домой, я с гордостью сообщил, что выпил целую чернильницу молока (коровы у нас не было, и самое обычное молоко казалось лакомством).

Как и все дети, был любознательным, остро подмечал и артистично изображал разные сценки из местного быта.

Хоронили старую-старую соседку, собрались другие женщины и старухи. По обычаю, дочь усопшей голосила, сокрушаясь о том, что мать уже не сможет помочь по хозяйству, подоить корову и прочее. Я впервые видел такой обряд, он произвел на меня очень сильное впечатление, требовал выхода. И вот через несколько дней перед зрителями, в том числе взрослыми, копирую плач соседки, визгливо причитаю: «И кто же теперь цыплят из огорода выгони-и-ит! И кто же теперь корову встрети-и-ит!» и т.д. Публика каталась от смеха, хваталась за животы. А я еще не понимал, что кривляться в подобной ситуации не очень красиво и совсем не смешно. Никто из взрослых мне об этом не сказал, а мама просто не знала.

Не могу забыть постоянного чувства голода, сопровождавшего меня в Трусове. Слава богу, у нас была хоть картошка, но больше – ничего. Вроде бы жили в деревне, а хлеба не видели, и это касалось всех колхозников.

Я долгие годы в детстве не мог понять, что значит «наелся». Вот умял всё, что перед тобой поставили, значит – наелся. Однажды мать выставила целый

чугунок вареной картошки (без хлеба и без соли), забыв предупредить, что это – на двоих, и куда-то ушла. Я решительно «уговорил» всю эту вкуснятину и уже вылез из-за стола, когда вернулась мама. Она ахнула, а я расплакался, когда узнал, что оставил без ужина сестру.

В один из вечеров мать принесла с работы – из колхозной бригады – холодный вареник, который показался мне необыкновенно вкусным. Потом каждый вечер я ждал маму у ворот, заглядывал ей в глаза, но она почему-то их отводила, иногда плакала.

Читатель спросит: как же так, селяне – и вдруг без хлеба? Отвечаю – шла война, весь хлеб сдавался государству. Меж собой колхозницы шептались, что, мол, у председателя-то хлебушек водится. Наверное, так оно и было.

Во всяком случае, когда мать плакала, я пытался утешить её: – Мама, не плачь! Вот вырасту большой, стану председателем. Остановлю у дома бричку – мама, вот тебе мешок муки! В другой раз приеду – мама, вот тебе мешок пшеницы! Мама обнимала меня, смеялась, но слезы так и капали...

Возможно, не все знают, что означало в то время слово «колоски». Это те редкие кисточки с зерном, которые оставались на поле после официальной уборки. За самовольный сбор «колосков» могли посадить, но люди всё равно их собирали, перемалывали на самодельных крупорушках (что-то вроде кофемолки) и варили бурду под названием «саламата». Сейчас я не смог бы её есть, но тогда она казалась самой замечательной, самой редкой едой на свете.

Так вот, собрала Ира «колоски», а мать полезла в погреб с крупорушкой, сестры дома не было, и я остался наверху за сторожа. Приходит соседка, спрашивает, где мама. Показываю на закрытый погреб, делаю вращательное движение рукой и пытаюсь воспроизвести звук мини-мельницы: «хе-ё!». Женщина засмеялась и ушла, на завтра рассказала все маме, и они смеялись уже вместе. Меня потом мама всё-таки отругала, и – за дело.

Курья

Меж тем, совершенно неожиданно для меня, наступил конец нашему проживанию в Трусове.

В один действительно прекрасный солнечный летний день пришла большая повозка, вроде фургона, запряженная парой волов (местные жители называли их быками). Мы загрузили повозку своим нехитрым скарбом и поехали жить в районный центр – Курью. Путешествие длилось целый день, и мне казалось, что мы проехали полмира. На самом деле, как я узнал впоследствии, расстояние между двумя этими точками – всего 15 километров.

На окраине Курьи располагалась районная больница с собственным подсобным хозяйством. Здесь содержались лошади, жеребята и коровы с телятами. Мама устроилась дояркой. Мы поселились на служебной площадке, – в небольшом деревянном домике с русской печкой.

Конюх, Вася Гражданкин, лихой 20-летний парень, жил в другом месте, но большую часть суток проводил на работе, то есть с нами. Были еще завхоз, кладовщица, подсобный рабочий, сторож, и «офисом» для всех конечно же, служил наш домик в 12 квадратных метров. У нас с сестрой была зато собственная территория, – на русской печи, за занавеской.

Как хорошо лежать на теплой печке зимой, в буран, когда в трубе воеет ветер и не может до тебя добраться! Электричества тогда не было и в помине, вечерами на печи горела «коптилка» (тесёмка, опущенная в баночку с жиром). Керосин стоил дорого, поэтому лампой пользовались очень редко.

В этом же домике находился «пост» тети Фроси – сторожа больницы. Обычно она приходила вечером, устраивалась на лавке спать одновременно с нами, но храпела так, что дрожали стены. При этом наши попытки разбудить тетю Фросю обычно не срабатывали. Однажды мы, выведенные из терпения, нарисовали сторожихе сажей усы. По закону подлости утром её срочно вызвал главврач, перед которым она появилась во всей красе и с усами. Ох, и скандал же был!

Подсобное хозяйство располагалось довольно далеко от жилых домов Курьи. Вокруг – болотистая местность, заросшая травой и кустарником. Вот здесь и паслись «больничные» телята, а я за ними присматривал.

У главврача было двое детей, мальчик и девочка, примерно моих лет. С ними мы часто «путешествовали» по болотам, и проводником, конечно же, служил я. Ловили лягушек для их папы, он – хирург – тренировался на лягушках, делая им операции. Хоть и жалко квакушек, но – надо!

Любимым моим местом являлся так называемый сад: с десятков высоких тополей, несколько кустов черемухи, заросли боярышника. Когда выдавалось свободное время, уходил туда, лазал по деревьям или подолгу лежал на спине, любуясь облаками.

Однажды, когда я сидел на самом высоком дереве, меня стала звать мама, пришлось откликнуться. Увидев меня на верхушке тополя, она не стала ругаться, подошла и ласково, внешне спокойно, попросила спуститься. Лет через пять я вычитал подобную сцену в одной детской книге и очень удивился: значит, все мамы – и благородные, и простые – одинаковы!

В плане бытовом жизнь в Курье мало отличалась от прежней: та же нищета, то же недоедание. Когда стукнуло семь лет, меня не отдали в школу: не в чем, не было ни штанов, ни обуви. Зимой у нас с сестрой – одна пара валенок на двоих. Я мог выйти на улицу лишь тогда, когда сестра была дома.

Школа

И вот наконец маме удалось справиться мне штаны из «чёртовой кожи», парусиновые полуботинки, а на зиму – старые валенки. Можно идти в школу.

Мне восемь лет, сестра ведет меня в первый класс. Волнуюсь: читать не умею, счету не обучен. Как там пойдут дела?

У порога первого класса встретила приветливая учительница, приобняла, поцеловала и усадила за парту. Начало мне понравилось. И всё же опасения мои оправдались. На первых порах никак не мог понять, почему буквы «М» и «А» образуют слог «МА»? То же самое с арифметикой. А когда что-нибудь не ладится, падает интерес к делу, начинаешь отвлекаться, разговаривать на уроках. Потерял веру в себя, стал привыкать к мысли, что я, мол, – неспособный.

Худо-бедно, по слогам, но читать научился. Однажды увидел у одноклассника книжку «Кот и воробей», с картинками. Одолею несколько строк и не смог оторваться. Выпросил книжку домой, прочел... и был потрясен. Записался в библиотеку, приобщился к чтению.

Сам не заметил, как дела в школе пошли на поправку. Исчезла неуверенность, проснулся интерес к учебе. К концу первого класса я был уже одним из лучших.

Книги

Читал я запоем, брал сразу по две-три книжки, и бегом – домой. Что в них, какие новые миры откроются?

Женщина-библиотекарь как-то решила проверить, действительно ли я эти книги читаю или смотрю лишь картинки. Попросила пересказать содержание одной из книг. Я моментально загорелся и практически наизусть начал «барабанить», но тётенька почему-то меня остановила:
– Хватит.

Память, как у всех детей, была превосходная. В процессе чтения невольно запоминал, как правильно пишутся те или иные слова, как расставляются знаки препинания. «Троек» за диктанты никогда не получал, но чаще всё-таки ставили «четыре» – за «нечистописание».

Увы, я так и не выучился ровно, красиво выводить буквы и строки, обходиться без помарок (десятилетия спустя, в пору моего чиновничества, мне часто доставалось от машинисток за это же).

Классе в третьем-четвертом «глотал» уже толстые книги: научную фантастику, военные повести и рассказы, романы про любовь и прочее – всё, что попадётся под руку. Хорошего, конечно, в таком бессистемном чтении было мало, но это я понял, к сожалению, значительно позже. Некому было подсказать, дать верный совет.

Мама очень неодобрительно относилась к моему неумеренному чтению, однажды даже отобрала и отшвырнула какую-то книгу. Понять её можно. Ведь взрослого мужчины в доме не было и на меня, мальчишку, возлагались определённые обязанности.

Я уже говорил, что летом надо было пасти телят, обычно 7-8 голов. Конечно же, брал с собой книгу, частенько забывая о телятах, и некоторые из них убегали. Потом – объяснения с мамой, а она была женщиной с характером.

До сих пор не могу забыть грубый и обидный розыгрыш. Было мне около девяти лет. В доме из книг – только Евангелие мамы – на немецком языке и готическим шрифтом. Я запоем читаю книги из библиотеки и страстно мечтаю заполучить когда-нибудь собственную книжку. Вот на этом построил свою глупую шутку конюх подсобного хозяйства, уже упоминавшийся Вася Гражданкин. Он доверительно сообщил мне, что у директора нашей начальной школы Фёдора Ивановича находится его (Васи) книжка «Сказка о царе Салтане», и что я могу взять её себе – насовсем. Надо ли говорить, как я был обрадован и взволнован, как был счастлив, что наконец-то у меня будет своя, причем такая замечательная книга!

Увы! – Фёдор Иванович сказал мне, что никакой чужой книги у него нет. А Вася, довольный своей «шуткой», долго «ржал» и ещё несколько дней не давал мне прохода.

Любовь к чтению осталась на всю жизнь. Я давно на пенсии, но не проходит дня, чтобы не «проглотить» сорок-пятьдесят страниц текста. Летом, на даче, после каждой трапезы или чаепития пятнадцать-двадцать минут с удовольствием читаю. В основном – художественную литературу. Зимой свободного времени больше, значит, и «выработка» выше.

Такая же неистребимая любовь к книгам – у моей жены. В каждой комнате у нас книжный шкаф или стеллаж. Точное число книг в семье никто не знает, думаю, что около двух тысяч.

Хотелось бы немного порассуждать о причинах «книжной зависимости». На мой взгляд, в детстве это происходит из-за неиссякаемой тяги к романтике, приключениям, постижению таинственного. Ты восхищаешься мужеством, благородством героя книги, хочешь стать таким же отважным и честным, презираешь подлецов и трусов, сочувствуешь угнетенным.

Общеизвестно, что сегодня число любителей чтения среди детей катастрофически падает. Мне говорят: другое время, дети больше «подкованы» технически, тесно общаются с компьютером, чаще смотрят кино.

Так-то оно так. Но... но мне этих детей жаль. Что может дать им компьютер? – многочисленные и однообразные игры с бесконечной стрельбой, убийствами. То же самое происходит и на экране.

Хотел бы подчеркнуть, что это сугубо моя личная точка зрения. Скорее всего, потомки с ней не согласятся. Кому сегодня поклоняется ребёнок, если он не читает хороших книг? За ответом далеко ходить не надо: образцом для подражания являются «крутые» и богатые дяди, красивые, гламурные и длинноногие тётки.

Отец

Папа... Для меня это слово было волшебным, святым. Я никогда не видел отца, не разговаривал с ним. Но знал, что он до конца своих дней любил меня и думал обо мне. Помню, не раз приставал к матери: расскажите про папу (мы с сестрой обращались к маме на «Вы»).

Со слов мамы нарисовал себе такую картину: последняя ночь перед отъездом отца в трудовую армию... Он чувствовал, что больше не вернется. Долгожданный сыночек приболел, куксился, не спал. Не спал и отец, вышагивая из угла в угол с малышом на руках. Потом ребёнок всё-таки уснул, а отец всё ходил и ходил с ним (со мной), баюкал, разговаривал...

Отправили отца вместе с другими мужчинами-немцами в Котласский район Архангельской области, на лесоповал. Зима, жуткие морозы, адские нагрузки, сырой, холодный барак. И самое страшное – голод. Те, кто выжил, рассказывали: люди копались в помойках, ели картофельные очистки...

Насколько мне известно, даже заключенные в концлагерях не испытывали таких лишений. А ведь зэки худо-бедно считались виновными в

нарушении каких-то законов, преступниками, в отношении каждого из них имелся судебный приговор или хотя бы решение «тройки». В чём же была вина моего отца? – Вопрос, как говорится, риторический...

В общем, продержался он три месяца. Этого времени хватило, чтобы молодой (38 лет), крепкий мужчина превратился в тень, в развалину. Полный упадок сил, дистрофия, смерть...

Никакой официальной бумаги о смерти отца у нас не было – не снизошли. Зато имелись устные свидетельства нескольких односельчан по поводу его кончины.

Я тем временем понемногу подрастал. Вот мне уже девять лет, мать достаёт из сундука старую шапку: «возьми, отцовская». С какой же радостью, с какой гордостью носил я эту шапку!

Как-то появился незнакомый дядя из соседней деревни, который вроде бы видел после войны человека, похожего на моего отца. Мать не очень в это поверила, да и сам «очевидец» потом признал, что ошибся. Какая же буря поднялась в моей детской душе! Отец жив – и это главное, скоро он придёт к нам, он увидит, какой у него растёт замечательный сын! Я стал добросовестнее готовить уроки, усерднее делал всю работу по дому, – а вдруг папа и вправду приедет.

Новый переезд

Когда мне стукнуло чуть более одиннадцати, семья покинула казённый больничный домик. Мы купили полдома на улице Ленина в той же Курье. По этому адресу прожили около двух лет.

Здесь я познакомился и подружился с Вовкой Черемисиным, моим ровесником, замечательным мальчишкой. Мы во многом были похожи, оба увлекались книгами, мечтали стать лётчиками. Более задушевного, откровенного друга у меня больше не было. История его жизни такова. До 7 лет Вовка жил с родителями и младшей сестрой где-то в Новосибирской области. Это было (с его слов) просто сказочное время: всеобщая гармония, любящие отец и мать, лад в семье. Меня в его рассказах особенно поражала неслыханная деталь: однажды отец принёс домой целый килограмм шоколадных конфет!

Но... Сказке пришёл конец. Отец встретил другую, развёлся с женой. Детей поделили, Вовка выбрал отца, и они вместе с новой мамой уехали в Курью.

Вовку мачеха невлюбила сразу. Особенно испортились отношения, когда родилась маленькая девочка. Любые слова, любые поступки пасынка бесили мачеху, она разговаривала с ним на повышенных тонах, ставила в угол,

отвешивала подзатыльники. Он был мальчик самолюбивый и гордый, на поклон не шёл, продолжал упрямо молчать.

Мачеха постоянно жаловалась отцу, «накручивала» его. Тот уже не смотрел на сына так открыто и приветливо, как раньше, часто раздражался, несколько раз выпорол его ремнём. Однако самым страшным для моего друга были не побои, не откровенная неприязнь мачехи. Он никак не мог примириться с тем, что отец, самый любимый и самый справедливый человек в мире, отвернулся, не понимает, не любит его... И Вовка пошёл на крайнюю меру – решил отравиться. Слава Богу, настоящего яда он не достал и всё закончилось рвотой.

В ту пору я не раз сравнивал наши судьбы, и приходил к выводу, что лучше уж жить совсем без отца, чем стать для него чужим и нелюбимым.

Несколько десятилетий спустя бывало в моей жизни и так, что какие-то женщины проявляли повышенный интерес к моей скромной персоне. И тут опять следует признаться в своём занудстве: никаких намёков на сближение! Никаких шансов на распад семьи. Тем более, что и с женой мне повезло, с моей Аделинушкой не могла соперничать никакая другая женщина.

Комплекс вины

Сейчас, мысленно возвращаясь в ту пору, каждый раз отмечаю: идеологическая обработка юных умов в СССР находилась на самом высоком уровне.

Эмоциональное воздействие детских советских книг на меня, например, было столь велико, что я готов был, не задумываясь, отдать саму жизнь за коммунистические идеалы, за товарища Сталина. Я гордился тем, что живу в Советском Союзе. Мне было искренне жаль иностранцев, которые жили в капиталистических странах. Особое сочувствие вызывали американские негры, подвергавшиеся жестокой эксплуатации и суду Линча.

Очень популярными в то время были книги об участии в войне детей и подростков: «Сын полка», «Черемыш – брат героя», «Улица младшего сына» и многие другие.

Впитывая содержание этих книг буквально кожей, я, конечно же, был на стороне юных героев, ощущая себя советским (синоним – русским) мальчиком. Злодеяния врагов – немцев – вызывали стойкую ненависть. В это время я совершенно отрешался от мыслей о собственном происхождении.

Все знают, что дети часто бывают крайне жестокими. Так было и в моём детстве. Какая-нибудь ссора по пустякам, и вот уже, как пуля, летит в меня страшное слово – «немец!» Я никогда не был забиякой, не умел и не любил драться. Обходилось без мордобоя и в подобных случаях – я просто уходил. Где-нибудь в укромном уголке предавался истерике, часами задавал себе вопросы, на которые не находил ответов. «Ну какой же я немец, если я советский? Как доказать окружающим, что я не такой, как «те» немцы?»

При этом я полагал, что не имею права сердиться на обидчиков, ведь они не могут отличить советского мальчика (формально – немца) от «тех», настоящих немцев. Кроме того, у каждого из этих ребят своё горе: убит отец, или брат, или дядя, и так далее. Вот такой вот комплекс вины в детском возрасте. Потом удавалось как-то отвлечься от болезненной темы до ближайшего напоминания, – умышленного или неосторожного, – и всё начиналось сначала.

С годами эта кровоточащая рана понемногу стала затягиваться, но комплекс вины остался на всю жизнь.

Подпасок

Нужда была беспросветной. Мама работала уборщицей, получала гроши. Находила какие-то дополнительные заработки и вкалывала, не жалея себя. Мы с сестрой учились в школе. Редко, когда (2-3 раза в год) по праздникам мама вручала нам по рублю на расходы. На рубль можно было купить 100 граммов самых дешевых конфет – подушечек. Шоколадных конфет я в детстве не пробовал. Из книг знал, что солдатам на войне выдавали НЗ в виде шоколада.

В кино мне удавалось побывать тоже не часто: один-два раза в год. Родная тётя Вовки Черемисина работала кассиром в Доме культуры и иногда договаривалась, чтобы нас бесплатно пропускали на сеанс. После начала фильма, в темноте, мы пробирались в зал, садились на пол почти у самого экрана и – блаженствовали.

Рассказываю о нищезной нашей жизни не для того, чтобы вызвать возмущение или жалость. – Просто время было такое, плохо (в смысле материальном) жили все.

Я привык довольствоваться малым, и в целом (если не считать болезненных размышлений о национальности) был счастлив.

Страна победила в войне, народное хозяйство крепнет. Книжки приносили ежедневную радость, помогали забыть о бытовых неурядицах, поддерживали веру в светлое будущее.

Мне уже двенадцать лет, я – единственный мужчина в доме, и пора бы приносить какой-то доход, – так примерно рассуждал я в то время.

Вскоре такая возможность подвернулась. Мама узнала, что дядя Саша, пастух, ищет себе помощника, и спросила, согласен ли я временно поработать подпаском. Я с радостью согласился. Так весной 1953 года я стал подпаском. Занятия в школе закончились, оставалось сдать экзамены за 4 класс.

Вознаграждение за работу было чисто символическим: какая-то сумма в рублях (сколько – не помню) плюс хозяйки приносили нам на обед по очереди варёные яйца, молоко и хлеб.

Скажу прямо: работа оказалась изматывающей. Подъём – в 4 часа утра, домой возвращался в 10 вечера. Весной коровы ещё не обвыклись, взбрыкивали, норовили отстать, отбиться от стада. Пастух, дядя Саша, гарцевал на лошади, а я, разумеется, пешочком. Помогала нам смышлёная дворняжка Найда.

Были ещё проблемы с «формой» одежды. Утром холодно, сыро, приходится одевать плащ и обувать сапоги. Днём припекает солнце, лишнюю одежду надо снимать и носить в руках. Иногда сбрасываешь и сапоги, но тогда увеличивается ручная кладь, – не очень-то и побегаешь.

Любопытная деталь: вроде бы огромное стадо – больше 200 голов – однако каждую бурёнку узнавал в «лицо», помнил кличку и домашний адрес, знал её норы (склонность к побегам и прочее). Ещё одно наблюдение: характеры хозяек и их коров, как правило, совпадали, то есть самые вредные коровы были у самых склочных женщин.

Вечером я уже не приходил, а приползал домой, не всегда хватало сил поужинать. Не успел уснуть, уже утро. Мама будит, уговаривает, сует в рот конфетку. Кое-как поднимаюсь, и – вперёд!

Когда бывало совсем не вмоготу, думал об отце: ему-то приходилось куда труднее! Во всяком случае, я ни разу не пожаловался маме и не заводил речи о бегстве с работы. Примерно через два месяца она сама не выдержала и «уволрила» меня с должности подпaska.

Но до этого было ещё одно приключение, связанное со школой. Как я уже говорил, надо было сдавать экзамены за 4 класс, в том числе диктант. Он должен был состояться где-то в конце мая, в 12 часов дня, в присутствии экзаменационной комиссии.

Поскольку я был самым грамотным в классе, учительница заранее распределила места за партами так, чтобы самые слабые ученики оказались рядом со мной, и чтобы я смог проверить их тетради. Однако в назначенный день на моей работе случился форс-мажор: куда-то запропастилась стельная корова. Дядя Саша знал, что у меня экзамен, но распалился, орал на меня: – Никуда не отпускаю, пока не найдешь корову!

Я обегал все окрестности, обыскал все укромные уголки, где могла бы укрыться злосчастная корова, но всё бесполезно. Вот уже подошло время бежать домой – переодеться, а конца поискам не видно. Спасибо, выручила сестра. Она догадалась, что случилось нечто непредвиденное и прибежала меня подменить. Я вихрем помчался домой, из последних сил добежал до школы, но

всё-таки опоздал: экзамен уже начался. Учительница зверем посмотрела на меня, – ведь срывался весь план экзамена, – но сказать ничего не могла.

Несколько слов об этой учительнице. Она вообще не любила учеников-немцев и не скрывала этого. Чувствовалось, что ей неприятно было в течение учебного года ставить мне хорошие или отличные оценки. Однажды, когда я написал дома сочинение на свободную тему – о ледоходе – она заявила, что я его откуда-то списал. Было очень обидно: ведь ледоходами на реке я любовался часами, вложил в сочинение всю фантазию, всю душу, и вдруг... списал!

И ещё, для полной ясности. Это была не та учительница, которая встречала меня в первом классе, и даже не та школа. Но вернёмся к экзамену. Диктант я написал на 5, успел проверить тетради двоечников, и никто из них не завалился.

Переезд в Казахстан

Зеренда

Внимательный читатель наверняка запомнил, что у мамы был единственный брат, Андрей. В Лангенфельде он работал учителем, был женат. Однажды уличил свою супругу в неверности, но скандалить не стал и просто ушёл из дома. Совсем. Через несколько лет женился на своей бывшей ученице, Минне Браун, моложе его на десять лет. В Лангенфельде же у них родился сын Лёва, мой ровесник.

После насильственной высылки из Поволжья мама долго, несколько лет разыскивала брата, писала различные письма и запросы, и вот, наконец, узнала его адрес: Казахстан, Кокчетавская область, станица Зеренда. Они стали переписываться, мы с Лёвой – тоже.

Здесь я должен разъяснить, что вот просто взять и уехать мы не могли. Все взрослые немцы находились в то время под специальным надзором, каждую неделю обязаны были приходить в комендатуру отмечаться. За самовольный выезд из населённого пункта наступала строгая ответственность, вплоть до уголовной.

Чтобы соединить наши семьи, требовалось, во-первых, получить вызов от дяди Андрея, во-вторых, получить «добро» на выезд нашей (Курьинской) комендатуры. На всю эту писанину ушёл ещё примерно год. И всё это время я находился в радостном ожидании, в предвкушении встречи с дядей Андреем, тётёй Минной и Лёвкой.

И вот наконец разрешение на выезд из Курьи получено. Я – правая рука мамы по подготовке к отъезду (старшая сестра относилась к этому событию довольно спокойно). Быстренько пишу с десятков объявлений о продаже дома и

расклеиваю их в разных точках райцентра. Больше нам продавать нечего. К счастью, покупатель нашёлся быстро, кое-какие вещи мы раздали соседям.

Вынужден сделать маленькое отступление. У мамы случился роман с женатым мужчиной (жизнь есть жизнь!) и в июне 1953 года у меня появился маленький братик, которого назвали Витей.

Была середина марта 1954 года, погода – настоящая зимняя. Меня пришёл провожать Вовка Черемисин. Расставались чуть не со слезами: чувствовали, что больше не увидимся (так оно и вышло). Мама с малышом и Ира садятся в кабину «полуторки», я – в кузов (мужчина всё-таки). Ехать до станции Поспелиха примерно 60 километров, добирались часа два – опасно из-за скользкой дороги и гололёда. Ноги в сапогах совсем замёрзли, потеряли чувствительность, но маме отвечаю бодро: «всё хорошо!» Когда приехали, с трудом сумел подняться.

Впервые увидел паровоз и железную дорогу, пришёл в восторг. На поезде ехали примерно двое суток, потом пересадка, потом ещё двое суток. Мне всё было интересно: смотрел в окно, на станциях бегал за кипятком, расспрашивал проводников.

И вот она – станция назначения – Кокчетав. Отсюда до Зеренды ещё пятьдесят километров. Дядя Андрей прислал за нами «газик». Ура! В Зеренде мне сразу понравилось, встретили нас радушно, с Лёвкой мы стали просто неразлучными. Кроме него, в семье было ещё двое детей – младшая сестричка Эрика(7лет) и Ирина(1год).

Зеренда – старинная казачья станица на севере Казахстана. Красивейшее место: невысокие горы, с двух сторон – сосновый лес, с западной стороны – озеро. Население в основном русское, около 80%. Примерно 10% составляли казахи, столько же – немцы. Существовала красивая легенда о дочери атамана, которую звали Зеренда (ударение на втором слоге). Когда её возлюбленный погиб в бою, она тоже решила умереть и бросилась со скалы в озеро. С тех пор это озеро зовётся Зерендинским.

Пошёл в школу заканчивать пятый класс. Здесь меня встретили настороженно, как всякого новичка, смеялись над тем, как я произношу букву «г» (мягко, по-украински). С успеваемостью всё наладилось.

Очень понравился учительнице мой ответ по истории Древнего Рима.

– Вот как надо отвечать, – сказала она ребятам и поставила мне пятёрку.

Я же, в свою очередь, был удивлён: в нашей Курьинской школе любой пятиклассник ответил бы не хуже. Дело в том, что историю вёл увлечённейший человек, блестящий оратор, Виктор Николаевич. Он так интересно рассказывал, что даже самые неисправимые шалуны сидели, затаив дыхание.

Потом меня спросили на уроке немецкого, я опять ответил правильно. – Конечно, – раздалась чья-то реплика, – он же немец.

Я усмехнулся и решил «утереть нос» недоброжелателю на уроке русского. Вскоре класс писал диктант, я особенно старался, даже буквы выводил аккуратно, и в итоге получил заслуженную пятёрку.

Зато трудно мне приходилось на уроках казахского языка – ведь пришёл я в класс только в конце учебного года. Но кое-как справился.

Кстати, в следующем учебном году этот предмет по каким-то соображения отменили. Самой распространённой фамилией в Зеренде была «Светличный».

Только в нашем пятом «Б» Светличных было аж три, причём двое из них – Анатолии. Вот и приходилось учителям называть этих пацанов по имени-отчеству.

Интересные метаморфозы происходили с некоторыми моими одноклассниками. Так, Светличный Юра был в пятом классе тихим, скромным, трудолюбивым мальчиком. В шестом наметилась тенденция к некоторым переменам, а в седьмом классе это был уже откровенный циник и грубиян.

С точностью до наоборот менялись братья Власовы – Миша и Серёжа. Бесшабашные озорники и драчуны в пятом классе, к седьмому превратились в серьёзных, рассудительных ребят, вступили в комсомол, стали активистами.

Был и ещё один... типус, Валерка Орлов. Этот не менялся. Маленький, с пухлыми щёчками и бегающими глазками, недоброжелательный, злобный и мстительный, он никому не верил и ни с кем не дружил. Меня, новенького, он особенно невзлюбил, видимо, за мои успехи в русском языке. Это был, несмотря на детский возраст, законченный карьерист. Ещё в пятом классе он решил, что будет военным, офицером.

По другим предметам, будучи зубрилкой, Валерка обходился без троек, а вот русский письменный ему не давался – сказывалась нелюбовь к чтению книг.

Как-то я принёс в школу скромный обед: кусок хлеба с салом. Кто-то попросил кусочек сала, я дал. А потом этот «кто-то» намазал классную доску салом, мелом писать на ней стало невозможно, урок русского языка был сорван. Разгневанная Марья Сергеевна, моя любимая учительница, грозно спросила:

– Кто принёс сало в школу?

Тут же вскочил Валерка Орлов и радостно показал на меня. Позже всё выяснилось, и Марья Сергеевна с отвращением отчитала Орлова, назвав его поступок подленьким.

Закончив седьмой класс, я дневную школу оставил, учился в вечерней, с Орловым больше не встречался. От знакомых мне было известно, что он всё-таки поступил в военное училище. Не знаю, стал ли он хорошим командиром, но думаю, что вряд ли.

Немецкий язык в 5-7 классах вёл Максим Львович Канторович. Такой лютой взаимной неприязни между учениками и учителем мне больше не приходилось видеть. Это был мужчина лет 50-ти, лысый, с вечной перхотью и неприятным запахом изо рта. Галстук, который он носил, видимо, был ровесником Максима Львовича, брюки никогда не знали утюга, а ботинки – ваксы. Была у него престранная с моей точки зрения кличка – «Тарзан». Почему Тарзан, при чём тут Тарзан, спрашивал я ребят, но они только посмеивались. Видимо, эта кличка родилась гораздо раньше, чем мы, ученики Максима Львовича.

В конце 6-го класса Максим Львович неожиданно заглянул ко мне домой. Сердечко моё ёкнуло: видимо, жаловаться пришёл, хотя особых грехов за собой я не вспомнил. А пришёл он по надуманному поводу: попросил меня нарисовать на карточках из плотной бумаги весь латинский алфавит, и даже обещал заплатить (как и ожидалось, об этом он «забыл»). На самом деле он хотел «осчастливить» мою маму, предлагая руку и сердце, однако, получил «отлуп». Она мне потом возмущённо говорила: «нужен мне этот старый вонючий еврей».

Глава вторая

НАЧИНАЮ РАБОТАТЬ

Промартель «Победа»

На восточной окраине Зеренды раскинулась местная достопримечательность – промартель «Победа», занимавшаяся изготовлением мебели.

Основные цеха промартели – механический, строгальный, столярный и малярный. Были ещё пилорама, сушилка и кузница.

В механическом цехе доски или горбыли торцевали по длине, обрезали по ширине, из отходов тут же, на других станках, пилили дранку.

Рёв, визг здесь стоял фантастический, но мне как раз это и нравилось, под впечатлением книг с ранних лет мечтал стать рабочим.

В строгальном цехе шла более тонкая отделка древесины: её здесь строгали, фуговали, сверлили, фрезеровали.

Все эти станки производили массу опилок, стружек, обрезков и других отходов. Уборка этих отходов считалась неквалифицированной работой и оплачивалась по самому низшему тарифу, взрослые парни избегали её. Поэтому администрация охотно принимала на работу в качестве подносчиков детей и подростков. Детей – временно, а тех, кому исполнилось 16 лет, постоянно.

Два лета подряд, после 5-6 классов, я работал здесь подносчиком, вместе с тремя-четырьмя своими одноклассниками. Поблажек нам не было никаких, рабочий день длился 8 часов. Целый день приходилось таскать здоровенные

фанерные носилки с опилками или другими отходами, на расстояние более 100 метров. За несколько лет в одном из углов территории «Победы» образовалась такая гора опилок, что зимой ребята катались с неё на санках. От многодневных силовых нагрузок у меня непропорционально вытянулись руки.

Кстати, именно таким путём – вытягивание с нагрузкой – некоторые тренеры увеличивают рост юных баскетболистов.

Когда заканчивал 7 класс, твёрдо решил в дневной школе больше не учиться и поступить в ту же «Победу» на постоянную работу.

Пришёл в контору – наводить справки. Мне сказали, что принимают только тех, кому исполнилось шестнадцать. – Что делать? Ведь в 1956 году мне стукнуло только пятнадцать.

Пришлось пойти на подделку документа: в свидетельстве о рождении исправил «1941» на «1940», представил в администрацию, и меня приняли на постоянную работу (через два года после этого я законным путём, через ЗАГС, восстановил правильную дату рождения).

И снова, третье лето подряд, ежедневно таскаю тяжеленный ящик с опилками. Потом пошёл на «повышение» – тоже подносчик, но в строгальном цехе: укладываю готовые детали в штабеля, разношу по мастерам-столярам, ассистирую станочникам. Здесь однажды чуть не расстался со своей жизнью.

Дело было так. Молодой, крайне энергичный фрезеровщик Гена задумал выполнить установленную норму на 200 процентов.

– Только дайте мне в помощники Яшу, и рекорд будет! – заявил Гена.

И вот мы с ним в ночной смене. Никто и ничто не отвлекает. Гена готовит станок, я укладываю поближе и поудобнее детали. Работа закипела. Я выхватываю из штабеля деталь, передаю Гене, он быстренько подносит оба края к фрезе, возвращает деталь мне, я вручаю ему следующую, – и так сотни, тысячи раз подряд. Казалось бы, скучнейшее занятие, но нас охватил какой-то спортивный азарт, упоение работой.

Вдруг у самого моего виска что-то просвистело, а Гена ругнулся: от явной перегрузки сломалась фреза. Фрезу заменили, процесс продолжился, и рекорд был установлен. На следующий день я увидел круглую дырку в стекле окна цеха, и не мог понять, от чего это. Мне сказали, что дырка – от осколка фрезы, и только тут до меня дошло, что именно за предмет пролетел ночью около моего уха.

Видимо, не зря цыганка в раннем детстве нагадала мне: «будешь жить до ста лет». Примерно в 6-летнем возрасте упал с лошади на полном скаку – и ничего. Года через три – опять история с лошастью. Ехал один в бричке, навстречу – «полуторка». Лошадь испугалась, бросилась в сторону и понесла, бричка сломалась. Передняя ось с колёсами осталась при лошади, а всё остальное перевернулось вместе со мной. Опять отделался ушибами.

И, наконец, в 12 лет чуть не утонул в речном водовороте. Летом того же (1956) года случилось нечто другое, прочно оставшееся в памяти. Возвращаясь из второй смены, с удивлением стал обнаруживать, что ничего не вижу в ночное время, домой добирался буквально на ощупь, вдоль забора. Сведущие люди объяснили – это «куриная слепота», появляется от недостатка каких-то витаминов. Мама купила и сварила печёнку, я её старательно поедал и примерно через две недели ночное зрение восстановилось.

С удовольствием бывал в столярном цехе, всё больше укрепляясь в своём желании поступить сюда. Подал заявление о переводе в столярный цех учеником, его удовлетворили, началась совсем другая жизнь. Мне здесь всё нравилось: и запах сосновых стружек, и обстановка, и сам процесс рождения мебели.

Прошло три месяца, и я стал считаться столяром. До настоящего мастера, конечно, ещё далеко, но всё же... Поручали мне в основном собирать табуретки, – партиями, сразу штук по 50. Это значит: надо обстругать рубанком, вручную, 200 ножек, столько же верхних царг и столько же нижних, всё это почистить наждачной бумагой; заострить шипы на царгах; прочистить отверстия; снять на ножках (рашпилем) фаску. Потом надо было сварить столярный клей и, поддерживая его на электроплитке в горячем состоянии, приступить к сборке (склеиванию) половинок. Когда клей на половинках застывал («схватывался»), склеивал уже весь корпус, и так далее. Крутился как робот, без перекуров (курить я, кстати, так и не научился), а заработки были очень скромные.

Потом стали доверять столы, тумбочки, зарплата чуть подросла. Все деньги, до последнего рубля, я с гордостью вручал распорядителю семейного бюджета – маме. Помню, как мы радовались, когда смогли наконец купить патефон. Только через год работы, по решению семейного совета, я купил себе велосипед.

Следуя задуманному, осенью 1956 года пошёл в вечернюю школу (к этой теме я ещё вернусь).

Печатник

Мне было около семнадцати, когда Его Величество случай привёл меня в типографию. Главным её (типографии) назначением был выпуск районной газеты на двух языках (русском и казахском).

Кроме того, печатали так называемые «заказы» – бланки различных конторских, бухгалтерских документов, большого и малого форматов. Общий тираж газеты составлял примерно три тысячи экземпляров, «заказы» доходили до 4-5 тысяч.

Я – ученик печатника. Мой наставник и «бог» – дядя Вася. Небольшого роста, очень крепкий мужичок с вятским выговором, неисправимый хвастунишка. Но самое невероятное – он был абсолютно неграмотным. То есть не умел читать, даже по слогам. Но расписываться в ведомости научился, ставя какую-то закорючку.

Газету выпускали два раза в неделю. По средам и субботам приходилось работать до 22-24 часов, иногда и до 3-4 часов утра. Дядя Вася в эти выпускные дни (и ночи) был, как правило, под большим хмельком.

Его ругали, стыдили, но уволить боялись – он был незаменим. Дело в том, что в типографии была своя автономная электростанция – небольшой движок, питавшийся бензином. Найти другого человека, который умел бы работать на печатном станке, а также мог бы обслуживать этот движок, ремонтировать его, видимо, было очень непросто.

Дядя Вася брал меня с собой в землянку, где стоял движок, начинал «колдовать» над ним и безудержно хвастать. На меня обрушивались сотни слов (каждое второе – непечатное) и водочный перегар. Смысл повторяющихся церемоний – утвердить своё величие и лишней раз подчеркнуть моё ничтожество.

При всей своей неграмотности дядя Вася ухитрялся выпускать «левые» заказы, получая расчёт за них наличными.

Надо ли говорить, что я тихо ненавидел своего наставника-истязателя и презирал его? Однако из уважения к возрасту и просто из вежливости никогда не перечил ему и старался не показывать истинного к нему отношения.

Прошло три месяца, и вот я уже не ученик, и получаю зарплату печатника (кстати, самую скромную). Надо сказать, что приобрести автоматические навыки работы на плоскочечатной машине (для газеты) и на «американке» (для «заказов») очень и очень непросто.

Весь фокус в том, что нужно примерно один раз в секунду вложить в «пасть» прожорливой машины очередной лист бумаги, причём строго по борту. Если лист вложен не совсем точно, машина его выплюнет, а следующие 3-4 экземпляра будут испорчены (на обратной стороне появится зеркальное отображение текста). Отмечу в скобках, что допустимая норма брака – всего один лист на сотню.

Итак, я стал печатником, а дядя Вася... заведующим типографией. Он стал ещё более наглым, окончательно уверовав в свою руководящую звезду.

– Ворон ворону глаз не выклюет, – часто говорил дядя Вася, имея в виду себя самого и первого секретаря райкома партии П. Макейкина.

Любопытно было наблюдать, как происходили некоторые его диалоги с заказчиками. Заказчик в установленный срок предъявляет квитанцию и просит передать ему готовую продукцию. Дядя Вася приходит в страшное возбуждение, негодование, начинает кричать на бедного заказчика. Тот искренне недоумевает, ему и в голову не приходит, что заведующий – просто неграмотен. А дядя Вася меж тем отзывает меня в сторонку, показывает квитанцию и спрашивает, что это за заказ и готов ли он. Потом, нимало не смущаясь, выдаёт готовые бланки и ещё ворчит, что начальство – мол, «уважать надо».

Но оставим на время дядю Васю. В типографии было немало и других людей, гораздо более интересных и разных.

Патриарх типографского ремесла, старейший в Кокчетавской области наборщик, виртуоз своего дела Ганберг Генрих Адольфович. Ему тогда было за 70, а наборщиком он стал 50 лет назад, в Питере. В бурном 1917 году набирал листовки большевикам, входил в какой-то революционный Совет. Родился и жил в Санкт-Петербурге. Родителей, российских немцев, лишился в раннем детстве, вырос в русской семье, по-немецки не знал ни слова. Но всё же считался немцем, и в конце 1941 года, под одну гребёнку со всеми немцами СССР был выслан в Казахстан. Здесь долго не мог устроиться по специальности и только в 1956 году, после реабилитации советских немцев, смог вернуться к работе, которую прекрасно знал и любил. Любую из наших наборщиц – по скорости и качеству набора – он превосходил вдвое. Смотреть на его работу было великое удовольствие – одна рука держит верстатку, а другая мелькает с непостижимой быстротой и даже каким-то изяществом.

Наборщицей казахского текста была Варя Арнольд, ей тогда было примерно 25 лет. Чистокровная русская, она выросла в казахском ауле, свободно владела устным и письменным казахским языком. Замуж Варя вышла за немца, отсюда и её фамилия – Арнольд. Варя была очень совеcтливой, справедливой и спокойной женщиной. Несмотря на разницу в возрасте, между нами установились хорошие товарищеские отношения, она стала как бы моей старшей сестрой. Варя рассказывала об особенностях культуры, о традициях казахов, учила меня языку (к сожалению, с годами, за отсутствием практики, казахский язык выветрился из моей памяти). Она же помогала мне освоить кассу наборщика. Это такой большой ящик с делениями, где каждая буква имеет свой «домик».

Стоит упомянуть ещё о Марии Юсуповой. Это была казашка примерно 40 лет (мне она казалась старухой), чрезвычайно живая и озорная. Любила рассказывать молодым девушкам анекдоты сомнительного свойства, и такого же содержания случаи из собственной жизни. При всём при этом она не была злым человеком, и мы с ней даже подружились.

Типография располагалась в одном дворе с райкомом партии и райкомом комсомола, секретарь райкома комсомола и его заместитель стояли на учёте у нас, в типографии (а я в то время был секретарём этой первичной ячейки). По этому поводу коллеги иногда шутили, что я, мол, – начальник самого Николая Внуковского – главного комсомольца в районе.

На всю жизнь сохранил я самые тёплые воспоминания об этом человеке. Простой, доступный, внимательный, доброжелательный, Внуковский всегда располагал к себе молодёжь. Он с большим участием следил за моей судьбой, всячески поощрял мою учёбу в вечерней школе, а когда я её через 2 года закончил, организовал торжественное вручение аттестатов зрелости всем выпускникам одиннадцатого класса Зерендинской вечерней школы. К сожалению, я не знаю, как сложилась дальнейшая судьба Николая, так как в 1961 году совсем уехал из Зеренды, но думаю и надеюсь, что превосходные

человеческие качества, организаторские способности Внуковского оказались по достоинству оценены.

Через дорогу от типографии находилась редакция районной газеты «Социалистический путь». Редактором был Айдархан Темирбаев, приятный на вид, ухоженный, всегда строго и опрятно одетый мужчина лет около 35. Мы все, типографские работники, звали его просто Айдарханом, без отчества. Но вот кому-то он сделал замечание, что его полное имя Айдархан Абдурахманович. Этого оказалось достаточно, мы быстро перестроились, хотя вначале в разговорах между собой заочно вышучивали Темирбаева. Сказать начистоту, он был прав: главный редактор газеты, член райкома партии, да и по возрасту не мальчик.

Из других сотрудников редакции запомнился Александр Петрович Смаглий – добродушный (на вид) толстяк, очень живой и подвижный, остролов, любитель нестандартных анекдотов и розыгрышей. К тому же – убеждённый холостяк, не очень старый (ему было немного за 30).

Он был ответственным секретарём редакции, по долгу службы чаще других бывал у нас. С каждым его приходом «климат» в типографии как бы менялся, охотнее улыбались девушки-наборщицы, внутренне подтягивался и я, готовясь к словесным дуэлям.

Прежде чем газета увидит свет, с каждой её полосы несколько раз делались оттиски. То и дело наборщицы звали меня:

– Яша, тисни!

Александр Петрович прекрасно понимал, что имелось в виду, но не упускал случая язвительно пройтись по этому поводу, а девчата беззаботно хохотали.

Надо сказать, что санитарные условия в типографии были тяжелейшие, наше здоровье безжалостно подрывало свинцовое отравление (шрифт-то из свинца).

Например, автор этих строк, совсем тогда ещё молодой человек, за неполных 2 года стал похож на туберкулёзника, осунулся, пожелтела кожа лица. Сказывались и другие неблагоприятные факторы: многочасовой малоподвижный труд, отсутствие вентиляции, плохое питание и прочее. О молоке за вредность и производственной гимнастике мы тогда и слыхом не слыхивали. Но это я теперь, на склоне лет, так подробно анализирую условия работы. Тогда я был молод, полон оптимизма, и жизнь казалась прекрасной.

Да и просто не было времени предаваться унынию. Каждый день недели был заполнен до предела: понедельник, вторник, четверг и пятница – работа в типографии и занятия в вечерней школе (домой я приходил в полночь), среда и суббота – выпуск газеты. Единственный свободный, казалось бы, день недели – воскресенье. Но... У нас был очень строгий учитель по черчению, и 3-4 часа тратились на чертежи. А вечером по воскресеньям в районном Доме культуры

проходили репетиции хора, которые я охотно посещал. Иногда удавалось сходить в кино (за год не более 4-5 фильмов). Так что проблема свободного времени не возникала, и даже наоборот. Кстати, после прихода ночью домой из вечерней школы ухитрялся ещё почитать часок-другой хорошую книгу.

Плотник

Маму давно беспокоило моё здоровье, и в конце концов она нашла мне другую работу, на свежем воздухе.

Наш дом был построен три года назад, на окраине Зеренды, и улицу, недолго думая, назвали Новой. Райцентр продолжал расширяться, за нашей улицей появился микрорайончик геологоразведочной партии.

В зиму под 1960 год в посёлке оставалась одна небольшая плотницкая бригада, завершавшая строительство трёх жилых домов. В штате так называемой бригады состояло всего три человека, тем не менее она называлась именно бригадой. По какой-то причине один плотник уехал и на вакантное место взяли меня. К началу зимы готовы были только деревянные срубы этих трёх домов, предстояло поставить крыши, застелить полы и потолки, вставить окна и двери.

Бригадиром был Иван Жук, усатый решительный мужик, очень злой – и на людей, и на работу. Он был блестящим плотником, работал быстро и точно, и ожидал такой же отдачи от сотоварищей. Однако ни дядя Миша, 50-летний увалень, ни я – «молодой специалист», не дотягивали до уровня бригадира, и это его часто бесило. Тогда он взрывался, говорил кучу резких и обидных слов и с удвоенной энергией брался за топор. Что касается неквалифицированных операций (скажем, ошкуживания брёвен), то здесь я ещё мог с ним тягаться, даже обгонял опытного дядю Мишу. В остальном же, уступая лидеру, приглядывался к его приёмам и старался их перенять. Во всяком случае, со временем он оценил мои усилия и через несколько месяцев, когда строительство было закончено, приглашал поработать с ним на другом объекте. Я вежливо отказался.

Зима 1959/1960 гг. выдалась необычайно суровой. Минус 20-30 градусов считались нормой, нередко зашкаливало за минус 40 градусов. Одеты мы были достаточно надёжно: валенки, ватные штаны, меховые рукавицы, шапка-ушанка и прочее, однако мороз (и особенно ветер) то и дело «доставали» нас и заставляли бежать на перекур. Я был единственный некурящий в бригаде, но тоже охотно забивался в тёплую курилку. К сожалению, наш жадный до работы бригадир не давал особенно засиживаться, и вот мы снова во власти мороза и ветра...

Физическая работа и свежий воздух сделали своё дело – я снова румяный и здоровый хлопец.

Чуть не забыл сказать об оплате труда. Если ранее, в столярке и в типографии я получал около 400 рублей в месяц, то в плотницкой бригаде – более 1000. Кроме того, рабочее место находилось рядом с домом. Я мог нормально пообедать днём и поужинать вечером. Так что все выгоды налицо. Но, как я уже упоминал, весной 1960 год объект закрыли и мне пришлось искать другую работу.

На культурном фронте

Мои родители неплохо пели, оба участвовали в местном церковном хоре. В детстве мне приходилось много раз слышать трио с участием мамы, – у нее был высокий, чистый, выразительный голос. Репертуар у того трио был в основном религиозный, а впечатление было таково, что трудно было сдерживать слезы. Уверен – при более удачном стечении обстоятельств, при специальном образовании и большом желании она могла бы успешно выступать на профессиональной сцене.

Часто, выполняя какую-нибудь домашнюю работу (а без работы она не могла), мама тихонько напевала народные немецкие песенки, чаще всего – грустные. До сих пор помню припев одной из них – о том, как хороша молодость и что. увы. она невозвратима. Тогда, в детстве, мне казалось странным, что такая старая женщина (а ей было где-то за сорок) еще помнит и поет о юности. Прошли десятилетия, и сегодня я, старик, опять удивляюсь, как хорошо помню свои молодые годы.

Хоть и жили с мамой под одной крышей, но песни пели разные, а главное – на разных языках... Я уже говорил, что с детства не владел немецким, стеснялся на нем говорить и тем более – петь. А что мог услышать дошколенок в заброшенной русской деревушке, не знавший, что такое радио и тем более телевизор? Конечно же, народные русские песни и всякого рода частушки. Некоторые из них – не совсем цензурные.

На всю жизнь врезались в память «Степь да степь кругом», «Тонкая рябина», «Коробейники» и другие замечательные, подлинно народные песни.

Помню, когда в первый раз в жизни попал на новогоднюю ёлку (а шел мне восьмой год), Дед Мороз попросил меня прочитать стихотворение. В то время стихов я еще не знал, разволновался, – и спел «Тонкую рябину», от первого до последнего слова. Вожделенную конфетку я все-таки получил, хотя сестра Ира явно была чем-то недовольна...

Первый официальный выход на сцену состоялся в четвертом классе, когда мы с Вовкой Черемисиным исполнили всенародный хит «Три танкиста».

Это был благотворительный концерт начальной школы для членов местного Курьинского колхоза.

Когда я учился в пятом классе, в доме наконец появилось радио. Я с жадностью слушал и запоминал новые советские песни. Те, которые особенно понравились, бесконечно распевал дома, вызывая легкое раздражение мамы. Однако в целом она тогда одобрительно отзывалась о моих вокальных способностях и говорила, что Яша, мол, пошел в отца.

Такое сравнение меня буквально окрыляло.

Прошло какое-то время, и случилась мутация голоса. Трагедией для меня это не стало, я продолжал, как и ранее, петь для себя. С 15-ти лет я стал работать, а через год купил патефон и несколько пластинок.

Надо ли говорить, что все свободное время (хоть и было его немного) я стал проводить у патефона? Среди любимых исполнителей – Леонид Кострица с двумя песнями: «Давно не бывал я в Донбассе» и «Ты сама сказала».

В семнадцать лет я решился, наконец, записаться в художественную самодеятельность Зерендинского районного Дома культуры. Был очень удивлен, когда через пару месяцев наша руководительница Лидия Львовна предложила мне запевать в хоре «Если бы парни всей земли...» (кстати, и эта песня была на одной из моих пластинок). Потом вместе с Лидией Львовной мы исполняли «Пой, солдат, пой», а затем пришло время и сольных выступлений.

Повторяю, после мутации я весьма скептически относился к своему вокалу. Главный мой судья в этом вопросе – мама – без особого восторга приняла мою «артистическую» карьеру, и это помогло мне трезво оценивать собственные возможности.

Участвуя в самодеятельности, я приобрёл статус этакой местной «звёздочки», многие меня знали, а девушки мило улыбались.

Ещё в период работы в типографии я, по заданию редакции, сделал репортаж на целую полосу с районного смотра художественной самодеятельности. Репортаж гордо назывался «На сцене – сельские артисты».

Два или три раза принимал участие в «гастролях» агитбригады районного Дома культуры. Во время посевной кампании или уборки урожая мы на стареньком микроавтобусе ПАЗ разъезжали по деревням и аулам, колхозам и совхозам, полевым станам, и ставили свои нехитрые номера.

Было нас обычно 9-10 человек, разумеется, все – молодые. В репертуаре, как обычно: хоровое и сольное пение, танцы, стихи. В хоре участвовали все, а солировал Ваш покорный слуга. Как сейчас помню заключительный наш выход, и слова песни:

*Мы встрече с вами были рады,
О ней мы память долго сохраним,*

*И на прощанье всей бригадой
Мы дружно вас благодарим.*

Этот текст я обнаружил в журнале «Художественная самодеятельность», без нотного сопровождения. Долго ломал голову, и наконец меня осенило. В то время довольно популярной была песня «Идёт влюбленный по планете». Вот этот мотив наш хор и взял на вооружение.

Припев в нашем исполнении звучал так:

*Пусть наши сценки неказисты,
Пусть наши песни не новы,
Простите нас, всех нас, мы не артисты,
Мы все рабочие, как вы.*

«Гвоздём» программы всегда были выступления танцора Серёжи. Небольшой, ладный, смазливый, в матросской форме, он неизменно имел оглушительный успех, особенно при исполнении чечётки. Он как бы порхал в воздухе, его ноги самостоятельно и изящно отрабатывали па, а лицо оставалось невозмутимым.

Наша красавица Любаша, исполнительница русских народных песен, которая мне очень-очень нравилась, конечно же, выбрала Серёжу, и это была самая красивая пара агитбригады.

И вот весной 1960 года районный Дом культуры получил долгожданную штатную должность заведующего автоклубом. Я считался «ветераном» самодеятельного движения, к тому же заканчивал одиннадцатый класс, и выбор пал на меня. Так в неполных 19 лет я стал «руководящим работником» культурного фронта.

В моём подчинении находилось аж 2 человека: киномеханик и водитель (он же – аккордеонист). Первый был моложе меня, второй – старше, и мы уже давно знали друг друга. Я никогда не строил из себя начальника, поэтому отношения были вполне нормальными.

Мечты об МГУ

В январе 1960 года произошло событие, определившее всю мою дальнейшую судьбу.

Директор вечерней школы З.Х. Халилова, очень добросовестная и заботливая женщина, пригласила на встречу с выпускниками (т.е. с нами) студента МГУ Гену Панкова. Год назад он окончил нашу вечернюю школу. Гена уже отучился один семестр на географическом факультете Московского университета, пришёл к нам в студенческой форме с эполетами, на которых золотом горели сказочные буквы: МГУ.

Наш 11-ый класс был совсем невелик, всего 8 человек. Я был самым молодым, Эмма Лунг – года на два постарше. Остальные были взрослые,

женатые дяди, которым просто нужен был аттестат зрелости. Поступать в какие-то ВУЗы они не собирались.

Тем не менее сообщение Гены все выслушали с большим интересом, а я пришёл в такое возбуждение, что ночью потом долго не мог уснуть.

Гена рассказывал очень красочно:

– Представляете, вот приехал я, простой рабочий парень, из глубинки, после вечерней школы. А вокруг сплошь москвичи, хорошо и модно одетые, вальяжные, ведут умные разговоры. У многих солидные папы, которые привезли своих чад на чёрных «Волгах».

– Ну, думаю, пропал! Разве можно с ними тягаться? А потом, после первого экзамена, смотрю – у одного умника «тройка», у другого вообще «двойка», а у меня – «четвёрка»! После второго и последующих экзаменов – та же картина! Ну, думаю, значит, наша Зерендинская школа, хоть и вечерняя, дала мне хорошие знания.

При этих последних словах директриса чуть не прослезилась от гордости за свою школу.

Я довольно долго мучил молодого студента разными вопросами, а он твёрдо и настойчиво повторял:

– Шанс поступить в МГУ у тебя есть.

После этого, пожалуй, не было дня, чтоб я не мечтал о Московском университете.

На языке вертелись слова песни:
*Ведь не зря на простор
Смотрит с Ленинских Гор
МГУ – величавая крепость науки!*

Мечтать-то мечтал, но не был уверен, что хватит духу ехать и поступать.

И вот второй памятный эпизод, подтолкнувший меня к положительному решению.

Рядом с нами в Зеренде жила семья наших дальних родственников по фамилии Лютц. Глава семьи работал в промартели «Победа» бухгалтером, очень важничал, считал себя и свою семью «белой костью», к нам же относился пренебрежительно. Его младшего сына звали Эрнст, он был на 2 года старше меня. Эрнст Лютц был гордостью школы, закончив её с золотой медалью, хорошо рисовал и неплохо играл на баяне. Ко мне он относился так же, как его отец, и не скрывал этого.

И вот в 1957 году Эрнст, поехав в Москву, с первого раза поступил на механико-математический факультет МГУ. Он был первым из зерендинцев, поступивших в этот прославленный ВУЗ. Весть об этом событии пронеслась по всей Зеренде. Мой двоюродный брат Лёвка гордился тем, что переписывается с Лютцем, и показывал мне его (Эрнста) письмо из Москвы. В нашей вечерней школе какая-то очень пухленькая и смазливая девушка вдруг стала задирать нос перед другими «простыми смертными», поскольку состояла в переписке с «самим Лютцем».

Отец Эрнста, естественно, вообще перестал замечать дальних родственников.

Однако однажды я с удивлением увидел его в нашем доме, очень оживлённого. Оказывается, он ездил к Эрнсту в Москву, и теперь снизошёл до нас, чтобы поделиться впечатлениями.

Вот примерный его рассказ:

– У каждого отдельная комната, и в каждой комнате – телевизор. У всех студентов персональный санузел (ванная и туалет). Вся мебель – дубовая.

Ещё о многом другом рассказал счастливый папаша, и визит его длился не менее двух часов.

Тогда я впервые признался маме, что хотел бы тоже поступать в МГУ, и она меня горячо поддержала, – видимо, чтобы утереть нос хвастливому родственнику.

Итак, решение принято, осталось только определиться, кем быть: юристом или журналистом?

Несколько раз в своей жизни мне приходилось слышать от мамы:

– Вот пойду к прокурору, он им покажет, он наведёт порядок!

И действительно ходила, и прокурор каждый раз помогал ей восстанавливать справедливость. Однажды случилось так, что мы продали свой дом в Зеренде и уехали в город Мичуринск Тамбовской области.

Маме там не понравилось, и через пару месяцев мы вернулись в Зеренду. На первое время остановились в доме моей сестры, а что дальше? Мама сходила к покупателю, просила их за те же деньги вернуть дом, но они, естественно, отказались. Тогда мама пошла к... прокурору. И случилось невероятное: он пригласил к себе покупателей, поговорил с ними, и вскоре мы уже въехали в свой родной дом. Поэтому профессия прокурора казалась мне очень нужной, важной и целесообразной.

Но, с другой стороны, последние 2 года я был связан с газетой, печатал её, иногда писал заметки, был добровольным корректором. Как-то раз, уже после подписания номера в печать, заметил существенную опечатку с «политическим» смыслом. Речь шла о выставке в парткабинете, «отрицающей» (вместо «отражающей») достижения советской власти в Зерендинском районе. Дежурный редактор, не заметивший опечатки, так благодарил меня, будто я спас ему жизнь. То и дело меня после этого просили:

– Яша, ты у нас глазастый, посмотри, пожалуйста, свежим взглядом.

Профессия журналиста тоже казалась мне очень нужной и авторитетной. Короче, на этот раз я выбрал факультет журналистики. Послал запрос в МГУ, дождался ответа. Потом отправил, заказной почтой, все необходимые документы, стал ждать вызова, но... время остановилось.

Если не ошибаюсь, последней датой прибытия абитуриентов на факультет было установлено 25 июля. Дни ползут нестерпимо медленно. Я каждый день по 3-4 раза заглядываю в почтовый ящик, но там – пусто. Вот уже 18 июля, остаётся неделя. Если сегодня вызов не придёт, я пропал.

Ведь до Москвы добираться, как минимум, трое суток, плюс потери времени на ожидание поезда (я уже знал: чтобы купить билет, надо потратить 2-3 дня).

Еду в Москву

Ура! Долгожданная бумага пришла! С работы я уже уволился, необходимые вещи заранее уложены. Утром 19 июля с огромным чемоданом выхожу на шоссе Зеренда-Кокчетав. Поймал попутный грузовик (автобусы ходили очень редко) и через 2 часа уже был в областном центре.

На вокзале встретил паренька из Зеренды, который тоже ехал поступать, но в Свердловск, в какой-то технический институт.

Как и ожидалось, билетов на поезд нет. Два дня и две ночи провели мы на вокзале, ночевали прямо на цементном полу, подстелив газеты.

При всём при этом – никакого уныния, мы полны надежд и оптимизма. Всё-таки молодость – чудесная пора!

В конце концов купили билеты и – вперёд! Вечером 24 июля поезд прибыл в Москву. Начались обычные для провинциала приключения.

Не успел я выйти из вагона, как подскочил какой-то очень услужливый человек, схватил мой чемодан, и мы побежали. Куда? – оказывается, на такси. Я бежал за незнакомцем и думал: он жулик, который хочет украсть мои вещи, или благородный человек, пришедший на помощь?

Он положил мой чемодан в такси и буднично сообщил:

– С Вас 10 рублей за услугу.

Вот тебе, думаю, и бескорыстный помощник! Деньги я, конечно, отдал, но уже подумывал о том, что могу обанкротиться.

Таксисту я сказал, что еду на факультет журналистики МГУ. Тогда я полагал, что все его факультеты находятся на Ленинских горах, поэтому не удивился, что ехали мы довольно долго (видимо, водитель вёз меня по кольцу). Потом машина остановилась.

– Приехали, с Вас 25 рублей. Надо ли говорить, что я испытал нечто вроде нокаута? За один вечер потратить 35 рублей, на которые можно было прожить неделю!

Отдав деньги и выйдя из авто, я тщетно искал глазами высотное здание университета, пока мне не объяснили, что оно совсем в другом месте.

Я поплёлся со своим чемоданищем к зданию факультета журналистики на улице Моховой. Время вечернее, всё закрыто. Как быть?

Видимо, у меня был такой растерянный вид, что работавшая во дворе женщина участливо спросила, что случилось. Я объяснил. Оказалось, что она уборщица, и живёт в этом же здании, в отдельной комнате. Она сжалась над горемыкой и разрешила переночевать. Угостила чаем с бутербродом. Своим бескорыстным поступком Ольга Ивановна в тот вечер восстановила мою веру в благородство людей.

Знакомство с Москвой

Первое утро в Москве. Я просыпаюсь от шума машин, автобусов, троллейбусов. Но этот шум не беспокоит, а радует меня. Я в восторге от того, что нахожусь в сказочной столице, да ещё и в самом её центре.

Первым делом совершаю прогулку, иду по Моховой, сворачиваю на улицу Горького, душа поёт... Вокруг умные, интеллигентные лица, интересные разговоры.

И вдруг – матерная брань. Как кувалдой по голове. Вот тебе и раз, зря я надеялся спрятаться в Москве от этого грязного наследия.

А вот другое «открытие»: на углу у магазина, на улице Горького, стоит оборванный и уже (с утра!) нетрезвый нищий, просит на пиво. Разве Москва не город коммунистического быта?

Утешаю себя тем, что «правильных» людей вокруг гораздо больше, и шагаю дальше. Обратил внимание, что абсолютное большинство встреченных мною юношей – без головных уборов и в узких брюках. А у меня – замызганная кепчонка и широченные брюки-клёш. Кепку я тут же скинул, а с шириной брюк пришлось (пока) мириться.

Вернулся на факультет, благополучно завершил все дела в приёмной комиссии, получил направление в общежитие на улице Стромынка. Не удержался и тут же сходил в Кремль, куда вход в то время был свободным. Постоял у «царей» – пушки и колокола. Полюбовался величественными соборами. У мавзолея Ленина и Сталина была огромная очередь, и туда я решил сходить попозже, после экзаменов.

Во второй половине дня, уже с чемоданом, поехал в общежитие. Спускаясь в метро, пришёл в восторг от лестницы-чудесницы. В кассе попросил:

– Мне, пожалуйста, один билет до станции «Сокольники».

Кассирша оказалась с юмором и, весело протянув бумажный билетик, ответила:

– Да хоть до «Ленинских гор»!

Несколько станций метро, потом трамвай, – и вот я у цели. Комендантская служба общежития была организована чётко, и примерно через полчаса я уже в своей большой, на 8 человек, комнате. Знакомство, оживлённые разговоры и радостный смех...

Недалеко, примерно в 15 минутах ходьбы, на Преображенской площади, находился кинотеатр «Орион», где мы вечером посмотрели с ребятами нашумевший американский фильм «Синдбад-мореход».

Мастерство голливудских кудесников экрана, конечно, впечатлило. На следующий вечер пошёл пешком в парк Сокольники. При искусственном освещении лица москвичей казались мне нереальными, какими-то особенными, как у инопланетян. На эстраде гремела музыка, и молодёжь танцевала «Буги-Вуги». Мне, правоверному комсомольцу, это явно не понравилось.

– Дергаются, как марионетки!

Экзамены

До экзаменов остаётся несколько дней. Сказать по правде, подготовлен в этот раз я был неважно. Да это и неудивительно, ведь последние 4 года я учился в вечерней школе. А это значит: целый день на работе, потом – не более часа – на выполнение домашних заданий по всем предметам. Работу оставил только за неделю до отъезда в Москву.

Кроме того, отрицательно сказывалась неуверенность в успехе. Внутренний голос то и дело шептал мне:

– Куда ты лезешь? Не будь наивным, всё равно не поступишь.

Литература была моим любимым предметом в школе, в том числе и в вечерней. Я с интересом слушал учительницу, писал неплохие сочинения, но дома учебников практически не читал, компенсируя это чтением художественных книг.

Правила русского языка требовали зубрёжки, я же, полагаясь на интуитивную грамотность, этого почти не делал.

Вот с таким багажом я и пришёл к вступительным экзаменам на факультете журналистики.

Первым, как всегда, было сочинение, тему уже не помню. Какие-то шустрые молодые люди суетились, предлагали (за умеренную плату) различные варианты сочинений, но я в эти игры не играю. Как выяснилось, после сочинения отсеялось примерно половина всех поступающих, но я уцелел (правда, оценка была самая скромная).

Пришёл черед второго экзамена: по русскому языку устно и литературе устно. Принимала экзамен пожилая прокурорная дама с мужским голосом и таким же характером, очень раздражительная и недоброжелательная. В общем, я бился, как мог, и чуть было не выплыл, но дополнительные 2-3 вопроса меня окончательно добились. Всё. Надо, как говорится, паковать чемоданы.

Казалось бы, я должен был сломаться, забыть о вожденном ВУЗе, но... я уехал с уверенностью, что «не боги горшки обжигают» и что поступить в МГУ всё-таки можно. Надо только серьёзно подготовиться. С таким настроением и уехал, целый год помнил о нём и работал над собой.

Снова Зеренда

По возвращении в Зеренду как-то зашёл в редакцию. Оказалось, меня здесь помнят и ждут.

Айдархан Абдурахманович (редактор) приятно удивил меня, предложив на выбор две должности: заведующего типографией или литературного сотрудника редакции. Конечно же, я выбрал второе: возможность уже завтра стать настоящим журналистом меня буквально опьянила. Другую должность –

зав. типографией, я отверг без сожаления. Да и дядю Васю как-то жалко стало (обида на него успела рассосаться).

Начались трудовые будни. Коллектив редакции небольшой, а в газете четыре полосы, их надо чем-то заполнять. Как и другим, мне постоянно приходилось крутиться в поисках материала, иногда и приврать, покривить душой. Поскольку я был самым молодым, чаще других ездил в командировки. На чём? Это никого не волновало. Где на попутном грузовике или на подводе, а где и пешком. Переходы по 10-12 километров давно стали привычными.

Особенно туго приходилось с поисками передового опыта. Приезжаешь в колхоз, идёшь на объект: глаза бы мои не смотрели! Крыша и стены коровников, кошар – дырявые, кругом грязь, холод, кормов не хватает. Бедные животные чуть живы, болеют, велик падёж. Но тебе в этой поездке надо обязательно набрать и показать читателю положительный опыт... Как хочешь, где хочешь, но – выдай!

Одним из направлений работы было рассмотрение писем читателей. Некоторые, после редактирования, публиковались, по другим намечались (и проводились) выезды.

В чём здесь специфика? Поскольку за напечатанное в газете выплачивался гонорар, некоторые читатели попросту лукавили. Помню одного активного собкора из отдалённого колхоза. Он сообщал буквально о каждом местном «событии», будь то субботник, чей-то юбилей или родительское собрание в школе. Каждое его письмо насчитывало от 4 до 10 листов школьной тетради. А мы давали сообщения всего из нескольких строк, – в зависимости от затронутой темы. Собкор обижался, считал, что его «зажимают». Поскольку я состоял на должности литсотрудника, приходилось, разумеется, поддерживать литературное движение в районе. В газету довольно часто поступали стихи, – и неплохие, и средние, и никакие.

По мере возможностей, после незначительных, или кардинальных доработок, мы их печатали.

Используя личные знакомства, находил любопытную информацию по районному центру. Так появилась рубрика «По Зеренде». Помню, нанёс визит школьному завучу, у которого была (по моим понятиям), «огромная» личная библиотека – примерно 500 томов, и дал об этом репортаж. Писал также об одной замечательной преподавательнице музыки, о продавщице книжного магазина, об агитаторах в предвыборный период и пр.

Однажды у здания почты увидел плакат, призывающий подписываться на газеты и журналы за... прошлый год. Так появилась хлёсткая публикация «Покупайте прошлогодний снег!» за подписью П. Шило.

Поскольку в каждом номере газеты было, как правило, несколько моих материалов, приходилось прибегать, кроме своей фамилии, и к псевдонимам (наиболее часто: П. Яковлев).

Не знаю, как других моих коллег, но меня постоянно угнетала необходимость рыскать в поисках материалов, – вот уж поистине «волка ноги кормят».

– Может быть, в крупных газетах или журналах обстановка более творческая, думал я, – и журналисты имеют возможность «обсосать» материал со всех сторон. Возможно, хоть они не находятся в вечных поисках информации?

Вот так день за днём, шаг за шагом выветривалось из моей головы романтическое представление о профессии журналиста.

Я уже начал сомневаться в правильности первого выбора, и всё чаще склонялся к мысли о поступлении на юридический факультет, но – только МГУ!

Разумеется, я продолжал верить в свою мечту, много работал над собой, зубрил правила правописания, даже посещал некоторые уроки в вечерней школе.

Здесь я познакомился с учеником 11 класса Костей Куровским, тоже собиравшемся поступать в МГУ, но на другой факультет – экономический. Мы подружились. Костя – высокий (190 сантиметров), 18-летний парень, по происхождению – поляк, хотя родного языка не знал. Тоже начал рано работать, потому и оказался в вечерней школе. Имел хорошие способности к точным наукам и... велосипедным гонкам. И здесь и там добился со временем успехов.

Мы вместе готовились к поступлению, много общались, совершали дальние велопробеги.

Я – студент!

Я отправил запрос на юридический факультет МГУ, Костя – на экономический.

Прошло ещё какое-то время, и мы отправились в путь. Вдвоём явно веселее, к тому же я – на правах «бывалого» абитуриента и старшего по возрасту (на 2 года).

В столицу поезд прибыл в 4 часа утра, метро и наземный транспорт ещё не работают. Не беда! Отправились к центру Москвы пешком, по троллейбусному маршруту.

Побывали каждый на своём факультете, получили направления в общежитие. На Стромынке поселились в одной комнате, готовились к экзаменам.

Для меня старт оказался неплохим: сочинение – «четыре», устный –

опять «четыре». Удовлетворительно сдал оба экзамена и Костя. Предстоит испытание по немецкому языку. В школе, где я учился, преподавание этого предмета было поставлено из рук вон плохо. Упомянутый выше учитель сам знал его слабо, плюс антипатия к нему, «Тарзану», лично, плюс антипатия к «вражескому» (после войны) языку и т.д. Короче говоря, мы в 6 и 7 классах кое-как одолели программу за 6 класс. В старших классах вечерней школы иностранный язык не преподавался. Самостоятельно же наверстать имеющиеся пробелы достаточно сложно.

Короче, за свой «родной» язык я получил «тройку». Особенно огорчился этому Костя. – Уж если ты получил «тройку», то что будет со мной?

Не зря Костя паниковал, он действительно получил «неуд», но продолжал жить в общежитии.

Пока я готовился к последнему испытанию, он (Костя) подрабатывал на разгрузке арбузов в речном порту.

Итак, я готовлюсь к заключительному экзамену по истории в читальном зале. Все столики заняты, абитуриенты сосредоточенно зубрят.

И вдруг тишина разрывается оживленным разговором, громким смехом. Какая-то небольшая, курносая, нахальная (как воробей) девушка что-то говорит и беззаботно хохочет. Я не выдерживаю:

– Девушка, а Вам не кажется, что здесь не место для развлечений?

Она весело посмотрела на меня, улыбнулась, и, ничего не сказав, увела всю компанию.

А я, почувствовав некоторое облегчение, продолжал корпеть над историей. Уж больно нудное занятие – эти даты, леший их побери! Нелюбовь к датам сказалась: опять «тройка». Теперь несколько дней надо ждать результатов: прохожу ли я по конкурсу?

Едем с Костей на разгрузку арбузов. Хорошо после двухнедельного кошмара расслабиться, поработать на свежем воздухе, посмеяться! Арбузы пришли из Астрахани. Мы встаём цепочкой, перебрасываем арбузы друг другу. Потом отдыхаем. Костя, уже опытный «грузчик», выбирает самый спелый арбуз, бьёт об колено и смачно жуёт сердцевину – самую вкусную часть. Остальное выбрасывает в воду. Я следую его примеру.

В конце рабочего дня нам выплачивают по 5 рублей (очень хорошие деньги!) и разрешают взять с собой любой арбуз.

И вот наступает Судный день. С замиранием сердца еду на улицу Герцена, где тогда размещался юрфак. Подхожу к спискам поступивших...

Вот она, моя фамилия! Когда я пишу эти строки, мне 72 года. Но категорически утверждаю, что такой бурной радости, такого торжества я не испытывал в жизни ни раньше, ни позже, – никогда!

Возвращаюсь в общежитие троллейбусом. Душа поёт, хочется крикнуть во весь голос:

– Люди, я поступил в МГУ! На радостях решил «кутнуть»: взял в буфете аж 2 бутылки «Жигулёвского» и несколько сарделек (кстати, очень вкусные там подавали сардельки).

Смог осилить только одну бутылку, вторую взял с собой, угостил кого-то из неудачников (из 8 человек, живших в комнате, поступил только я).

Кости со мной уже не было. Он уехал на строительство Домодедовского аэропорта. Если бы я не поступил, то работал бы там же.

Здесь необходимо уточнить, что заявления на юридический факультет принимались только от лиц, имевших не менее 2 лет стажа работы.

У меня этот стаж составлял 5 лет.

Наступили сказочные дни. Вручение студенческих билетов. Новые соседи в комнате общежития. Новые знакомства на факультете, в первую очередь – в группе. Первые лекции, маститые профессора – Галанза, Остроумов, Дурманов и многие-многие другие.

Разыскал земляков – студентов МГУ. Лютц уже на четвертом курсе, Гена Панков – на третьем. На втором курсе биолого-почвенного факультета учились Витя Рерих (в 7 классе мы сидели за одной партой) и Люда Царевская из Зерендинской дневной школы (впоследствии они поженились). Студентом второго курса мехмата был Гена Степанов, заядлый шахматист.

Таким образом, нас в МГУ оказалось 6 человек, живших и учившихся ранее в Зеренде, плюс ещё одна девушка, тоже Люда, из Зерендинского района. И мы сами, и наши бывшие учителя очень гордились этим обстоятельством, и, представляется, гордость эта обоснована.

Как-то раз во дворе общежития я встретил ту самую озорную девушку, которая недавно «шумела» в читальном зале. Я даже не мог скрыть своего удивления:

– И Вы тоже поступили?!

– А Вы думали, я такая легкомысленная?

Посмеялись уже вместе. Я проводил девушку до её комнаты. Звали её необычно – Адель. Миниатюрная, курносая. У неё были кудряшки на лбу, осиная талия и высокая грудь. Но что меня особенно умиляло – это её маленькие, как бы восковые, ручки. Мне казалось, что эту хрупкую девочку надо непременно оберегать, защищать её. Раза два приглашал её в кино, часто бывал у них в комнате.

Как обманчиво первое впечатление! Адель оказалась умнейшей, литературно «подкованной» барышней, с первой попытки поступившей на филологический факультет МГУ. Любила и знала мировую классику, русскую литературу. Увлекалась поэзией, превосходно читала стихи.

Имела артистические задатки, обладала богатой и красивой дикцией. Конечно, разговоры наши вертелись в основном вокруг литературы, и доминировала здесь Адель. Должен признать, что меня всегда привлекали умные люди, независимо от пола. Поневоле я чувствовал себя с Аделью скованно, язык мой деревенел. Я не смел даже намекнуть ей на свои амурные чувства.

Массовка

Радостная пора студенчества продолжалась. Как-то раз увидел в общежитии объявление: приглашаются юноши и девушки для участия в массовках к фильму «Застава Ильича». Оплата чисто символическая – 3 руб., но всё-таки при стипендии в 29 руб. это – тоже деньги (напомню, что с 1961 года в обращении были уже новые деньги, один к десяти). Если бы съёмки были и безвозмездными, я всё равно бы принял в них участие. Уж больно интересно и романтично! Так оно и оказалось.

Сотни парней и девчат собрались на Красной Площади, где должны были проходить съёмки. Нам растолковали, что надо изображать радостных, беззаботных выпускников московских школ. Всю ночь гремела музыка и мы танцевали «просто так», не для съёмок. Перед рассветом пустили искусственный туман, и началось действие. Все указания режиссёров выполнялись немедленно и охотно.

Фильм «Застава Ильича» подвергся яростной критике Н.С. Хрущёва, долго не выходил на экраны, а затем появился в урезанном виде и под другим названием: «Мне двадцать лет» (очень символично, мне тогда было столько же). Кстати, причитавшийся мне гонорар я так и не получил, поскольку пришлось уехать из Москвы.

Глава третья

АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА

Повестка

Совершенно неожиданно моей студенческой свободе пришёл конец. В октябре 1961 года я получил из военкомата повестку о призыве в Советскую Армию. Дата призыва – 10 ноября.

Решил съездить на прощание в Зеренду. Пробыл там примерно 10 дней, повидался с друзьями, был один раз на танцах в своём родном Доме культуры.

К этому времени мой внешний вид несколько изменился: узкие чёрные брюки, дымчатый широкоплечий пиджак из грубой ткани, на голове – «ёжик» (ранее зачёсывал волосы назад). Но самое главное, самое дорогое – значок МГУ с контуром белого высотного здания на синем фоне.

Один местный «стиляга» буквально умолял меня продать ему брюки и пиджак, я категорически отказывался:

– Самому пригодится после армии!

Но рано утром, в день моего отъезда, он прикатил на велосипеде и опять стал просить о том же. С брюками и пиджаком пришлось расстаться, зато главная ценность – значок – осталась со мной, и все три года армейской службы он был моим талисманом.

Рано утром 7 ноября 1961г. я вернулся в Москву. Помню точную дату потому, что меня поразило непривычно пустынный вид Казанского вокзала.

– Ну да, сегодня же большой праздник, – сообразил я.

На следующий день виделся с Аделью, просил отвечать на мои будущие солдатские письма. Она вежливо соглашалась, а я, честно говоря, не очень верил в нашу длительную переписку (так оно потом и получилось).

Военной кафедры на юрфаке тогда не было – большинство студентов уже отслужило своё.

В стране возникли проблемы с призывниками («дети войны»), поэтому стали «забривать» и студентов (забегая вперёд, отмечу, что через четверть века история повторится, не будет хватать «внуков войны», и уже мой старший сын Дмитрий, студент психологического факультета МГУ, будет призван в армию, попадёт в Афганистан).

С нашего курса повестки получили только двое (со временем я узнал, что второй от армии «откосил»).

Что касается меня, то мне и в голову не приходило уклоняться от почётного гражданского долга. В те годы армия была весьма уважаема в народе. Отслуживших срочную службу парней охотнее брали на работу, они считались вполне взрослыми мужчинами, их, наконец, чаще предпочитали девушки.

Матери, осердясь на своих неслухов, говорили им:

– Вот подожди, армия из тебя дурь-то выбьет, – и обычно бывали правы.

Помню 1956 год, вышло постановление об отмене ограничений в отношении советских немцев. Мы с двоюродным братом Лёвкой радуемся, танцуем:

– Ура! Нас теперь тоже призовут в армию!

За прошедшие после этого пять лет моё отношение к армейскому вопросу не изменилось.

Пехота

Ближе к вечеру 13 ноября 1961 г. мы прибыли на станцию Исакогорка Архангельской области. Мороз – под 30 градусов. Кое-как построились. Видок у всех – тот ещё, разномастные одежда и обувь. У многих, в том числе у меня, нет головных уборов и рукавиц.

Нас пересчитали, посадили в грузовики и повезли. Через полчаса мы уже «дома», в родной воинской части. Сразу – в баню, тут же наголо остригли, выдали каждому комплект нижнего белья, обмундирования, сапоги и портянки, шапку, шинель, рукавицы. Тут же вертелось несколько «стариков» – солдат третьего года службы. Они довольно интеллигентно, без нажима и запугивания, просили уступить приглянувшиеся им «тряпки». Кто-то соглашался, другие – нет (этим давалась возможность отправить домой бесплатную бандероль с вещами). Меня такие переговоры не коснулись, поскольку никто на мой «прикид» не позарился. С удовольствием передал свои вещи «в доход государства» (скорее всего – на ветошь).

Начались солдатские будни. Нас учили строиться, маршировать, работать с оружием, иглой и ниткой.

У меня сложилось впечатление, что главной целью «карантинного» периода было выбить из новобранцев штатские замашки, приучить нас к автоматическому, бездумному выполнению любой команды. Если хотите, можно сказать даже, что эта цель заключалась в подавлении человеческой личности.

Я уже говорил о том, что стремился к воинской службе осознанно, искренне воспринимал её как свою почётную обязанность. Был готов к трудностям, испытаниям, голоду и холоду, воспринимая этот этап как важный жизненный экзамен.

Всей этой «романтики» хватило с избытком. В шесть утра – подъём, утренняя зарядка на морозе с голыми торсами, обтирание снегом. Днём различные занятия, часто – физический труд... в пользу начальства.

В это время ремонтировали дом для командира дивизии, требовалась глина, которую мы и добывали из-под снега, используя ломы и топоры.

Три раза в день посещали столовую – строем и с песней. Быстро всё проглатывали и ... вставали из-за столов с лёгким чувством голода (только через несколько месяцев желудки наши перестроились и еды стало хватать). Ночью, как правило, учебная тревога: подъём, а затем отбой с секундомером в руках у старшины. Если хотя бы один солдат не укладывался в норматив, объявлялся новый подъём – для всей роты.

Так практически отработывался девиз «один за всех и все – за одного».

Думаю, это действительно было необходимо. Вечером, после ужина, целый час личного времени. Пришивали свежие подворотнички, писали письма друзьям и девушкам, родителям.

Вот тут у меня возникли пробелы. Моей знакомой (не больше) девушкой была Адель, я написал ей исправно несколько писем, послал фото.

Примерно через две недели пришло короткое вежливое послание – первое и последнее. Я подождал-подождал, потом обиделся и написал, что такая односторонняя переписка меня не устраивает, в жалости не нуждаюсь и прочее. Других девушек у меня не было, поэтому письмами меня армия не баловала.

Воинская часть, в которой предстояло служить, оказалась с героическим прошлым. Дивизия была сформирована осенью 1941 года из ополченцев Красной Пресни, дошла до Берлина. В одной из операций летом 1943 года пехотинцы 1-го батальона проявили буквально чудеса стойкости, за что каждому бойцу был присвоен орден Славы, а всё подразделение стало именоваться батальоном Славы (единственный на всю Советскую Армию).

В 1961 году дивизия была «кадрированной», т.е. в строю находилось не более четверти от списочного состава. Предполагалось, что в случае необходимости (войны) дивизия в кратчайший срок развернётся и станет полнокровной.

Незаметно прошёл «карантинный» месяц, мы приняли присягу, влились в свои подразделения. У меня с собой была крохотная записная книжка, мой друг и собеседник. Первым делом я внёс в нее рукописный календарик на три года вперёд, и потом 1095 раз, в конце каждого дня, торжественно ставил крест на очередной дате. В этой же книжке я записывал названия книг, которые удалось прочесть (у нас была полковая библиотека), какие-то понравившиеся цитаты, встречи с артистами, интересными людьми и прочее.

Была ли в то время «дедовщина»? – Скажу честно, что само это слово я услышал только через 10-15 лет после службы. Разумеется, уровень физической, технической, специальной подготовки новобранцев и «стариков» был различным, отсюда неизбежно вытекало чувство превосходства одних над другими, не обходилось без насмешек и язвительных замечаний.

Однако физического насилия, издевательств со стороны старослужащих мы не испытывали. Никому не пришло бы в голову, чтобы новобранец сделал какую-то работу за «старика», например, почистил сапоги, постирал гимнастёрку и пр. Когда однажды у молодого солдата пропали какие-то вещи из тумбочки, «старички» сами установили вора (он был из их среды), вызвали его ночью в каптёрку и устроили «тёмную».

Дивизия наша (как и полк) именовалась мотострелковой, проще – пехотной. Были в ней и различные другие специалисты: танкисты, связисты, химики, сапёры и пр. Нас, новобранцев, ознакомили со спецификой каждого из таких подразделений. Во время одной из «экскурсий» обратил внимание, что гранатомёт во время стрельбы надо держать только на правом плече, иначе выходящие раскалённые газы проделают в шее солдата ...дырку. И вот, уже в

стрелковой роте, узнаю, что меня назначили гранатомётчиком. Докладываю начальству по всей форме, так-мол, и так. А дело в том, что уже в двадцатилетнем возрасте у меня «сачковал» правый глаз, я об этом знал (знала и врачебная комиссия). Мол, целиться могу только левым глазом, – хоть из винтовки, хоть из автомата или гранатомёта. Начальство, конечно, осталось недовольно (грамотные все стали), но сигнал ушло. Так я в очередной раз избежал смертельной опасности.

«Через день на ремень»

Особенностью нашей «кадрированной» дивизии была острая нехватка людей. Ведь по своей территории, по числу объектов, подлежащих охране, она нисколько не отличалась от обычной дивизии.

Поэтому давно уже стали привычными караульные бдения солдат: ночь спишь в казарме, следующие сутки – в карауле. Там распорядок такой: одна смена 2 часа стоит на посту, другая столько же времени бодрствует, третья – спит. Причём командиры строго следили за тем, чтобы в бодрствующую смену никто не спал, это считалось нарушением.

В караульном помещении были шашки, шахматы, газеты (книг не было). Чтобы окончательно не отупеть от однообразной службы, я брал с собой взятые в библиотеке какие-нибудь работы Ленина, учебник политической экономии, или ещё что-нибудь, что помогло бы мне в дальнейшем, после возвращения в университет. Однако пользы никакой от этих попыток я не ощутил. Трудно вникнуть в какие-то умные рассуждения, если нет свежести мысли, если постоянно хочется спать. К тому же окружающие меня солдаты и даже сержанты неодобрительно косились на меня, считая, что я попросту «выпендриваюсь».

В Архангельской области довольно суровая зима. Путь до некоторых постов занимал 15-20 минут. Идти приходилось строго в линейку, если оступился – провалишься в снег по пояс. Морозы в среднем 20-30 градусов. Минус 10 градусов нам уже казались оттепелью. На посту одевали огромные валенки предшественника (прямо на сапоги), и безразмерный тяжеленный тулуп (поверх шинели). В такой одежде не замерзнешь, но уж очень тянет на сон. Чтобы не уснуть, стараешься постоянно быть в движении, о чём-нибудь мечтаешь. Чаще всего я думал о том, как вернусь в МГУ, продумывал малейшие детали быта, в том числе меню столовой и т.д.

Кстати замечу, что где-то в ноябре 1961 года я написал бодренькое письмо инспектору курса Панкратовой, и она выслала мне выписку из приказа ректора: «отчислить... с правом восстановления». Эти слова согревали мне душу, выписку из приказа я хранил все 3 года службы в кармане гимнастёрки,

на левой стороне, у сердца. Летом в карауле было поинтереснее. Поскольку архангельские «белые» ночи гораздо светлее ленинградских, можно было, в нарушение дисциплины, читать на посту книги. Придумал маленькую хитрость: разрезал перегородку в сумке для патронов, получив хорошее укрытие даже для толстой книги (два магазина с патронами спрятать под ремень было несложно). Во всяком случае за всё лето я ни разу не попался, осмотреть подсумок никто из проверяющих не догадался.

Иногда выпадала очередь бывать в наряде на кухне. Никогда не забуду такой наряд, который выпал в ночь на 1 января 1962 года. Грустные мысли, грустные воспоминания...

Все мои друзья, все знакомые, наконец, вся страна празднуют Новый год, веселятся, пьют шампанское... Нас несколько человек, товарищей по несчастью. Сидим в холодной грязной подсобке на кухне и чистим картошку. Давно уже пробило полночь, и час ночи, и два, а у нас никаких радостных перспектив. Наконец, около четырех часов ночи ненавистная картошка кончилась, и мы молча валимся прямо на пол, подстелив шинели. Примечательно, что за последние несколько часов никто из нас не проронил ни слова.

Это уже второй случай «празднования» Нового года на работе (службе). Первый был четыре или пять лет назад, когда я работал в типографии. Там, хоть и в 4 часа ночи, но я вернулся домой. А здесь... ну что ж, сказал я себе, будем считать, что прошел еще одно испытание в этой бесконечной школе жизни (тогда мне казалось, – что жизнь действительно бесконечна. Теперь ясно, что то было лишь одним из заблуждений молодости).

О командирах, младших и старших

Как я уже говорил, рядовые старослужащие вели себя по отношению к новобранцам весьма корректно. То же самое могу сказать о «стариках-сержантах» – когда надо – строгих, а, в целом, достаточно доступных.

Особо важную роль в жизни и судьбе солдата играет старшина. Не зря же о нем сложено столько песен. За свою службу мне довелось видеть трех разных старшин.

Первый – еще в «карантине»: лет 45-ти, участник войны. Не очень грамотный («заправить шинеля!»), но умелый, обстоятельный, справедливый человек.

В стрелковой роте старшина был вчерашний слушатель Ленинградской военно-медицинской академии некто Мацкевич, исключенный оттуда за какие-то прегрешения. Пижон, садист. Ему страшно нравилось, построив роту, развинченной походкой ходить перед строем, читать мораль, демонстрировать своё превосходство, издеваться и запугивать. Любимое его словечко – «чувак».

– ну что ты, необразованный чувак, хочешь доказать слушателю 3 курса академии?

Меня он невзлюбил, видимо, за то, что я не «ел» его глазами в строю и даже позволял себе ехидно улыбаться. К тому же я ощущал себя студентом (и не бывшим, как Мацкевич) лучшего в стране университета. Раза два Мацкевич, придравшись к мелочам, объявлял мне внеочередные наряды.

На одном из комсомольских собраний, в присутствии командира роты и замполита дивизии, я покритиковал Мацкевича за его «воспитательные» методы. Видимо, после собрания с ним всерьез поговорило начальство, и Мацкевич заметно присмирел.

После увольнения Мацкевича в запас старшиной был назначен Миша Лопaeв, скромный деревенский паренек с 8-классным образованием. Какими же провидцами оказались отцы-командиры, доверив Мише эту ответственную должность! Миша никогда не повышал голоса, не суетился, не выпячивал своего «я», но его все слушались, всегда уважали и никто никогда не сказал о нем плохого слова.

Теперь об офицерах. К сожалению, оказалось: чем выше должность, тем беззастенчивее хамство.

Вскоре после принятия присяги нам устроил смотр командир дивизии полковник Бароев, участник войны. На трескучем морозе мы должны были, идя в строю, показывать различные приемы с оружием. Мы старались как могли, но... получалось, наверное, не очень. Полковник минут 10 презрительно кривил губы, а потом заорал:

– Убрать это стадо баранов к ё... матери!

Да, мат в офицерской среде считался наиболее убедительным и доходчивым аргументом.

Примерно через полгода – новый смотр. Принимал его тот же командир дивизии, но уже генерал, Бароев. Ему не понравилось, как идет какой-то младший сержант. Остановив колонну, генерал грозно спросил у несчастного:

– Как твоя фамилия? - а потом приговорил:

– Посадить эту сволочь на 10 суток, выпустить, и снова посадить!

Унижение было столь велико, что бедняга не смог удержать слез... Где-то в начале 1962 года я вместе с другими солдатами расчищал снег у штаба дивизии. С группой старших офицеров подошел Бароев. На этот раз ему не понравилось, как один из нас кидает снег, и он проорал:

– Ты на кого работаешь? Ты на Кеннеди работаешь?

Свите хозяина эта шутка про президента США понравилась, и все дружно захохотали. Вот такие наглядные уроки воспитания давал главный человек в дивизии.

А может, дети у него были совсем не такие? – Ничего подобного.

Еще когда мы только въезжали 13 ноября на грузовиках в городок, нас поприветствовал какой-то нахальный мальчишка, лет 12 на вид:

– Привет, салаги! – оказалось, что это сынок «самого».

Дочка его, 17-летняя Земфира, демонстративно отказывалась признавать солдат за людей.

Нужны ли еще примеры? – Пожалуйста.

Как-то вечером я бежал из увольнения, боясь опоздать на поверку. Но не повезло, вижу перед собой пьяного подполковника.

– Ты кто? – представляюсь.

– Куда бежишь? – отвечаю.

– Ты знаешь, кто я такой? Я начальник штаба дивизии, я две академии закончил. А ты дурак! Ладно, иди.

В аналогичной ситуации я был задержан в другой раз уже комендантом гарнизона. Докладываю, что тороплюсь на вечернюю поверку и что у меня еще есть 2-3 минуты.

– Ничего не знаю, садись в машину!

В кузове уже 6-7 человек других задержанных, один морячок, не совсем трезвый, стал уговаривать меня:

– Давай побьем майора и убежим!

Разумеется, я категорически отказался. А если бы в кузове машины нашлась еще одна горячая голова?

Уже тогда я задавал себе вопросы: почему люди совершают преступления, и что надо делать, чтобы их предотвратить? Я вовсе не считаю, что все офицеры – «редиски». Просто было обидно «за державу», за высших командиров.

У нас был прекрасный командир роты старший лейтенант Исаков. Ему вскоре досрочно присвоили звание капитана, и все мы искренне за него радовались.

Немало довелось встретить и других хороших, порядочных, справедливых командиров. В общем, армия – это срез человеческого общества, здесь все так же, как и в других его ячейках.

В этом смысле армия, несмотря ни на что, стала мне полезной школой, ее уроки пригодились мне в дальнейшей работе прокурора. Я уже сказал, что имел честь служить в единственном на всю страну батальоне Славы.

Но была и еще одна особенность подразделения: чуть ли не каждый второй солдат нашей роты имел первый разряд по какому-либо виду спорта. У нас служили боксеры, гимнасты, легкоатлеты, штангисты и др.

Три-четыре месяца в году они проводили на сборах, что еще более усугубляло людской дефицит.

Как-то так получилось, что у меня сложились хорошие отношения с двумя штангистами, двумя Володями: Швечковым и Вологжаниным. Володя Швечков призывался из Ленинграда, где закончил среднюю школу. Среднего

роста, коренастый крепыш с голубыми глазами, всегда спокойный, рассудительный, иногда по-детски наивный, обладатель открытой, немного смущенной улыбки, он был чемпионом Ленинградского военного округа по тяжелой атлетике в своем весе.

Другой Володя, Вологжанин, был призван из Архангельска. Внешне он походил на гимнаста: чуть выше среднего роста, с тонкой талией и широкими плечами, совершенно добродушный парень с открытой улыбкой.

Володя Вологжанин был универсальным спортсменом, первый разряд имел не только по штанге, но и по лыжам, и по легкой атлетике (бег, прыжки в высоту, в длину и пр.)

Как-то на занятиях по физподготовке бойцы нашей роты отрабатывали метание гранаты. Когда очередь дошла до Володи, он так зашвырнул учебную гранату, что ее после долгих поисков так и не нашли (занятия проводились на опушке леса).

Однажды зимой, чтобы согреться, мы затеяли веселую игру: вдвоем нападали на Володю, пытаясь его повалить. Он абсолютно легко, без всякого напряжения, буквально играючи отбил все наши атаки, повалил нас в сугроб и завалил снегом.

Когда в 60-ые годы появился новый вид спорта – военное троеборье – Володя одним из первых в стране выполнил норматив мастера спорта.

Пожарная команда

В пехотной роте я прослужил около года. Однажды, когда я был в своей казарме дневальным, подошел какой-то старший лейтенант, высокий, с ногами кавалериста (то есть слегка кривыми).

Он представился, сообщил, что является начальником гарнизонной пожарной команды и предложил послужить под его началом, привел какие-то плюсы (не надо ходить строем). Я немного подумал и согласился. Рисовались радужные картины: спишь сколько хочешь, читаешь интересные книги и пр. Как же я жестоко ошибался! Однако заранее оговорюсь: ничего плохого о шефе сказать не могу. Просто он был фанатом своего дела, высоким профессионалом, и добивался подобного от подчиненных.

Разумеется, распорядок дня был таким же, как и в пехотной роте. Однако были и дополнения. Мало того, что шеф нещадно гонял нас по специальной полосе препятствий, доводил до автоматизма наши личные и коллективные навыки, – он чуть не каждую ночь устраивал тревоги – и никто не знал, настоящая она или учебная.

Он научил нас особым способом укладывать перед отбоем гимнастерку и пожарную робу, – так, что на их одевание тратились секунды и установленные жесткие нормативы нами перевыполнялись.

Двухметровый забор на полосе препятствий мы преодолевали играючи, буквально за секунду.

Зимой пожары бывали особенно часто: люди подолгу топили печи, дома деревянные, дрова смолистые...

Примерно в трех километрах от нас находилась ст. Исакогорка, районный центр. В случае там пожара телефонистки вначале звонили в свою (территориальную) пожарную команду, а потом уже нам, военным соседям. На практике же нередко бывало так, что мы уже заканчиваем тушение, а местные пожарники только подъезжают. Кстати, очень это непростое дело – тушить огонь в сильный мороз. Брезентовая роба и рукавицы, облитые водой, моментально коченеют, стесняют движения, того и гляди свалишься с крыши или с пожарной лестницы. А попробуй потом, после победы над огнем, собрать пожарные многометровые рукава (люди по незнанию называют их шлангами).

Всё вокруг превратилось в каток, одежда и рукава стали деревянными. То же самое происходит после учебной тревоги: тот же мороз, та же замерзшая вода и та же непослушная роба. Так что частенько между собой мы поругивали шефа, хотя понимали: так надо. Когда в дивизию приезжала какая-нибудь проверка «сверху», то обязательно давался сигнал пожарным:

– Горит склад ГСМ (горюче-смазочных материалов), и сразу же включался секундомер. Через три минуты мы уже на месте и разворачиваем свою технику.

На проверяющих это производило впечатление циркового номера, а дивизионное начальство довольно потирало руки.

Оставалось только накрыть гостям шикарный стол с кавказским гостеприимством (БАРОВЕВ был осетином) и хорошая оценка обеспечена.

Еще одно обстоятельство: в гарнизоне была только одна баня с парилкой – в пожарной команде. В этой бане могло париться только дивизионное начальство или, вместе с ним, почетные гости.

Командир пожарной команды поощрял любые наши спортивные пристрастия. Мы постоянно играли в футбол, настольный теннис, бегали кроссы, тренировались на полосе препятствий. Я, например, увлекся бегом на длинные дистанции и тренировался 2-3 раза в неделю.

В этой связи вспоминается один забавный случай. Приезжает к нам физкультурный начальник из штаба дивизии и этак небрежно:

– Ну что, пожарнички, всё спите, поди? Завтра устрою вам кросс по бетонке.

И действительно, утром он приехал на мотоцикле с коляской. Было холодно и ветрено, шел снег. Начальник расщедрился:

– Ну ладно, если при такой погоде хоть один уложится на «троечку», ставлю всем отлично. И дал старт.

У меня уже был в то время второй разряд, поэтому я пришел к финишу первым. Последним пришел молодой боец Саня, однако его результат тянул на ...отлично!

Начальник долго не мог прийти в себя:

– Если бы я сам не ехал за вами на мотоцикле, ни за что бы не поверил!

После этого он нас зауважал, и даже выдал нам для тренировок настоящую штангу. Командиру дивизии полагался по штату ординарец, и размещался он в пожарной части. Когда я в 1962 году перебрался в «пожарку», здесь «квартировал» грузин по фамилии Начкепия. Неплохой парень, но уж очень обидчивый, мнительный. Отношения с ребятами у него были не очень теплыми, его частенько разыгрывали. Раздобыл он где-то грампластинку на грузинском языке, и все свое свободное время, снова и снова, крутил эту пластинку (у нас был радиоприемник с проигрывателем). Его просили, ругали, возмущались, грозили разбить пластинку, но он всё делал по-своему. И вот свершилось неизбежное; пластинка «разбилась». – Какой тут был скандал, сколько было истерик, жалоб, угроз!

Наш командир пытался провести дознание, но его клятвенно заверяли, что все произошло случайно. Реакции со стороны Бароева не последовало, видимо, Начкепия не решился ему пожаловаться.

Вскоре Начкепия демобилизовался, и комдив подобрал себе нового ординарца. Это был Саша Дзгоев, московский осетин. Рослый, видный красавец, спокойный, с чувством собственного достоинства и в то же время контактный. С ним у нас у всех сложились самые хорошие отношения.

Вспоминается еще одна история, связанная с «монаршим» домом. В течение ряда лет жила в семье Бароевых охотничья собака породы спаниель, по кличке Дэйзи. В один ненастный день собаке в доме отказали и передали на перевоспитание солдатам, т.е. нам. Дэйзи была безутешна, первые три дня отказывалась от пищи, но... голод не тетка.

Стала собачка уплетать и солдатскую кашу, и картошку, и котлеты... Шеф поручил мне построить для собаки достойное жилище, снабдил инструментом и стройматериалами. Примерно через неделю я соорудил для нее теплый (с двойными стенами), удобный и красивый «дворец», в который она и переселилась.

Несколько лет спустя, когда мои маленькие дети плохо ели, я вспоминал эту поучительную историю и говорил жене:

– Дай мне три дня, – и они будут есть всё!

Не знаю почему, но шеф относился ко мне чуть ли не по-отцовски: когда надо, отчитает, если трудно – поддержит. Как-то, признаюсь, вернулся я из увольнения слегка под-шафе. Шеф не ругался, не кричал, только сказал с сожалением:

– Как тебе это не идет...И этого хватило, чтобы я сделал для себя правильные выводы.

Именно по его инициативе я был избран комсоргом подразделения. Честь вроде бы небольшая, да и раньше приходилось «рулить» в комсомоле. Задумка шефа стала понятна через год, когда он предложил мне подать заявление о вступлении в партию (кандидатом) и сам дал рекомендацию. Он знал, что беспартийному юристу в нашей стране большинство дорог – закрыто.

Не могу забыть, как я готовился к собеседованию в партбюро дивизии. Свободного времени было мало, и я не очень уверенно чувствовал себя в знании Устава КПСС. В назначенный день пришел в штаб дивизии, волнуясь, как перед экзаменом. Захожу. Председательствующий зачитывает анкетные данные, в том числе о поступлении в 1961 году в МГУ. Смотрю, мои экзаменаторы сами пребывают в некотором смущении. Наверное, у некоторых из них есть сын или дочь, готовящиеся в ВУЗ, и для них «МГУ» кажется фантастикой. Как бы оправдываясь, один говорит:

– Что ж мы его будем спрашивать, если он в МГУ учится?

В душе у меня – восторг, браваурная музыка, но вида не показываю: готов, мол, ответить на Ваши вопросы. Вопросов не последовало. Так в очередной раз МГУ даже на большом расстоянии помог своему почитателю.

На третьем году службы несколько раз присутствовал на партийных собраниях – даже намек на партийную демократию не увидел. Тон задавал «сам». Сидя в президиуме, он грубо обрывал докладчика или выступающего, бросая им злые реплики. Одному молодому лейтенанту заявил:

– В 37 году тебя за такие слова увез бы черный воронок!

В конце второго года службы шеф спросил, не хочу ли я стать сержантом? Я решительно отказался – зачем мне это?

– Я так и подумал, – сказал шеф.

Кстати, чуть раньше я отказался от поступления в Львовское высшее военно-политическое училище, по той же причине. Я уже свой путь выбрал, осталось честно дослужить оставшийся срок.

Знаменательное событие произошло в конце 1963 года – мне был предоставлен 2-недельный отпуск! Приехал в Москву, здесь предстояла пересадка. До поезда на Казахстан оставалось несколько часов. Не раздумывая, поехал на Ленинские горы, надеясь войти вовнутрь здания.

Однако у входа решимость моя иссякла. Входили и выходили парни и девчата, звенел смех, а я все стоял и стоял, чувствуя себя чужим на этом празднике жизни. Так и не сделав попытки войти, уныло поплелся к станции метро. Ночью сел на поезд до Кокчетавы и хорошо выспался. Утром в вагоне встретил знакомого парня в солдатской форме. Оказывается, он служил в Москве, призывался из Зеренды, а теперь ехал в отпуск. Вот такие вот пироги, подумал я.

Новый год встретил в родной Зеренде, увидел многих друзей и знакомых. С удивлением узнал, что в продаже нет белого хлеба. Та половинка буханки,

что была куплена в Москве и не была съедена мною в поезде, сошла за деликатес к новогоднему столу.

В воинскую часть я вернулся каким-то подавленным, присмирившим. Угнетала бесконечность предстоящего ожидания свободы, почти год мне придется отсчитывать минуты и часы, дни и недели, месяцы.

Как никогда ранее, часто говорил себе:

– Жизнь проходит мимо, и с этим надо смириться.

Остатки зимы, весна и лето тянулись еще не так долго. Я усиленно занимался физкультурой – лыжи, кросс, штанга, бокс. Отвлекало. Но вот подошел август, некоторые солдаты стали готовиться к досрочному «дембелю» для поступления в ВУЗ. Конечно же, я им завидовал.

Вот уже заканчивается август, скоро начнется учебный год – без меня... Набрался смелости и пошел на прием к генералу Бароеву:

– Я к Вам как к депутату, помогите...

Он довольно равнодушно (зато без мата) пояснил, что ничего сделать не может и что его личный водитель – в таком же точно положении.

Черепашьими шагами двигался сентябрь, улиткой полз октябрь. Я уже замучил своими вопросами шефа, он мне хотя бы сочувствует. Каждый день приходят новые слухи, – якобы вчера (сегодня) подписан приказ об увольнении в запас «стариков».

Бесконечное ожидание измучило меня, я плохо спал, похудел, осунулся... Потом наступила апатия, я вроде бы успокоился. Теперь уже ясно: вопрос разрешится на-днях. Так оно и случилось. Десятое ноября 1964 года – ровно через три года после призыва – стал моим последним армейским днем. Утром 11 ноября – торжественная церемония проводов, мне вручают БЛАГОДАРНОСТЬ за безупречную службу за подписью генерала Бароева, и в тот же день мы выезжаем в Москву.

Мы – это трое «дембелей» из столицы и области, плюс я, вечный студент. Они едут домой, к родным, друзьям и подругам. Они могут позволить себе расслабиться, 2-3 недели побездельничать. У меня ничего такого нет. Нет «цивильной» одежды, нет даже достаточных финансов на еду. Прибыли в Москву вечером, нас встречали родители и друзья Саши Дзгоева. Он пригласил меня к себе, проявив гостеприимство, оставил ночевать.

Глава четвертая

СНОВА СТУДЕНТ Тяжко! Но – хорошо!

С утра впрягаюсь в приятные хлопоты. В солдатской форме без погон (на гимнастерке – любимый значок с профилем МГУ) являюсь на юрфак. Представился начальству, узнал расписание занятий на завтра, поехал на Ленгоры «пробивать» общежитие. В тот же день вселяюсь – пятым жильцом на раскладушке – в четырехместную комнату в студенческом городке на Мичуринском проспекте.

На следующее утро – занятия. После лекции по политэкономии – немецкий язык. По закону подлости угодил как раз на контрольную. Представьте себе: три года человек слышал только русскую речь и вдруг письменная контрольная работа с переводом на немецкий. На следующем занятии по немецкому языку увидел свою «работу», сплошь усеянную красными исправлениями. Естественно, с неудовлетворительной оценкой. Преподавательница была очень расстроена и успокаивать ее пришлось уже мне. Я пообещал ей упорно взяться за немецкий и что через короткое время оценки будут совсем другие (так оно впоследствии и случилось).

Середина ноября, учебный процесс идет уже два с половиной месяца. Мне необходимо усваивать текущий материал, да еще и догонять однокурсников. По некоторым предметам надвигались зачеты, а там никто не даст мне поблажек, никто не будет «входить в положение». Да и самолюбие не позволило бы унижаться.

Сижу, грызу гранит науки. Стал замечать, что память уже не та: мозг отвык работать с должной отдачей. Сказались три года бездумной, на автопилоте, жизни. Там все было расписано: налево, направо, подъем, отбой, построение, тревога и пр. Подумалось: «А может, правы юмористы, которые утверждают, что армия - хорошая школа, но лучше пройти ее заочно».

Сделал еще одно неприятное открытие: забастовали глаза. Минут 10-15 читаю текст, а потом всё сливается. Купил самую простую (и дешевую) настольную лампу – не помогает.

Пришлось обратиться к врачу. Оказывается, зрение моё за три года «подсело». Купил очки, которые одевал только во время чтения. Стало получше. Терпение и труд всё...одолели, я успешно сдал экзамены и зачеты. Подошло время каникул. В Зеренду поехали вместе с Анатолием Циммером, студентом 3 курса нашего же факультета. Он в свое время учился вместе со мной в Зерендинской вечерней школе и поступил в МГУ тогда, когда я служил в армии. Кстати, вдохновил его на сей «подвиг» именно мой пример образца 1961 года.

Разумеется, мы посетили свою вечернюю школу и дали развернутую «пресс-конференцию» старшеклассникам.

Вхожу в колею

Во втором семестре было уже полегче. Втянулся, вошел в колею. Устроился на работу – истопником в одном учреждении. Дежурить надо было

через две ночи на третью. Более или менее приделся, чтобы не выглядеть белой вороной.

Вспоминал иногда бывшую знакомую – Адель: как она там? Наверное, вышла замуж ... Раза два даже ходил на танцы в главное здание университета, но Адели там не оказалось.

Примерно в апреле 1965 г. состоялось общее собрание курса с неожиданной для меня повесткой: встреча с директором совхоза им. КазЦИКа из Казахстана. Он специально приехал в Москву, чтобы заполучить для летнего строительства именно юристов. Оказывается, такие связи уже стали традиционными. Дело в том, что юрфак на 90-95% состоял из взрослых парней, отслуживших в армии. Как правило, все мы имели какую-то специальность или хотя бы определенные навыки в строительстве.

Меня, бывшего столяра и плотника, такая перспектива сразу заинтересовала, тем более что в тех краях – северный Казахстан – проживали моя мама и уже подросший 11-летний братишка Виктор.

По сложившейся традиции экзамены у «целинников» принимались досрочно, и уже в конце мая отряд был на месте. Совхоз им. КазЦИКа находился в Алексеевском районе Целиноградской области, примерно в 15 км от районного центра – села Алексеевки.

Первый трудовой семестр

Для меня это был первый сезон на студенческой целине. Было нас в отряде около 30 человек, в том числе 2 девушки (они работали на кухне).

Над школой, в которой мы поселились, полощется транспарант: «Коммуна Diktum – Factum» (в переводе с латыни: Сказано – сделано»).

Сказать по правде, работали мы на износ: по 12 часов в день, выходной – один раз в месяц. И все это – под палящим солнцем, за все лето – ни одного дождя. Обедать приходили в столовую. До сих пор удивляюсь своему целинному аппетиту. Обычно бывало так: кружка простокваши, большая тарелка какого-либо супа (обязательно с мясом), солидное второе блюдо, тоже с мясом, а в завершение – компот.

Причем оперировали мы только полулитровыми кружками, стаканов не признавали.

После этого, усталые от работы и еды, шли к своим постелям – чуть-чуть отдохнуть в горизонтальном положении. Конечно, тут же «вырубались», через 15-20 минут с трудом отрывались от кроватей и ковыляли под немилосердным солнцем к своим объектам. Основными объектами были: двухэтажный кирпичный жилой дом, свинарник, котельная и кое-что помельче. Чтобы обеспечивать стройку бетоном, имелся собственный растворный узел.

Руководитель узла Валентин Сметанников, по прозвищу «дед», неистощимый балагур и знаток фольклора, оказался замечательным начальником. Он ввел обязательную процедуру подъема флага по утрам, с

коллективным исполнением «гимна» – известной народной песни «Перевоз Дуня держала...». Растворный узел был, пожалуй, самым тяжелым объектом: прожорливую бетономешалку надо было беспрерывно «кормить» цементом. Тяжелые ведра с цементом оттягивали руки, глаза заливал пот, рот забивала цементная пыль, к вечеру еле хватало сил добраться до «дому». Чтобы было по справедливости, «кормильцы» бетономешалки менялись через несколько дней. «Дед» как-то так умел настроить людей, что работа буквально кипела, и настроение при этом оставалось приподнятым.

Двухэтажный кирпичный дом возводила бригада каменщиков. Три – четыре умельца оставались постоянными, а подсобные рабочие тоже менялись. У самого актуального (для совхоза) объекта развеялся на ветру лозунг: «Снимем рубаху нательную, дадим совхозу котельную» (и ведь не подвели, дали).

Наиболее крупным объектом был свинарник. Стены его мы возводили из местного строительного материала – камня, через каждые 2-3 метра ставились «быки» для прочности. Именно на этом объекте я научился основам каменной кладки, а затем, когда ставили крышу, возглавил бригаду плотников.

Несмотря на такую напряженную работу, мы еще находили силы и для культурного отдыха: готовили и давали концерты художественной самодеятельности, участвовали в спортивных состязаниях, ходили на танцы и пр. Хочу, между прочим, напомнить, что решением общего собрания в коммуне был установлен сухой закон, и закон этот неукоснительно соблюдался, так что все наши увеселительные мероприятия проходили только на трезвую голову.

Общеизвестно, что именно в экстремальных ситуациях можно «раскусить» человека. В данном случае такую ситуацию создавал изнурительный ежедневный труд. С гордостью констатирую, что непростой этот экзамен сдали все наши ребята. Ну, если честно, то почти все...кроме одного. Его звали Саша, он приехал поправить свои финансовые дела за чужой счет, ранее не служил в армии, не знал (или не хотел знать) законов товарищества. Саша, если был на объекте, имитировал работу, часто под вымышленными предлогами оставался дома (надо, мол, выпускать стенгазету, проявить фотографии и пр.) Ему несколько раз делали замечания, высмеивали его, но Саша отмалчивался или презрительно фыркал. Терпение у ребят лопнуло, мы потребовали созвать общее собрание. Там еще раз высказали всё, что накипело, поставили вопрос на голосование. Почти единогласно приняли решение выгнать его из коммуны. На следующий день, получив расчет, Саша уехал. На протяжении оставшихся трех лет учебы он так и остался изгоем, уважение к нему было навсегда утрачено.

Несколько слов о заработках. В это лето (1965 г.) каждый из нас получил на руки около 300 рублей. Много это или мало? Для «шабашников» – мало, они за месяц зашибали больше. Для студентов – много: аж целых 10 месячных стипендий! А средняя зарплата рабочего в то время составляла 150 рублей.

Закончился трудовой семестр, ребята поехали в Москву, а я – на несколько дней в Осакаровку (той же Целиноградской области) к маме и брату. Жили они на более чем скромную пенсию мамы, материально помогать мне она не могла (а я и не ждал), здоровье у нее было неважное.

Единственное, что я мог сделать при таких обстоятельствах – это поделиться с ними заработком. Был я в то время человек холостой, уверенный в завтрашнем дне (еще заработаю!), поэтому без сожалений оставил дома ровно половину заработанного.

Второй курс: Адель

К началу занятий я на несколько дней опоздал – не беда, ведь у меня был опыт более существенного опоздания. Теперь уже нас, второкурсников, поселили в главном здании МГУ на Ленинских горах, на пятом этаже одной из башен.

Напомню, что юрфак располагался тогда в старом здании на ул. Герцена (рядом с консерваторией). Добираться туда стало удобней, так как до метро «Университет» можно было идти пешком: и здоровью польза, и достаточно стабильное время на дорогу. В одной комнате со мной жили Боря Бугаев, Слава Олексив и Толя Данильченко. Со всеми этими замечательными ребятами мы дружили многие годы, по окончании учебы встречались семьями.

Как-то в октябре 1965 года мы всем упомянутым составом возвращались автобусом в родное общежитие. О чем-то весело переговаривались, шутили, смеялись. И вдруг недалеко от себя я заметил вроде бы знакомое лицо... Ну конечно, это Адель. Она тоже разговаривала с подружками и вроде бы не обращала на меня внимания.

Автобус подъехал к остановке «Клубная часть» университета, ребята вышли, а я остался. На следующей остановке сошла Адель, я – за ней.

– Ну, здравствуй, – сказали мы друг другу. О чем-то говорили, рассказывая о прошедших четырех годах, она шутливо подчеркивала, что уже заканчивает учебу (это я знал и сам). Напросился в гости. Пили чай, и вскоре я ушел. Но дорогу запомнил, стал частенько заходить. Не придумал ничего умнее, как пригласить девушку на футбол (стадион «Лужники» был почти рядом). Выяснилось, что у нас много общего – театры, книги, но по характеру и темпераменту мы далеко не схожи. Часто такие различия способствуют сближению, не стал исключением и наш случай.

Вскоре после Нового (1966) года я объяснился, а ближе к весне сделал предложение. Адель была согласна, но регистрацию мы решили отложить на осень: к тому времени она закончит учебу, а я смогу кое-что заработать (для свадьбы) на целине.

Поездка в Киргизию

Сдав весной 1966 года экзамены досрочно, на правах целинника, я тут же вылетел самолетом в Киргизию, куда переехали на постоянное жительство мама и брат.

Поселилась она в пос. Люксембург Кантского района. Такое название дали поселку в честь германской коммунистки Розы Люксембург. Здесь проживали три двоюродных брата мамы, все старше ее и все похожие друг на друга как близнецы, фактически – погодки.

Более 30 лет назад они были признаны кулаками и сосланы с семьями из дер. Лангенфельд в Киргизию, где и проживали все эти годы. Поистине, равнинная Киргизия – райский уголок! Благодатный климат, урожайная земля, сказочный пейзаж – зеленые долины на фоне снежных вершин, арыки...

Надо ли говорить, что все братья – бывшие «кулаки» – были просто счастливы от такой «ссылки». Здесь их трудолюбивые руки встретились с благодарной землей и жизнь снова обрела смысл.

К моменту моего посещения Киргизии у каждого из братьев было по два дома: основной (жилой) и летняя кухня; обширный сад и большое семейство. Все они очень приветливо меня принимали (все-таки гость из самой Москвы, будущий прокурор), с гордостью показывали свои владения и дело рук своих.

Лес в равнинной Киргизии – большой дефицит, поэтому дома здесь построены из самана. Очень удачное решение, поскольку в летнюю жару такие дома великолепно сохраняют живительную прохладу. По периметру участков посажены пирамидальные тополя, которые очень быстро растут и остаются строго прямыми – прекрасный строительный материал. Их местные жители используют при возведении крыши, при настилке полов и для других целей.

Основной дом, как правило, достаточно просторный, с хорошей по тем временам мебелью и даже телевизором. Между основным домом и летней кухней сооружается навес, по потолку которого вьются плети винограда. Из яблок люди гнали самогон, из винограда – вино. Здесь я впервые в жизни увидел, как растут персики, абрикосы, апельсины. Цены на рынке – невероятные: помидоры, абрикосы и пр. – всё по 5 копеек за килограмм (для сравнения – в Москве помидоры сто или в 10 раз дороже).

В гостях хорошо, но... работа не ждет. Опять самолет, курс – на Казахстан.

Вторая целина

И снова совхоз им. КазЦИКа в Алексеевском районе. Та же жара, тот же изнуряющий труд. Только объекты другие. На сей раз бригаде плотников поручено строительство двухэтажного деревянного жилого дома. Слово «бригада» можно взять в кавычки, потому что постоянно «при должности» пребывал только бригадир – Ваш покорный слуга. Люди в бригаде менялись чуть не ежедневно, в зависимости от обстановки в целом по отряду. Узких специалистов – плотников практически не было, поэтому за ребятами требовался глаз да глаз.

Мне был вручен проект дома – набор чертежей с описанием и размерами, – от фундамента до четырехскатной крыши. Ранее мне не доводилось строить по проектам, поэтому каждый вечер, планируя работу на завтра, подолгу корпел над чертежами.

В совхозе был свой собственный прораб, Иван Николаевич, который постоянно бывал на объектах, в том числе и на нашем, и скрупулезно оценивал результаты строительства.

Поскольку специальная наша квалификация все же оставляла желать лучшего, прораб нередко находил в качестве проделанной работы какие-либо прорехи. Человек от природы грубый, взрывной, он не церемонился в выражениях. Как-то раз во время очередного разноса я попытался оправдаться тем, что брусья были сырыми и по этой причине их «повело пропеллером».

– Что ты мне рассказываешь, я в лесу родился! – обрезал меня прораб. Это выражение нам понравилось, и с тех пор мы между собой называли его «Иван, который в лесу родился». В те годы существовала практика, в соответствии с которой студенческие отряды соц. стран обменивались своими представителями.

Гостями нашего отряда летом 1966 года были студенты – около 15 человек – Берлинского университета (Германская Демократическая Республика). Почти все они прилично владели русским языком.

На первых порах я держался с ними отчужденно, постепенно «лед» в отношениях таял, я неоднократно беседовал с ними «за жизнь», чаще по-русски, иногда на немецком. Выяснилось, кстати, что произношение у меня берлинское, откуда я сделал вывод, что далекие мои предки приехали в Россию скорее всего из Пруссии.

В этой связи вспоминается еще один, и забавный, и грустный, случай.

В совхоз им. КазЦИКа я приехал (летом 1966 г.) на неделю позже других. От Целинограда до Алексеевки ехал на автобусе, разговорился с двумя симпатичными девушками, жительницами Алексеевки. До автобуса на совхоз оставался примерно час, и мы все трое зашли в дом одной из девушек – попить воды и скоротать время. Хозяин дома, мрачноватый тип, недовольно заметил дочери примерно следующее;

– Что ты приводишь в дом всяких проходимцев? – думая, что я не пойму его слов, поскольку говорил он по-немецки. Но я-то всё прекрасно понял, и даже не обиделся. Мне хотелось смеяться и ответить ему, тоже по-немецки, что-нибудь этакое. Но, увы... я не смог подобрать нужных слов из-за слабого знания немецкого языка, и сделал вид, что меня его реплика не касается. Так эти девушки (кстати, безусловно говорившие по-русски) и не узнали, что я их исторический земляк.

Но вернемся к студентам из ГДР. Работнички они оказались аховые. Как-то несколько ребят-иностранцев оказалось у меня в бригаде, надо было шкурить брёвна. Я уже успел почистить 4-5 бревен, а немцы – по одному. Спрашиваю:

– Как же так? Где же знаменитое немецкое трудолюбие?

Отвечают со смехом:

– У нас такую бестолковую работу делают машины.

Ну что ты с них возьмешь? В общем, не наши они, не советские люди, хоть и из социалистического лагеря. Чужеродность их проявилась и с другой стороны: буквально всех иностранцев прохватил жестокий понос. Много рабочих дней они пропустили по этой причине, пока их не подлечили и не поставили на ноги. К слову сказать, ни один из наших ребят этой неприятной болезни не поддался.

Было в отряде еще два человека, москвичи. Речь идет о так называемых трудновоспитуемых, подростках 12-13 лет, которых прикрепил к нам Дзержинский райком комсомола гор. Москвы. Один из них, Сережа, внешне соответствовал портрету хулигана: крепкий и коренастый, рыжий и конопатый, с золотым «фиксом» во рту. Но фактически он был веселый добродушный паренек, просто попавший в Москве в дурную компанию.

Другой, Гена, был полной противоположностью Сережи: худенький, тщедушный, с хитрой улыбочкой и, вдобавок ко всему, в очках. Глядя на него, никто бы не подумал, что это трудный ребенок. Но вот как раз он-то и действительно был сложным мальчиком: коварным, мстительным, болезненно самолюбивым, с устоявшейся психологией паразита.

Как и следовало ожидать, с некоторыми гэдээровскими студентками у наших парней завязались «романы». Одна из немочек, Ирина, подружилась с моим однокурсником Женей, рост которого составлял 190 см. Случилось так, что на эту же девушку «положил глаз» и наш «сын полка» Гена. Зная, что никто в отряде его и пальцем не тронет, Гена устроил удачливому сопернику истерику, пытался ударить его палкой, грозился подкараулить и порезать. И смешно, и грустно было наблюдать, как этот избалованный ребенок наскакивает на дядю вдвое больше и старше себя. Гену в этот раз удалось успокоить и свою идею о

мести он вроде бы забыл. Во всяком случае, новых подобных сцен на почве ревности не устраивал.

Третий курс Женитьба

Вернувшись в Москву и едва устроившись в общежитии, поехал в Тулу, к Адели – представляться родителям. Она уже закончила университет и работала учителем русского языка и литературы в глухой деревне на окраине Московской области.

В Тулу я попал впервые и, сказать честно, она мне не очень понравилась – довольно грязный, беспорядочно разбросанный город. Однокомнатная квартирka семьи Адели находилась почти в центре города, на ул. Первомайской, на последнем этаже пятиэтажного кирпичного дома. Лифта, разумеется не было. Крошечная кухонька, прихожая в два квадратных метра, совмещенный санузел, вода только холодная (зато предусмотрена газовая колонка).

Родители ее встретили меня довольно приветливо, хотя и настороженно, особенно, конечно, мама. Она во время чаепития засыпала меня вопросами и, судя по всему, была недовольна выбором дочери (не из «благородных», да еще и «иностранец»). Я все это понимал, но держался вежливо и мужественно, будучи в душе уверен, что со временем всё образуется.

Смотрины состоялись, я попросил руки Адели и получил родительское благословение. На следующий день мы уехали в Москву, она – в школу, а я – в общежитие.

Кое-что о родителях Адели. Отец, Ламанов Федор Дмитриевич, 1912 года рождения, в свое время закончил автодорожный техникум, работал в ГАИ, затем – механиком в автобусном парке. Мать, Ламанова Нина Семеновна, 1913 года рождения (только после ее смерти я узнал, что настоящее ее имя – Евдокия), получила высшее образование и очень кичилась этим, считая мужа «неучем». Короткое время, до рождения детей, работала в школе, всю оставшуюся жизнь была домохозяйкой.

Детям дала звучные иностранные имена – Адель и Герман (на момент моего визита в 1966 г. Герман служил в армии).

С отцом Адели у нас установились очень хорошие, доверительные отношения. Он был простым, открытым человеком, без «закидонов», тружеником. Иногда, когда супруга очень его «доставала» нравоучениями, взрывался и высказывал много нелицеприятного. Адель говорила мне, что

когда-то он здорово пил, за это его и выгнали из автоинспекции. Но Федор Дмитриевич смог самостоятельно побороть «зеленого змия», за последние два десятилетия запоев не допускал. Мог выпить дома или где-то в хорошей компании, но меру всегда знал и умел вовремя остановиться.

С мамой Адели отношения были гораздо сложнее. Она охотно учила всех жить, в том числе и меня. Как-то заметила:

– Тебе повезло, что ты попал в нашу семью! – Не скрою, было очень обидно, хотелось спросить: «А меня, что же, на помойке нашли?», но смолчал и на этот раз. Мне кажется, теща даже не заметила, что оскорбила меня.

Итак, я студент третьего курса, приобрел какие-то привилегии, поселился в двухместной комнате на 18 этаже главного здания, некоторое время даже жил здесь один, поскольку не объявился сосед. Здесь вынужден совершить очередной экскурс в историю собственной жизни.

Сентябрь 1961 года, первый месяц учебы, приподнятое настроение, розовые планы... В группе около 30 человек, абсолютное большинство парней отслужило армию. Нас, допризывников, всего 5-6 человек. Один из таких – живой, чернявый, небольшого роста, со стремительной походкой, с горящими глазами, – Толя Тринко. Все его помыслы, чувствовалось, были только о поэзии. Он знал и декламировал множество чужих стихов и, разумеется, сочинял собственные. У нас было много общего: ровесники, оба работали ранее в газетах, оба умели ценить слово. Но для Анатолия поэзия была смыслом жизни, он буквально горел на этом костре, а я был лишь спокойным созерцателем чужого творчества.

Как-то я решился показать ему собственные вирши:

*Всё начиналось как во сне,
Так необычно и неожиданно.
Теперь всегда чудится мне
Улыбка губ твоих желанных...*

и так далее. В то время мне казалось, что это совсем неплохие строки, но отзыв Анатолия помог мне трезво оценить свой «талант»:

– Ты знаешь, старик, обыкновенные стишата ...

Тактично и доброжелательно, но с дружеской прямоотой. Побольше бы таких советчиков... Но перенесемся в год 1966-ой.

Я живу один в комнате, что-то читаю. Открывается дверь и входит... Толя Тринко, в морской форме, с чемоданом и постельным бельем.

Хоть и прошло пять лет, узнали мы друг друга мгновенно:

– Яков!

– Анатолий!

Дружеские рукопожатия, расспросы, восклицания и так далее, как положено в таких случаях. Оказывается, он тоже был призван в армию, но через два года после меня, с третьего курса. С учетом неоконченного высшего образования оказался в распоряжении политотдела воинской части, приписанной к флоту. Занимался любимым делом: сочинял и публиковал стихи, критические статьи во флотской газете, по поручению комсомола бывал в воинских частях, составлял докладные записки и очерки. Как видим, со службой ему повезло гораздо больше, чем мне.

Этот учебный год мы прожили с Анатолием вместе. В нашей комнате установилось что-то вроде коммуны: радости и горести, финансы, одежда – всё общее. Не удивительно, что и судьбы наши развивались по похожему сценарию. Вскоре после «дембеля» Анатолий встретил и полюбил студентку химфака МГУ Аню.

Мы с Аделью «расписались» в ЗАГСе 8 октября 1966 г. (она тоже стала носить фамилию Пистер), а через неделю брак зарегистрировали Тринко – Анна и Анатолий.

Свадьбы наши были довольно скромными, студенческими, без приглашения родителей и родственников. Весь мой «капитал», привезенный с целинной стройки, быстро растаял: я купил обручальные кольца себе и невесте, черный костюм и новые туфли ручной работы.

Первый год супружества мы вынуждены были жить врозь, иногда Адели удавалось вырваться из своей глухомани и навестить супруга в Москве. Так же отдельно велись и наши финансовые дела, помогать друг другу материально мы не могли и не считали нужным. Я, как и ранее, работал ночным истопником и в чьей-либо помощи не нуждался.

Третья целина, особенная

Эта студенческая стройка была необычной для меня хотя бы потому, что состоялась не в Казахстане, а в Московской области.

В совхозе «Борец» Раменского района нас ожидала обычная летняя «сессия»: работа на износ, работа без выходных, сухой закон. На этот раз бригаде плотников предстояло возвести крышу над огромным коровником – примерно 40 на 10 метров. По проекту крыша должна была крепиться на деревянных фермах, напоминающих букву «А» с тупым углом наверху. Поскольку максимальная длина бревен в строительстве не превышает 6 метров, необходимо было жестко связать между собой торцы двух бревен так называемым «замком». Это довольно сложная фигура, и выполнять ее могли только три плотника, в том числе автор этих строк. Другие ребята шкурили бревна, выполняли различную вспомогательную работу.

Фермы мы собрали на земле и с помощью крана водрузили их на стены. Очень важно было выстроить их строго в ряд, чтобы поверхность крыши потом не «плясала». Получилось неплохо. Когда стали приколачивать доски обрешетки, дело пошло веселее, одновременно стучало 10-12 молотков.

Процесс несколько замедлился, когда стали настилать шифер. Самым ответственным было правильно положить первый (нижний) ряд шифера. Это тоже вроде бы удалось. Дальше уже – дело техники.

«Быстро сказка сказывается, да долго дело делается», гласит народная мудрость. Одних только ферм надо было изготовить и установить не менее 40 штук. Общая площадь крыши – более 600 квадратных метров.

Утром в воскресенье 16 июля 1967 г. я обнаружил на соседней койке записку командира отряда: «Уехал ненадолго в Москву. Крышу сегодня крыть опасно, – может снести сильным ветром вместе с листом шифера». Но мы заупрямились и все же работали на крыше назло ураганному ветру. Обошлось без происшествий. Ужинать поехали на грузовой машине. Около столовой я заметил, что группа ребят о чем-то шепчется и с подозрительным вниманием смотрит на меня. Когда я проходил мимо, они вдруг набросились на меня и стали ... качать.

Внутри столовой висела «Молния»: «Поздравляем бригаду плотников с окончанием крыши, а Яшу Пистера – с рождением сына! Ниже следовали неумелые, но теплые поздравительные стихи. Их написал человек, впервые в жизни взявшийся за поэтическое перо – наш комиссар Гена Найко.

Разумеется, я знал, что Адель ждет ребенка (пол его еще не был известен), но с определением даты родов врачи ошиблись примерно на две недели. Я предполагал, что роды состоятся где-то в конце июля – начале августа, и планировал к этому времени приехать в Тулу, на «место происшествия».

Радость мою и восторг разделили все ребята. Впервые за несколько лет стройотряд организованно нарушил сухой закон. К ужину, кроме салата из свежих огурцов и помидоров (впервые за лето), появилось ... вино, – на каждые два человека бутылка портвейна. Я уже почти твердо знал, что сын будет Дмитрием (обсуждали это с женой), и мы, вся коммуна, во все тридцать мужских глоток, распевали студенческую озорную: «Давно уж это было, случилось это так, сказал Дмитрий смело, не рассчитывай, Марья, на брак». В память об этом вечере я захватил с собой ту самую «молнию» и храню ее многие десятилетия...

Человек родился

На следующее утро я выехал в Коломну, оттуда в Москву, из Москвы – в Тулу. Билетов на поезда не было, а ждать я не мог... Рассказал одной из

проводниц радостную правду, и она разрешила (за три рубля) войти в вагон. Это был какой-то поезд дальнего следования, первая остановка – в Туле. Я оказался в одном купе с группой лилипутов, ехавших в сторону юга, видимо, на гастроли. Было довольно странно и непривычно наблюдать за этими взрослыми людьми с детскими фигурами. Всё, как у обычных людей: шутки, подначки, сплетни, ухаживания мальчиков за девочками, – только голоса необычно тонкие, а смех – скрипучий.

Они заметили, что я держусь настороженно, заподозрили, что я еду без билета, и откровенно этому удивились:

– Как же так, Вы такой представительный молодой человек, и вдруг опасаетесь ревизоров?

Пришлось рассказать всё, как на духу. Они искренне порадовались и поздравили меня с прибавлением семейства. В Туле я тепло простился с попутчиками и поспешил в роддом. К Адели меня не пустили, приняв только цветы, фрукты и записку.

Со здоровьем новорожденного возникли какие-то проблемы, поэтому Адель задержали в больнице дольше обычного.

Помню, как мы с тещей (впервые у нас появились новые важные титулы – «папа» и «баба») встречали Адель и малыша из родильного дома. Приехали домой на такси, затем, как сказала «баба», по обычаю – мне доверили нести в квартиру крошечный белый сверток. Человечку в этом свертке было аж 10 дней. Я осторожно внес его на пятый этаж, при этом чувствовал себя не гордым и сильным отцом, а безответственным грешником. Да-да! Потому что лица у человечка не было, – был крошечный розовый комочек без носа и подбородка, а два синих-синих глаза смотрели на меня с немим укором и явно неодобрительно. Не плакал.

Казалось, он говорил нам, родителям: «Зачем вы это затеяли?» Ей-богу же, мне было неловко. Я решил, что породил самого серьезного в мире человека, пессимиста. Его лицо-мумия решительно давало понять, что ни улыбаться, ни тем более смеяться человек не умеет, не хочет и учиться этому не собирается. Я моментально поклялся себе, что отныне буду вести самый аскетический образ жизни, не пить и не курить (благо, что курить я и не начинал).

Итак, я торжественно внес сверток в комнату, и он свободно поместился на подушке, даже не по диагонали. Даже еще осталось место.

Когда сверток развернули, я ужаснулся: невероятно тонкие, худые и короткие конечности, обтянутые прозрачной кожей. Хилая грудь и большой по сравнению с ней живот, напоминающий Млечный Путь благодаря обилию синих и особенно красных точек-звездочек. Казалось, у него даже не было сил, чтобы заплакать. Увы, здесь я горько ошибался. И в течение нескольких месяцев наш сынок блестяще внушал обратное, особенно по ночам.

Как раз в это время семья Ламановых получила участок земли в садовом товариществе, надо было строить домик. Я решил сделать подарок своим новым родственникам и горячо взялся за строительство. Времени у меня оставалось немного, чуть больше месяца, пришлось подналечь, чтобы к концу августа сдать домик под ключ. Успел.

Условились с Аделью, что я пока поеду в Москву один, договорюсь с комендантом о проживании, а уж потом приеду за семьей. Так и получилось.

Четвертый курс, последний

Вспоминая прошлое, не перестаю удивляться: сколько же хороших людей встретилось мне в жизни.

Низкий поклон коменданту 18 этажа Клавдии Петровне, приветливой, веселой нашей второй маме!

Мне, старшекурснику, полагалась отдельная комната? Да, полагалась. Но кто сказал, что я могу поселить на этой площади еще и жену с ребенком? – общежитие ведь не семейного типа.

Формально Клавдия Петровна могла категорически возражать, даже вызвать милицию, или требовать «отступного» и так далее. Но в нашем случае всё было в точности до наоборот: Клавдия Петровна постоянно подбадривала молодую маму, давала ей дельные советы, пыталась как-то улучшить наш быт.

Время учебы на четвертом курсе оказалось для меня самым сложным. Во всей остроте встала проблема финансового обеспечения, ведь на стипендию в 30 рублей семью не прокормишь! Помощь извне исключалась: и неоткуда ждать, и гордость не позволяла. Надеяться надо было только на себя. Устроился «ночным директором» ресторана «Арбат» – сторожем. В то время только-только начали открываться новые магазины на обновленном Калининском проспекте.

Будочка сторожа находилась в тоннеле рядом со складами ресторана «Арбат». Дежурить надо было по ночам, через две на третью. Чтобы мы, сторожа, не вздумали спать на работе, нас постоянно и неожиданно проверяли работники милиции. В 6 часов утра дежурство заканчивалось, и я ехал... нет, не домой. Заезжал вначале на молочную кухню, где получал для ребенка специальное детское питание. Потом – домой, завтрак на ходу, и – вперед, на занятия. Частенько бывало и так, что во время лекции не выдерживал, минутую другую «кемарил».

Не легче было и Анатолию Тринко, о котором я ранее вел речь. У них с Аней тоже родился сын, ровно через две недели после Димки, которого они, конечно же, назвали Толей.

Наши жены, молодые мамы, очень сблизилась в это время, у них были общие заботы, общие тревоги и радости. Было приятно смотреть на их выезды

за пределы здания на двух колясках с малышами, причем вахтершам на проходной и в голову не приходило требовать у девушек пропуска.

Наводя справки у ребят-однокурсников, я нашел еще одну «непыльную» работу – на заводе имени Ильича. Там было как раз две вакансии, я позвал Тринко, и мы вместе начали здесь трудиться. Работали мы по вечерам в деревообрабатывающем цехе, обычно до 12 часов ночи.

В наши обязанности входило очищать территорию цеха от различных древесных отходов: опилок, стружек, дощечек и прочее. В общем, все то же, что приходилось делать 12 лет назад в промартели «Победа», только здесь груз доставлялся в кочегарку, где его без всякой пользы сжигали.

Иногда нам предлагали разгружать сушилку, вынося из нее десятки кубометров сухих досок. Такие замены были нам особенно по душе, потому что, закончив разгрузку, мы могли сразу ехать домой.

Моя работа сразу в двух местах (плюс стипендия) давала неплохой доход – около 200 рублей в месяц. Во всяком случае, семья не голодала. Нелегко приходилось и Адели. Димка часто испытывал боли в животе, плохо спал, часто и подолгу плакал. Иногда мы с ней подменяли друг друга, чтобы хоть один родитель мог поспать. Для этого увозили Димку (на коляске) в коридор и 2-3 часа там гуляли. В коридоре наш ребенок охотно тарасился на новых людей, на электрические лампочки, что-то говорил на своем языке. Но стоило коляске пересечь линию дверей, как он начинал не просто плакать, а буквально надрываться от рёва. Тут не помогала даже его любимая погремушка в виде яркого попугая, подаренная коммунарами несколько месяцев назад.

Тем временем перед нашим курсом замаячила тень беды. Стало известно, что «наверху» решается вопрос о переводе юрфака с 4-летнего периода обучения на 5-летний. Мы уже свыклись с мыслью о скором выпуске, уже строили планы на будущее. Для «женатиков» это была бы вообще катастрофа – целый лишний год бороться за выживание!

Слава богу, деканат занял разумную позицию и вынес этот вопрос на обсуждение общего собрания. Все, кто выступил на собрании, были против, тот же результат дало голосование. Вскоре нам объявили, что наш курс трогать не будут, реформирование коснется следующего за нами курса.

Стажировка

Согласно дельной традиции, всех студентов четвертого курса направили на стажировку. Я вместе с другими ребятами оказался в прокуратуре Ленинского района гор. Москвы. Условно я разделил бы эту стажировку на две неравные части: общую и следственную.

В рамках общей части мы на практике познакомились с функциями помощников прокурора и с делопроизводством. В наше распоряжение

предоставили архив, где мы получили возможность изучить документы прокурорского реагирования, жалобы граждан и ответы на них, побывали в суде при рассмотрении уголовного дела.

При разборе бумажных завалов мы неоднократно натыкались на «шедевры» из разряда «нарочно не придумаешь». Мне, например, очень понравилась такая формулировка: «Лицо, ударившее меня по лицу, я в лицо не запомнил». Именно тогда я решил коллекционировать подобные опусы, и сделал первую запись (про лицо). Впоследствии моя записная книжка пополнилась множеством других экспонатов. К сожалению, книжка эта где-то затерялась, но кое-что могу привести по памяти, например:

«Я бывший работник милиции, поэтому глаз у меня набитый».

«Я взял с собой пистолет, чтобы склонить жену к примирению».

«Предъявленную мне баранью голову опознаю за свою».

«Сидоров ведет партизанский образ жизни: не работает, пьянствует».

Но вернемся к стажировке. Значительно большая часть времени была отдана следствию, и это очень правильно. Меня прикрепили к В.В. Волковой, которой в то время было около 30 лет. Валентина Васильевна оказалась хорошим наставником. Я присутствовал на допросах и очных ставках, при проведении опознания, даже на вскрытии трупа в морге. Потом уже она присутствовала на допросах, которые мне поручала, с обязательным разбором «полетов» по окончании этих следственных действий. Мне эта школа очень пригодилась в дальнейшем.

Менее чем через год я стал работать следователем и, благодаря урокам Валентины Васильевны, чувствовал себя более или менее уверенно.

Госэкзамены и защита диплома

Незаметно время приблизилось к финишной черте. Надо было сдавать государственные экзамены и определиться с темой дипломной работы. Если честно, настроение моё было ниже низшего. Каким может быть настроение, если не очень уверенно знаешь материал?

А как можно знать материал, если в голове сумбур, постоянно не хватает времени на подготовку, если периодически не высыпаться? Вот такие большие проблемы принес с собой маленький человечек.

Особенно муторно было готовиться к так называемому научному коммунизму, – науке, полностью высосанной из пальца. Худо ли, бедно ли, но гос. экзамены я все-таки сдал, даже научный коммунизм. Оставалась защита диплома. Как раз в это время – начало 1968 года – в ГДР принималась новая, социалистическая Конституция, проект которой был опубликован в газете «Neues Deutschland».

Поскольку на втором и третьем курсах мои курсовые работы были связаны именно с государственным правом стран народной демократии, я решил посвятить свою дипломную работу такой важной проблеме, как исследование новой Конституции Германской Демократической Республики.

Вначале, сгоряча, взялся за перевод текста самостоятельно, но быстро остыл и задумался. Ну конечно же, как я раньше не догадался?

Надо идти в посольство ГДР, уж там-то, скорее всего, готовый перевод найдется. Так и случилось. Пошел в посольство, объяснил, что готовлю дипломную работу по новой Конституции ГДР. Там меня охотно поддержали, снабдили текстом на русском языке, дали еще какие-то книги.

Примерно три месяца я работал над темой, штудировал специальную литературу, внимательно следил за публикациями в «Neues Deutschland», проанализировал все внесённые в окончательный текст изменения и дополнения. К установленному сроку дипломная работа была сдана на кафедру.

Надо сказать, момент оказался очень удачным: только-только принят Основной закон ГДР, а у нас уже готова дипломная работа! Защита прошла весьма успешно, работа получила высокую оценку и оставлена на кафедре в качестве учебного пособия. Моей скромной персоне было рекомендовано прикрепиться к аспирантуре юридического факультета как соискателю. Но оставим (пока) в стороне возможную научную карьеру и вернемся к практическим делам.

Весной, еще до защиты диплома, состоялось распределение. Меня «сосватал» в прокуратуру одного из районов города Алма-Аты К.Б. Бегалиев, заместитель прокурора Казахской ССР по кадрам.

Оказывается, он ежегодно приезжал в МГУ на распределение и подбирал себе молодые кадры. Не знаю, от кого, но Калауша Бегалиевич каким-то образом узнал о моих казахстанских корнях, предварительно переговорил со мной и получил согласие.

Итак, основные студенческие этапы преодолены. Осталось только получить сам диплом, такую важную и ценную книжечку... Впереди летние каникулы и полная неопределенность: как-то меня примут в далекой Алма-Ате, смогу ли устроить там семью?

А душа рвалась на очередную целину... Парадокс: каждое лето, измочаленный, мечтаешь вернуться в Москву, отдохнуть хотя бы телом...

Но приходит весна, и не находишь себе места, и опять тебя зовет романтика студенческой стройки. Нашел соломоново решение на тему: как убить двух зайцев сразу:

Еду на четвертую целину

Отвез жену и ребенка в Тулу, где их давно с нетерпением ждали родители Адели, а сам – в Москву, чтобы оттуда вместе с отрядом (это был уже чужой отряд, из действующих студентов, в то время как я – бывший) ехать в Казахстан.

Не буду подробно описывать этот сезон. Скажу лишь, что объектов по плотницкой части было мало, бросали меня на разные участки, где требовались рабочие руки.

Предварительно договорился с командиром, что отлучусь из отряда на 7-8 дней и что оплата за эти дни производиться не будет. Где-то в начале августа 1968 года я приехал в Алма-Ату, посетил прокурора города. Он мне честно обрисовал обстановку: работу следователя обещает, жильё – нет, трудоустройство жены – под знаком вопроса.

Я вернулся в отряд, подробно написал жене о наших перспективах и просил сходить в прокуратуру Тульской области по поводу перевода. Просил передать, что согласен работать следователем в любом районе Тульской области. Очевидно, последний довод больше всего понравился А.Р. Поповой, старшему помощнику прокурора области по кадрам. Она собрала необходимые материалы и подготовила ходатайство «наверх» с просьбой о переводе молодого специалиста Я.Я. Пистера в Тульскую область.

Вдогонку за этим письмом отправилась Адель – просить управление кадров Прокуратуры Союза о том же, мотивируя перевод нашим семейным положением. Прокуратура СССР в принципе была согласна и затеяла переписку с прокуратурой Казахской ССР, но там заупрямились.

По существу, вопрос был решен только тогда, когда я сам появился в Союзной прокуратуре и со мной переговорил по телефону К.Б. Бегалиев. Не знаю почему, но он всячески отговаривал меня от перевода, пообещав даже – немедленно – квартиру в Караганде. Но я проявил характер и подтвердил свою решимость работать в Тульской области. Для окончательного решения вопроса требовалось время, и я уехал в Тулу.

Через несколько дней узнал, что моя просьба удовлетворена, а спустя еще 3-4 дня получил первое назначение.

Часть вторая

ПРОКУРОРСКИЕ ГОДЫ

Глава первая

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОКУРАТУРЫ ДУБЕНСКОГО РАЙОНА

В сентябре 1968 года началось моё 30-летнее служение закону, с должности следователя прокуратуры Дубенского района Тульской области.

Кадровик А.Р. Попова сообщила, что через 2 часа приедет прокурор района, что он готов вручить мне ключи от 3-комнатной квартиры, и, если мы с супругой готовы, сразу увезет нас в пос. Дубну. Мы, конечно же, оказались готовы (долго ли собрать чемодан?) и вскоре были на месте.

Первое впечатление от Дубны было удручающим: небольшая деревушка в лесной глуши. После дождя непролазная грязь, в сухую погоду непроглядная пыль. Невольно вспоминалась моя красавица Зеренда в Казахстане: и домов побольше, и улицы почище. На окраине Дубны – несколько двухэтажных блочных домов, так называемый микрорайон. Вода в эти дома не подведена, все «удобства» на улице. В одном из таких домов и находилась обещанная квартира.

Жена прокурора работала главным врачом больницы, откуда нам в тот же день привезли мебель: кровать, тумбочку, стол, две табуретки, всё это – белого больничного цвета.

Прокуратура района располагалась на другой окраине поселка, в крошечном домике, похожем на сарай, примерно в двух километрах от микрорайона.

Прокурор района Маслов, хоть и старался нам помочь, хоть и лебезил перед Аделью, произвел на меня неприятное впечатление: бегающие глазки, трясущиеся пальцы рук, большое самомнение. Он явно упивался своим должностным положением, хвастал тем, что достиг звания «юрист 1 класса», демонстрировал «крутость» своего характера.

В первый же мой рабочий день Маслов вызвал к себе (не попросил, а именно приказал явиться) начальника райотдела милиции подполковника П.И. Кузнецова. Приняв наполеоновскую позу и буравя его глазами, изрек:

– Вот приехал новый следователь, Яков Яковлевич. Будешь делать всё (именно на «ты»), что он скажет.

Право же, мне было неудобно перед Павлом Ивановичем. Ни по возрасту, ни по должностному положению я не мог претендовать на лидерство. Павел

Иванович, деликатный и запуганный Масловым человек, не возражал, не возмутился и выразил свою готовность сотрудничать. Впоследствии мы с ним прекрасно поладили, и он нередко помогал мне словом и делом.

Еще одно, более тяжкое испытание, было впереди. Как-то Маслов пригласил меня с собой в один из совхозов. По пути рассказал, что поступила жалоба на самоуправство директора, надо разобраться и принять меры (должность помощника не была предусмотрена по штату, все жалобы разрешались прокурором). Оказалось, что директор «арестовал» десяток частных гусей, потравивших совхозные посеы. К моменту нашего приезда гуся уже были на свободе, директор в своем самоуправстве раскaiвался. Но Маслову этого было мало, не зря же он проехал 20 километров! В самых грубых и оскорбительных выражениях он начал «воспитывать» несчастного директора:

– Я тебя за Можай загоню! Ты у меня в тюрьму сядешь! Вот приехал следователь, он сейчас же заведет уголовное дело!

Я не раз видел в кино, как «заводился» от собственных слов Гитлер, как он впадал в истерику, неистовствовал. Так вот, Маслов в этом эпизоде ни в чем не уступал «фюреру».

Мне было и стыдно, и больно, и обидно от того, что никак не могу вмешаться, что моим именем запугивают взрослого, солидного человека, директора совхоза, члена партии, и что этот человек молча всё сносит, не поставит хама на место.

Нервное потрясение было столь велико, что ночью я не спал, поднялась температура, и утром я не смог подняться с постели.

Еще несколько штрихов к портрету Маслова.

Возвращались мы с ним как-то из Тулы на служебной машине. Недалеко от Дубны у дороги – гаишники. Поднимают жезл, требуя остановиться. Водитель по привычке глянул на шефа – как быть? Тот, побагровев, приказал:

– Остановись!

Не выходя из машины, Маслов начал орать на милиционеров, называя их недоумками и награждая другими нелестными эпитетами.

– Надо знать, кого останавливаешь, – несколько раз повторил Маслов. Оказалось, что эти молодые ребята работают недавно и неписаных законов еще не знают.

Характерная деталь: прокуратура Дубенского района находилась недалеко от райкома партии и райисполкома, не более пяти минут пешком. Но Маслов ездил туда только на машине, в объезд, и это занимало те же пять минут.

Моя жена быстро подружилась с секретаршей прокуратуры Валентиной, они нередко говорили о своем, о женском. Узнав, что, Валя с мужем и 8-летним сыном проживает в 1-комнатной квартире, в том же микрорайоне, Адель, предварительно переговорив со мной, предложила Вале обмен квартирами. Та с радостью согласилась, мы тут же перенесли вещи, и фактический обмен состоялся (документы оформили потом). Так вот, Валя по секрету рассказала Адели, что Маслов – хронический алкоголик, не раз в одиночку напивался до бесчувствия в своем кабинете, откуда его увозили на служебной машине.

Расследую первые дела

Ранее следователем в Дубне работала женщина, которая месяц назад по семейным обстоятельствам переехала в другой город. В сейфе после неё осталось 4 дела, которые я принял к производству. По двум делам – об изнасиловании и злостном хулиганстве – обвиняемые содержались под стражей. Разумеется, в первую очередь я занимался именно этими делами. Возникла необходимость дополнительно допросить потерпевшую по делу об изнасиловании, проживавшую в городе Конаково Калининской (ныне Тверской) области. Поехал в областную прокуратуру, доложил свои соображения начальнику следственного отдела А.И. Кашину. Анатолий Иванович со мной согласился, кое-что подсказал. Я съездил в Конаково, встретился с 12-летней девчушкой: всё моё существо возмущалось скотством насильника.

Потом вернулся в Дубну и дополнительно допросил обвиняемого, 40-летнего жителя и уроженца этого поселка. Фабула дела такова: девочка, приехавшая в гости к родственникам из Конаково, пошла в лес за грибами. На свою беду встретила пьяного местного мужика, который избил ее и изнасиловал. Проводились (еще до меня) опознание и очная ставка, потерпевшая уверенно опознала насильника. Были еще два свидетеля, которые прибежали на крики потерпевшей и задержали пьяного мужчину недалеко от места происшествия.

Обвиняемый виновным себя не признавал: мол, был пьян, ничего не помню, но совершить такое злодейство не мог. Оно и понятно: ему, местному жителю, отцу двух детей, было невероятно стыдно признаться в подобном деянии.

Дело мною закончено в установленный срок и направлено в суд, по нему вынесен обвинительный приговор. По делу о злостном хулиганстве мною проведены очные ставки, перепредъявлено обвинение, после чего дело было направлено в суд.

Вышло так, что мне же и довелось поддерживать обвинение в суде по этому делу. Признаюсь, пришлось поволноваться, поскольку это было моё

первое участие в суде и, самое главное, в роли гособвинителя я оказался совершенно неожиданно, времени на подготовку не имел.

Подсудимый пытался изменить показания, но я напомнил ему, что именно он говорил мне на предварительном следствии, и он быстро сник. По этому делу также был вынесен обвинительный приговор.

Остальные два дела, полученные мною в «наследство», после тщательной проверки были прекращены.

Во время моей работы в Дубне случилось и новое преступление, по которому уголовное дело было возбуждено уже мною: пьяный хулиган в ночное время «гулял» по поселку с огромной овчаркой и развлекался тем, что натравливал собаку на людей. При попытке работников милиции задержать его оказал яростное сопротивление – один разбросал четырех милиционеров.

Дубна расположена в 50 км от Тулы, сюда проложено асфальтированное шоссе, окрестные леса богаты грибами и ягодами, поэтому значительная часть преступлений совершается здесь гастролерами, особенно летом.

Мой гастролер (фамилию не помню), житель Тулы, оказался весьма злобным и агрессивным человеком. У него был собственный взгляд на жизнь: все люди вокруг – сволочи, все виноваты во всем, а он всегда прав. Весьма распространенная категория среди человечества и, кстати, наиболее опасная в криминогенном плане.

Ранее он был судим, содержался в местах лишения свободы и люто ненавидел всех милиционеров, прокуроров и судей. Разумеется, и ко мне он не воспылал любовью. На допросах громко возмущался, что дело поручили «сосунку» (хотя мне было 27 лет), что я ничего не понимаю и вообще таких убивать надо.

Однажды ко мне зашел работник областного КГБ, предъявил удостоверение. Он рассказал, что фигурант моего дела ранее был судим за измену родине: во время воинской службы в ГДР пытался перебежать в Западную Германию. Чекист попросил меня: во время очередного допроса обвиняемого всячески интересоваться обстоятельствами того, армейского преступления (с кем был, где и как пытался перейти границу и пр.). Видимо, это нужно было для того, чтобы взбешенный фигурант поделился впечатлениями с сокамерниками...

Просьбу коллеги я выполнил, задавая всякие «невинные» вопросы. Обвиняемый рвал и метал, отказывался отвечать, грозился написать жалобу.

В двухмесячный срок дело было закончено и направлено в суд, виновный осужден. До сих пор с улыбкой вспоминаю некоторые цитаты из составленного мной обвинительного заключения. В частности, фиксировалось, что обвиняемый, натравив собаку, до крайности напугал «пожилую» женщину, хотя потерпевшей было не более 40 лет. В то время мне казалось, что сорок лет – уже пожилой возраст...

Несколько раз за время работы в Дубне доводилось выезжать по сигналам об обнаружении трупов людей.

Самое тяжкое воспоминание осталось о первом выезде: в частном доме обнаружен труп хозяина, средних лет мужчины. Каких-либо следов насилия не найдено, приехавший вместе со мной эксперт-медик сделал предварительный вывод о том, что хозяин дома, находившийся в сильнейшей степени опьянения, уснул лежа на спине и захлебнулся рвотной массой. Всё это он подтвердил потом в своем письменном заключении.

Но меня поразила бессмысленность, нелепость происшедшего: в доме из мебели только стол с табуреткой да железная кровать – не только без постельного белья, но и без матраца. На столе грязная кастрюля с высохшими остатками макарон, пустые бутылки из-под водки и два мутных стакана. Спертый воздух. Полы никогда не только не мылись, но и не подметались.

Боже, думал я, и это человек – царь природы, разумное существо! Ни одно животное, если оно здорово, не доведет себя до подобного состояния и не погибнет так бездарно. Прошло почти полвека, а я до сих пор отчетливо вижу эту безрадостную картину жизни и смерти опустившегося человека...

Бытовая обстановка

Между тем наша семейная жизнь в Дубне потихоньку налаживалась, мы оба работали. Адель устроилась в местной средней школе учителем немецкого языка. Все считали ее немкой: Пистер Адель Федоровна, да еще ведет уроки немецкого... Отношения с директрисой и ребятами у нее сложились отличные. Зарабатывала она, по-моему, 120 рублей, плюс я получал 105 рублей (да-да, именно 105, а не 200, как на последнем курсе университета). Мы уже начали кое-что покупать, главным образом – книги. В то время в сельском книжном магазине всегда можно было отыскать и приобрести хорошую книгу, – не то что в Туле или в Москве.

Как-то я заглянул в местный мебельный магазин и обнаружил просто замечательный письменный стол. Попросил его оставить для меня и побежал за деньгами – к Адели, в школу. Она одолжила недостающую сумму у коллег, и покупка состоялась.

Потом мы вместе с женой купили в Туле и привезли в Дубну лучший отечественный радиоприемник с проигрывателем Рижского завода «ВЭФ» и при каждом удобном случае приобретали грампластинки.

Читающий эти строки может подумать: «барахольщики какие-то».

Но нет, сто раз нет! Ведь жизнь состоит из маленьких радостей, и нам приятно было на честно заработанные деньги покупать книги, эстампы, пластинки, детские вещи и игрушки. Прошли десятилетия, а мы всё помнили:

это был наш первый приемник, а это – первая мебель в квартире. Кстати, их было не так уж много, этих «первых».

Неожиданно нагрянули перемены. В Дубну приехала А.Р. Попова, долго ходила вокруг да около, а потом спросила, согласен ли я поработать в другом месте, а именно в Алексинской межрайонной прокуратуре?

Оказывается, женщина, которая работала в Дубне до меня, попросилась на старое место, заявив, что в противном случае вообще уйдет из прокуратуры. Вот так нежданно-негаданно закончилась моя работа в Дубне. Сильно огорчилась только директриса школы, она не хотела отпускать Адель и даже звонила мне, чтобы я разрешил жене доработать в этой школе до конца учебного года. Конечно же, она получила отказ.

Глава вторая

АЛЕКСИНСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ ПРОКУРАТУРА

Уже в середине декабря 1968 г. мы с женой перебрались в город Алексин. Это старинный русский город, основанный еще в 1236 году, с богатым историческим прошлым. Город состоял в то время из четырех разрозненных территориальных образований: Соцгород (административный центр Алексина), поселки Петровка и Мышега, в каждом из которых находилось по крупному заводу, и Алексин-Бор, спальный микрорайон с многочисленными домами. Население Алексина составляло 50 тысяч человек, еще 25 тысяч проживало в районе.

Соответственно повыше были и должностные оклады. Мне, например, платили уже не 105, а 120 рублей, но все равно меньше, чем Адели (она опять работала в школе, но вела уже русский язык и литературу).

Город нам обоим понравился, вот только жить пришлось почти два года в семейном общежитии, в комнатухе размером в 4 квадратных метра. Замечу с гордостью, что всё это время с нами жил малыш Димка.

Прокурором Алексина был Василий Потапович Ведмедь: крупный, грузный мужчина примерно 45 лет, вальяжный, ухоженный, с мужественным лицом и ямочкой на подбородке. Судя по фамилии, он происходил из украинцев, хотя русским языком – устным и письменным – владел безукоризненно. Люди, давно знавшие его, полунасмешливо – полууважительно называли его «упрямым хохлом». Следователи, особенно милицейские, знали: если Василий Потапович примет по делу какое – то решение, спорить с ним бесполезно. Партийные и советские чиновники его недолюбливали – именно за эту «упертость».

Частенько он приносил в горком партии Конституцию СССР, Программу КПСС, решения различных пленумов ЦК партии, процессуальные кодексы, пытаясь отстоять ту или иную позицию. Но это их только бесило и еще больше настраивало против «сухаря» - прокурора. По – моему, он был хорошим прокурором, независимым и принципиальным. Местные боссы, в свою очередь, где только можно было, ставили ему палки в колеса. В частности, невольной жертвой таких отношений стала наша семья – квартиру-то мы ждали почти два года!

Следователь

По штату в Алексинской прокуратуре было предусмотрено два следователя. Уже много лет в этой должности трудился Рябов Николай Михайлович. Это был добросовестный, умудренный жизнью и профессией человек. Но у Николая Михайловича было плоховато с общей грамотностью. В свое время он закончил юридическую школу, потом, заочно – юридический институт. Он знал об этом своем «узком месте» и философски к этому относился. Если он иногда просил отредактировать или откорректировать тот или иной документ, я никогда не отказывал, так же, как он не скупился на советы по технике или тактике проведения конкретного следственного действия.

Нагрузка у нас была достаточно высокая, в производстве у каждого находилось более 20 дел. Заканчивали мы обычно по 6-7 дел в месяц, большая часть которых направлялась в суд. Работали с напряжением, не считаясь с личным временем.

Значительный удельный вес среди расследуемых дел занимали дела о преступлениях несовершеннолетних – в то время они еще относились к подследственности прокуратуры. Вообще-то эти дела не требовали особых затрат времени. Как правило, дознанием вина подростка была уже доказана, сам он признавал свое участие в том или ином деянии.

Оставалось только скрупулезно изучить его личность: с кем воспитывался, где и как учился или работал, состоял ли на учете в милиции и пр., истребовать различные справки, выписки, характеристики, предъявить обвинение и избрать меру пресечения.

Самым трудным для меня был вопрос об аресте несовершеннолетнего. По первым своим делам я вообще не принимал таких решений, ограничиваясь подпиской о невыезде. Василий Потапович раз, и другой, и третий высказывал мне упреки в мягкотелости. Я горячо доказывал, что арест подростка только навредит ему и прочее...Василий Потапович тяжело вздыхал и говорил свое излюбленное:

– Яков Яковлевич! Никому не верьте, особенно работникам милиции!

Однажды у нас произошел особенно острый спор: два школьника, состоявшие на учете, обманным путем ворвались в квартиру одноклассника (они все учились в 7 классе), связали его и унесли из квартиры наиболее ценные вещи. Я в этот раз отстаивал свою позицию «гнилого интеллигента», но прокурор предупредил меня:

- Вот Вы их оставляете на свободе, а они завтра совершат новое тяжкое преступление!

И как в воду глядел, их снова задержали – за разбойное нападение. Теперь уже, разумеется, нянчиться больше нельзя, и я вынужден был вынести постановление о заключении обоих под стражу.

Этот случай заставил меня более вдумчиво и ответственно подходить к избранию меры пресечения подростков, ведь надо было заботиться и о безопасности возможных жертв преступлений.

Довелось также расследовать более десятка дел об умышленных убийствах. По этим делам я всегда пытался выяснить – хотя бы для себя – как мог человек решиться на такой крайний шаг, как лишение жизни себе подобного, когда и как восторжествовали в нем звериные инстинкты.

Мой собственный анализ показал, что чаще других убийцами становятся люди, считающие себя особенными, исключительными. А вот когда и почему они превращаются в своем сознании в суперменов – уже другой вопрос. Увы, в 21 веке такому духовному перерождению способствуют многочисленные фильмы и сериалы о «крутых» бандитах, о благородных ворах и пр.

Приходилось также расследовать всякого рода должностные преступления. В этой связи вспоминается дело, получившее в Алексине большой общественный резонанс.

Дело врача Абрамовича

Пришла как-то ко мне на прием женщина. Рассказала, что примерно месяц назад ее мужа, ехавшего на велосипеде, сбила грузовая машина. В бессознательном состоянии его доставили в Алексинскую горбольницу, где врач Абрамович, поверхностно осмотрев больного, отказался оказывать медицинскую помощь, заявив, что пьяных он не лечит и что их место – в вырезвителе. Больного увезли домой.

Ночью, не приходя в сознание, он скончался. Причиной смерти стали множественные повреждения головы, сотрясение головного мозга.

По заявлению вдовы я возбудил уголовное дело и приступил к расследованию.

Выяснилось, что незадолго до автопроисшествия велосипедист действительно выпил пива, запах которого и ощущался в приемном покое. На это обстоятельство и ссылался Абрамович в ходе допросов. Однако, я полагал, что, несмотря на это, он обязан был внимательно осмотреть пациента, уделив особое внимание версии о сотрясении головного мозга.

Заволновалось медицинское начальство города, посыпались жалобы на меня, различного рода ходатайства. Побывавшая в моем кабинете главврач больницы доверительно произнесла, что среди СВОИХ так поступать не принято (многие в Алексине считали меня евреем). Потом она побывала у прокурора города и тоже высказала свое возмущение:

– Из-за таких ретивых следователей скоро все врачи разбегутся!

Для решения спорных вопросов я назначил судебно-медицинскую экспертизу, которую поручил Главному бюро СМЭ при Министерстве здравоохранения СССР. Следствие, в частности, интересовало: допустил ли Абрамович нарушение установленных медицинских правил при осмотре больного, была ли возможность спасти жизнь пациента при своевременном вмешательстве и др.

Прошло более месяца, в течение которого я несколько раз звонил в Бюро, не отвечали, что дело еще даже не назначено. Мне было известно, что врачи, в том числе эксперты, неохотно «сдают» своих. Чтобы как-то «дисциплинировать» экспертов, подготовил и направил в Министерство здравоохранения СССР строгое, политически выдержанное письмо: волокита с принятием решения порождает недовольство жителей, создает нездоровую обстановку в городе, подрывает веру людей в справедливость и т.д.

Видимо, это обращение подхлестнуло столичных медиков, и вскоре заключение было получено. Эксперты были вынуждены признать, что Абрамович нарушил врачебный кодекс и что при своевременном вмешательстве больной мог быть спасен.

Приговором суда Абрамович был осужден к трем годам лишения свободы условно, а также лишен права заниматься врачебной деятельностью на тот же срок.

Уроки Василия Потаповича

Василий Потапович во всем любил солидность и основательность. Не жалея времени, он занимался повышением моего профессионального уровня. Обычно это происходило так.

Закончив очередное дело, я передавал его прокурору для утверждения обвинительного заключения или постановления о прекращении производства. Примерно через день или два он приглашал меня в свой кабинет. На столе – мой «труд» с десятками закладок. И начинался урок:

– Вот здесь Вам следовало выяснить такие-то вопросы...

– В протоколе осмотра места происшествия допущены следующие пробелы...

– Вот здесь допущены процессуальные нарушения...

– По этому эпизоду в деле имеются противоречия, однако попыток к их устранению Вы не предприняли, и так далее.

Иногда я внутренне злился на зануду-прокурора (хотя старался этого не показывать), но со временем всё больше понимал, что такой разбор очень

важен, и прежде всего – для меня. День за днем, урок за уроком, и все меньше закладок оставалось в моей «готовой продукции».

Прошли годы, я всегда помнил уроки Василия Потаповича, всегда был ему благодарен, а при случае и сам старался как-то поделикатнее помочь начинающему коллеге.

«Дело об убийстве – прекратить»

Вот такое постановление довелось мне вынести много лет назад. Но расскажу все по порядку.

Молодой человек по имени Геннадий проживал в Алексине вдвоем с матерью. Отец жил отдельно у какой-то чужой женщины. И ранее, многие годы, и теперь, отец сильно пил. Приходил к сыну и жене (брак не был расторгнут) только по большим праздникам, требовал водки, устраивал скандалы.

Приближался Новый Год, на этот вечер Геннадий пригласил домой свою девушку. Но не суждено им было посидеть у праздничного стола. Явился отец, пьяный и злой. Как всегда, стал требовать выпивку, ругался, ударил мать. Геннадий твердо сказал: «мать бить не позволю».

Потерявший человеческий облик отец словно озверел. Он выбежал на балкон, схватил стоявшую там штыковую лопату и с криками «убью!» стал наступать на Геннадия, размахивая лопатой как мечом, забыв о том, что перед ним – собственный сын. Два раза попал острием лопаты по плечам уклонявшегося Геннадия.

Мысль работала лихорадочно-быстро и четко: «Сейчас он меня убьет!».

Изловчился, нырнул от очередного удара к столу, схватил лежавший там кухонный нож...

И в самый последний момент, когда лопата почти коснулась головы, Геннадий все же успел нанести удар ножом. Ударил не целясь, но ранение оказалось роковым. Отец скончался на месте...

Геннадий сам явился в милицию, сообщив, что убил отца. Его задержали. Уголовное дело оказалось в моем производстве, результат вам уже известен. Уголовное преследование против Геннадия прекращено, поскольку он находился в состоянии необходимой обороны.

Кое-что о причинах преступности

Не пугайтесь, это не научный трактат. Это просто некоторые мысли, которые приходили мне в голову 4-5 десятилетий назад и которых я придерживаюсь до сих пор.

Преступность – не вирус, который витает в воздухе и коварно проникает в человека. Причины совершения преступлений зреют в самом человеке. Разумеется, какие-то негативные черты характера – алчность, агрессивность –

заложены в нем от природы, другие он приобретает «в наследство» от родителей. И все-таки в подавляющем числе случаев человек как бы впитывает эти качества от своего окружения, главным образом – в детстве.

На протяжении веков, из поколения в поколение на Руси воспевались – в сказках, песнях, былинах – ловкие люди, бездельники, обманщики, мошенники. Разве такие «герои» не формируют тип идеального, «крутого» человека, особенно в умах детей? Кому захочет подражать ребенок, наслушавшись таких сказок? Пусть это было давно, сказки сегодня совсем другие, но историческая память – осталась. В умах людей сложился стойкий стереотип поведения – украсть что-либо, обмануть кого-нибудь – совсем не зазорно.

У других европейских народов культура и традиции совсем иные, со всеми вытекающими последствиями...

Возьмем такую категорию преступлений, как кражи и грабежи. В советское время их тоже было немало, а удельный вес составлял примерно половину от всей зарегистрированной массы. Но практика показывала, что львиная доля краж совершалась вовсе не потому, что человеку не хватало на хлеб или на одежду. Причина, особенно среди молодежи, состояла главным образом в ложной романтике, в желании отличиться в своем кругу, в отвращении к труду (как уже подчеркивалось, лодырь – положительный герой фольклора). Криминологическая наука об этом важнейшем факторе преступности говорить как-то стесняется.

Не открою никому Америки, сообщив, что от 70 до 95 процентов преступлений против личности, а также злостных хулиганств совершают люди в состоянии алкогольного опьянения. Но ведь пьянство тоже (увы!) наша национальная традиция (и трагедия). В советское время политики объясняли этот порок пережитками капитализма, в последние годы – происками Советской власти, которая-де умышленно спаивала народ.

Кстати, и имущественные преступления нередко совершались в то далекое время с целью непосредственного хищения спиртных напитков или для приобретения средств на спиртное.

И последнее: о влиянии улицы на мировоззрение детей, подростков и молодежи. Сам этот фактор муссируется десятилетиями, но его расшифровка как-то смазывается. Такие контакты опасны для детей прежде всего потому, что они (дети) подпадают под влияние законов стаи.

Самые жестокие, самые чудовищные и бессмысленные преступления совершаются именно людскими стаями, именно в толпе у людей просыпаются звериные инстинкты и уверенность в безнаказанности: никто ни за что не отвечает. Вот почему подростки так тянутся к футбольным фанатам, а политики всячески манипулируют фанатами в своих далеко идущих целях.

Про горячее сердце...

Высказывание Дзержинского о холодной голове, горячем сердце и чистых руках общеизвестно. Тут он абсолютно прав, как говорится – ни убавить, ни прибавить.

Меня, например, частенько спрашивали: не устал ли ты морально, не очерствело ли твое сердце от постоянного соприкосновения с преступниками, убийствами, трупами?

Действительно, отрицательных эмоций в жизни следователя хватает. Ему приходится вести борьбу на нескольких фронтах одновременно: с подследственными, с начальством, с работниками милиции и даже с собственной женой (мало внимания уделяешь семье!).

Но в то же время профессия следователя так же необходима, как вмешательство врача-хирурга: через кровь, через отсечение ненужного – к выздоровлению.

Тяжело даются многочисленные выезды на место происшествия...

Вот полевой вагончик, где в жестокой (и пьяной) драке схватились двое. Один ударил другого ножом в шею, в сонную артерию. Кровь хлынула буквально фонтаном, вместе с ней ушла и жизнь молодого парня.

Вот лужайка на окраине деревни. Два бывших друга, распив бутылку водки, стали в шутку бороться. Потом борьба переросла в смертельную схватку, они ползали, рычали, рвали друг друга зубами, били камнями, пока один из них не затих совсем...

Вот молодой мужчина, отец 3-летней девочки, выстрелом в голову разрешил свою главную проблему – хронический алкоголизм.

Этот перечень можно было бы продолжить, но стоит ли? В каждом из случаев – клубок противоречий, жизненная драма, трагическая развязка. К этому нельзя привыкнуть, это нельзя принимать равнодушно.

Мне хотелось буквально кричать:

– Люди, опомнитесь, что же вы делаете?

Как мог, старался противодействовать безумию, показывать людям, к чему приводят пьянство, правонарушения. Регулярно выступал с лекциями и беседами в трудовых коллективах, побывал во всех старших классах Алексинских школ, публиковал статьи и заметки в городской газете «Знамя Ильича».

Взаимоотношения с людьми

Помню, еще в университете на одном из занятий возник спор: как называть обвиняемого: – «ты» или «Вы». Стоит ли быть с ним вежливым или надо «задавить» его, и пр.

Жизнь показала, что надо общаться с обвиняемым (подозреваемым), как и с любым другим человеком – вежливо и честно, не унижая его человеческого достоинства.

Вспоминается поучительный случай. Из мест лишения свободы недавно освобожденный особо опасный рецидивист, Сямиулин. Все его предыдущие «ходки» были по одному сценарию – злостное хулиганство.

Буквально через неделю после освобождения он устроил в столовой пьяный дебош, оказал сопротивление работникам милиции, за что и был арестован.

На допросе в прокуратуре он всё признал – из того, что помнил – и посетовал на то, что в пьяном виде становится «дурак дураком». Вскоре ко мне пришла мать Сямиулина – крохотная, убитая горем старая женщина. Она плакала, жаловалась на жизнь и судьбу. Мне было искренне жаль ее, я ее внимательно выслушал и посочувствовал ее горю.

Видимо, об этом разговоре стало известно Сямиулину, на очередном допросе он поблагодарил меня и с горечью воскликнул:

– Ну вот почему Вы со мной разговариваете как с человеком, а в милиции на меня смотрят как на собаку!

Эта история имела продолжение. Примерно через три года, когда я находился в Алексине (от областной прокуратуры), случайно встретил Сямиулина в РОВД, под конвоем. Он первый узнал меня и уважительно поздоровался.

Еще одна иллюстрация на тему взаимоотношений. Однако вначале – небольшое отступление. Наш сынишка очень привык к кефиру, без которого уже не мог обходиться. Но в Алексине с этим продуктом было туго... Частенько, побывав во всех магазинах, я ни с чем возвращался домой.

Так вот... Было в моем производстве дело в отношении несовершеннолетнего В., находившегося под стражей. В ходе расследования я допросил его маму, работавшую буфетчицей при ресторане. Как и всякая мать, она плакала, пыталась разобраться, когда сын встал на скользкую дорожку. К ней я тоже отнесся внимательно, с сочувствием. Но когда она спросила, не нужно ли мне что-нибудь дефицитное из буфета, – категорически отказался.

Прошло еще какое-то время, дело было закончено и направлено в областной суд. Зашла мама подростка, – навести справки, я ей разъяснил, куда впредь следует обращаться. Уходя, она горячо благодарила меня за сочувствие и вновь предложила свою помощь в приобретении дефицита. Ситуация была уже иная, – судьба подростка от меня теперь никак не зависела, – и я дрогнул...попросил о кефире для ребенка. Несколько раз заходил в буфет и

покупал по две-три бутылки кефира. Вскоре снабжение в Алексине наладилось и мне уже не было необходимости пользоваться «блатом».

Дружба – дружбой ...

Пришло время рассказать об адвокатах Алексинской юридической консультации. Их было четверо и все они были гораздо старше меня по возрасту и по профессиональному опыту.

Заведующий консультацией Трушин: по странному стечению обстоятельств его жена, носившая другую фамилию, являлась председателем Алексинского городского суда. По негласной традиции к помощи Трушина прибегали всякие финансовые тузы, проворовавшиеся хозяйственные руководители.

Участник и инвалид войны Хабаров, полностью потерявший зрение. Его всюду сопровождала верная жена, она же секретарь, она же помощник, она же поводырь. Хабаров производил на клиентов выгодное впечатление именно своей трагической судьбой.

Шаталов – секретарь объединенной партийной организации суда, прокуратуры и адвокатуры, спокойный, склонный к полноте, с солидными манерами человек.

И наконец, Ткаченко Константин Степанович, самый квалифицированный из всей четверки, самый задира и насмешник. В детстве он получил травму ноги и по этой причине сильно хромал. Внешности своей он внимания не уделял никакого, ходил в каких-то старых затрапезных костюмах, галстуков не признавал. Ранее Ткаченко много лет работал судьей, но из-за неуживчивости и ядовитости характера от судейства его «отодвинули».

Константин Степанович был заядлым книголюбом, в домашней его библиотеке насчитывалось около двух тысяч книг. Наладив контакты с продавцами книжных магазинов, он постоянно пополнял свою библиотеку, тратя на книги немалые суммы. Он, кстати, хорошо и азартно играл в шахматы, что и послужило главной причиной нашего сближения. Мы с Аделью много раз бывали в доме Ткаченко, подружились с его женой, Анастасией Алексеевной, и дочерью, старшекласницей Валей. Дома у них нам было интересно: я играл с хозяином в шахматы, жена знакомилась с библиотекой или помогала Вале по русскому языку и литературе.

Мой шеф Ведмедь В.П. неодобрительно относился к нашей дружбе и однажды прямо выразил свое недовольство. Это был тяжелый и неприятный разговор. Я не видел в такой дружбе ничего предосудительного, поскольку на служебных делах она никак не отражалась. Когда по окончании следствия обвиняемые спрашивали совета, кого из адвокатов выбрать, я никогда не называл фамилию Ткаченко и отвечал, что все наши адвокаты – прекрасные специалисты. Поэтому я твердо. С чувством оскорбленного достоинства, заявил

шефу, что подобные вопросы ни с кем обсуждать не собираюсь. Василий Потапович тоже обиделся, каждый из нас оставался уверенным в своей правоте.

Перехожу к сути эпизода. Закончил я дело о групповом изнасиловании, знакомя обвиняемых и адвокатов с материалами дела. Под стражу были взяты только два подростка, непосредственные насильники, остальные (как я считал – соучастники) оставались под подпиской о невыезде. Ткаченко ознакомился, все подписал, но сказал мне: «Ты получишь это дело на дополнительное расследование». Я удивился, стал спрашивать – почему, но он только повторил: «Вот увидишь». К сожалению, его прогноз сбился. Оказывается, несколько лет назад Верховный Суд СССР принял постановление, в соответствии с которым все обвиняемые по делам о групповых изнасилованиях считаются соисполнителями (а это совсем другая квалификация и более суровое наказание). Нас таким нюансам в университете не учили, я получил дело к доследованию, а это большой-большой прокол. Зато, как говорит Жванецкий, «опыт приобрел».

Поначалу я обиделся на Степаныча: «Ему что, трудно было сказать?», но потом, подумав, понял, что он поступил в соответствии с моральным кодексом адвоката.

Вот – так погуляли...

Экспертом-криминалистом в Алексинском РОВД работал Н.М. Севастьянов. Был он гораздо старше меня, участник войны, которую закончил в звании старшего лейтенанта. В середине 50-х годов Николай Михайлович закончил юрфак МГУ, причем жил в новом высотном здании. К тому же он оказался заядлым шахматистом и, разумеется, мы с ним тоже подружились.

Ранее Николай Михайлович работал следователем, вначале в прокуратуре, потом в милиции, считался грамотным, квалифицированным специалистом, но на момент нашего знакомства (1968 год) оставался в звании старшего лейтенанта – как и 23 года назад.

Николай Михайлович был человеком откровенным, прямым, высказывал правду-матку в глаза, критиковал начальство на собраниях.

Отсюда и его «карьерный рост».

В конце марта 1970 года был юбилей Адели, у нас собрались гости, в том числе Николай Михайлович с женой. Примерно в 22 часа за мной приехали работники милиции – «на труп». Оказывается, они искали также эксперта-криминалиста, но не нашли, и теперь, при виде Николая Михайловича, их радость удвоилась.

Нас посадили в «Газик» и повезли. В этой же машине ехали два «указника» (задержанные по Указу за мелкое хулиганство).

Примерно в 15 км от Алексина машина остановилась (далее проехать было невозможно). Нам рассказали, что некая бабуся вечером возвращалась в

свою деревню, но дорогу ей преградил мощный водный поток (еще утром это был просто ручей). Бабуся все же решила одолеть препятствие, ее подхватило течением и понесло. На крики прибежали люди, через какое-то время несчастную вытащили, но уже мертвую...

Мы осмотрели место обнаружения трупа (в темноте больше ничего нельзя было сделать) и собрались ехать в Алексин. Вот тут-то и начались наши приключения. Приехавшие с нами «указники» категорически отказались нести носилки с трупом:

– Что хотите делайте, хоть стреляйте нас, хоть добавьте срок, но мы боимся и ее не понесем... Вот такие вот горе-хулиганы! В итоге – картина маслом: следователь и эксперт более километра несут по непролазной грязи носилки с трупом, а мелкие хулиганы, руки в карманы, вышагивают сзади.

Домой я приехал глубокой ночью, никаких гостей, конечно же, не было и в помине. Вот так мы и погуляли.

БЫТ

Трудовые будни

Незаметно прошло почти два года. Мы втроем с сынишкой живем в крохотной комнатке, наладились прекрасные отношения с соседями по общежитию. Наконец мечта сбывается: нам дали двухкомнатную квартиру в новом доме, в микрорайоне «Алексин-Бор».

Рядом – река Ока, сосновый лес. И место, и квартира нам очень понравились. Василий Потапович помог купить мебельный гарнитур Тульского производства, и мы чувствовали себя счастливыми. Кроме того, купили в кредит черно-белый телевизор, – впервые в жизни каждого из нас.

Школа, где работала Адель, находилась примерно в полукилометре от нашего дома, а вот мне приходилось теперь топтать гораздо дальше – около 3 км.

Вспоминается эпопея с профессиональной учебой. Приказом прокурора Тульской области была введена самостоятельная учеба следователей со сдачей зачетов и ведением конспектов. Последнее требование – о конспектах – меня очень задело, и я решил его проигнорировать.

Подошел срок экзаменов, которые принимал прокурор-криминалист Н.Л. Саморуков. На все поставленные вопросы я ответил. Николай Леонидович попросил показать конспекты. Я сказал, что конспектов нет.

– Как нет, почему?

– Потому что мы не школьники и не студенты. Важно фактическое знание предмета, а не формальная писулька!

Николай Леонидович не на шутку рассердился (ведь это было его детище) и потащил меня к прокурору области. Это была моя первая встреча с П.А. Копейко, – с человеком, о котором я за всю последующую жизнь не сказал ни одного худого слова. У него был дар общения с людьми, он обязательно должен был понять позицию человека, с которым спорил.

Повторился тот же диалог, что и в кабинете криминалистики. Получив мой отказ писать конспекты, Петр Александрович пошумел, назвал меня мальчишкой, но видно было, что на самом деле он не сердится и даже сомневается в необходимости конспектов. С тех пор практика истребования конспектов как-то незаметно стала тускнеть, о ней как бы забыли.

Что касается Николая Леонидовича, то о нем у меня остались самые лучшие воспоминания: фанатик своего дела, неутомимый проводник всего нового в следственную практику, общительный, с чувством юмора человек. О состоявшемся неприятном «школьном» эпизоде мы постарались забыть, в дальнейшем легко и свободно общались.

У меня же вскоре состоялась вторая встреча с П.А. Копейко, довольно неожиданная. По каким-то делам я в течение нескольких дней находился в прокуратуре области. Вечером по окончании рабочего дня зашел в Красный уголок, – посмотреть на проходивший там шахматный турнир. В сторонке за шахматным столиком сидел Петр Александрович.

Он спросил, играю ли я, и, получив утвердительный ответ, предложил сразиться. Случилось так, что Копейко эту партию «с треском» проиграл. Через 2-3 года я убедился, что играет он очень здорово, интересно, охотно жертвует фигуры, что и подвело его в первой нашей партии.

Право же, мне было тогда неудобно: так нахально разделить пожилого, солидного человека, прокурора области... Но он как-то по-хорошему улыбнулся, пожал мне руку и уехал домой. Как выяснилось через пару месяцев, зла на меня он действительно не держал.

А случилось вот что. Александра Романовна (кадровик) при встрече сообщила, что «есть мнение» перевести меня в областной аппарат, на должность старшего следователя. Я сказал, что надо подумать, посоветоваться с женой, и с тем уехал.

Глава третья

ПРОКУРАТУРА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Старший следователь

Не очень-то хотелось уезжать из Алексина. Мне понравились эти красивые места, величавая Ока, рыбалка, грибная и ягодная «охота». С другой стороны, был спортивный азарт, желание проверить себя, утвердиться на новой работе.

Жена тоже не пришла в восторг от такой новости. Только недавно получили квартиру, начали обживать, в перспективе – отдельное проживание, поиски новой работы, ожидание жилья и пр.

Зато в Туле живут ее родители, всегда готова прийти на помощь мама, тем более что мы ожидали второго ребенка. Эти последние доводы перевесили, я дал свое согласие и в мае 1971 г. был переведен в Тулу – самый молодой, 30-летний сотрудник областного аппарата. По просьбе нашего руководства меня устроили в одно из рабочих общежитий, в комнату на двоих, куда я приходил только ночевать. На все выходные дни уезжал в Алексин, к семье.

Громкое «политическое» убийство

Одним из первых дел было расследование умышленного убийства в районном центре Чернь Тульской области, где на избирательном участке в день выборов был застрелен уполномоченный Чернского райкома партии Семенихин. Ажиотаж вокруг этого убийства поднялся большой, приехали представители обкома партии и КГБ, начальник областного бюро судебно-медицинской экспертизы, наш прокурор-криминалист (уже упоминавшийся Н.Л. Саморуков).

Суть дела такова. Семенихин был начальником небольшого местного предприятия, ездил на служебной машине. отношения с водителем у него не сложились и тот стал просить об увольнении по собственному желанию. Семенихин отказывал, заявления демонстративно выбрасывал, одно из них порвал. Встретив в день выборов своего начальника на избирательном участке, водитель снова обратился к нему с той же просьбой. Получив отказ, пообещал: «Ты еще пожалеешь об этом» и ушел. Поздно вечером, когда члены избирательной комиссии считали бюллетени, через раскрытое окно был произведен выстрел. Один человек, – Семенихин, – был убит, другой тяжело ранен. Стрелявший сам пришел в отделение милиции с повинной и выдал ружье.

Указание руководства об окончании дела в месячный срок было выполнено. Фактически все необходимые следственные действия были проведены за две недели, такого же времени потребовало производство судебно-медицинской экспертизы.

Поскольку никаких политических мотивов у виновного не было, я квалифицировал его действия, как совершенные из личных неприязненных отношений. Однако, поскольку умышленное убийство было совершено способом, опасным для жизни многих людей, деяния обвиняемого все же подпадали под признаки ст.102 УК РСФСР (при отягчающих обстоятельствах). Областной суд с такой квалификацией согласился, виновный был осужден к 12 годам лишения свободы.

Обвинительный уклон нам не нужен

Вернувшись в Тулу, получил новое задание.

Суть его такова. Областным судом был оправдан несовершеннолетний П., обвинявшийся в изнасиловании. Прокурор области назначил в этой связи служебную проверку, поручив ее мне. Внимательно изучив материалы дела, я на автобусе выехал в город Ясногорск. Опыта подобных проверок у меня не было, предварительно позвонить в прокуратуру района я не догадался. Приехав в Ясногорск, зашел в прокуратуру, представился секретарше, нанести визит прокурору района С.С. Зубкову постеснялся. Он, конечно же, вскоре узнал о моем приезде, пригласил к себе, помог с гостиницей и с технической организацией проверки, главным образом – с приглашением людей.

Предварительный план проверки я составил заранее, вопросы к потерпевшей, бывшему обвиняемому и другим лицам были намечены, само дело я привез с собой.

Выяснилась такая картина. Молодой паренек ухаживал за девушкой, однажды вечером пригласил ее на чердак жилого дома. Она согласилась. Дальше, как говорится, всё по сценарию. Девушка вернулась домой поздно, взволнованная и растрепанная.

Родители заподозрили неладное, устроили перекрестный допрос. Дочка расплакалась и сказала, что П. ее изнасиловал. Тут же последовало заявление в милицию, парня арестовали.

Несовершеннолетнюю потерпевшую допросили в прокуратуре в присутствии матери. Девочка показала, что П. избил ее, она плакала и кричала. Подозреваемый все это отрицал. Его версия подтверждалась другими доказательствами: телесных повреждений у потерпевшей не обнаружено, жители дома, на чердаке которого уединилась парочка, криков не слышали.

Но у следователя прокуратуры было другое мнение: «Нечего с ним церемониться, все равно сидеть будет», думал он.

На следующем допросе, уже без матери, девушка отвечала на вопросы уклончиво, пыталась изменить показания. Тогда следователь решил убить сразу двух зайцев: и обвинительную версию закрепить, и криминалистическую технику применить (это было модно), а именно: устроить «очную ставку» с записью показаний обоих на магнитофон. Но понятие об очной ставке у него было своеобразное. Сначала он пригласил потерпевшую (только ее), переговорил с ней и дал прочесть вслух ее первоначальные показания. Сличив потом магнитофонную запись и текст протокола первых показаний, я обнаружил их полное, слово в слово, совпадение. Потерпевшая даже механически зачитала вслух: «записано с моих слов правильно...», но на этом месте звукозапись была прервана. В ходе проведенной мною беседы

«потерпевшая» подтвердила, что никаких побоев П. не применял и что она не кричала. Вынуждена была давать ложные показания из-за боязни родителей. По поводу очной ставки заявила, что фактически таковой не было и что она попросту прочитала перед микрофоном текст своих первоначальных показаний.

Аналогичные объяснения в этой части дал и бывший обвиняемый. О результатах проведенной служебной проверки я сообщил прокурору области докладной запиской и подробной справкой, П.А. Копейко вынес этот вопрос на оперативное совещание (тогда еще не было коллегий) Петр Александрович, всегда остро и принципиально реагирующий на нарушения законности, на этом совещании был вне себя:

– Это же настоящая фальсификация, за это из прокуратуры гнать надо, – возмущался он. Досталось «на орехи» и прокурору района.

Формально из этого испытания я вроде бы вышел победителем: все мои тезисы подтвердились, виновных ожидало серьезное наказание, однако, к такому жесткому финалу я готов не был: моему коллеге, пожилому человеку по моей вине грозило увольнение из прокуратуры! А с другой стороны, думал я, что же мне оставалось делать? Закрывать глаза на вопиющие нарушения, допустить еще одну фальсификацию?

Слава богу, все обошлось более или менее благополучно, следователю объявили строгий выговор и перевели в помощники, дали ему возможность доработать до пенсии. Прокурору района Зубкову объявили «только» выговор.

Следователь – вечный студент

Преступления – как люди: могут быть похожие, но не сыскать двух одинаковых. В каждом деле (уголовном) есть своя изюминка, свои детали, каждое требует знания общих принципов расследования с учетом индивидуальных особенностей.

И следователь уподобляется вечному студенту, со временем превращаясь в энциклопедиста. В городе Новомосковске заключенные в зимнее время строили двухэтажный кирпичный дом. Не успели завершить кладку, как одна из стен дома дала широкую сквозную трещину, здание пришлось полностью разобрать. К ответственности привлекается прораб в звании майора милиции.

Он выдвигает множество всяких других версий, кроме той, что строительство велось с грубейшими нарушениями СНиПа (строительных норм и правил). Между тем рабочие-зеки подтвердили, что при закладке фундамента не утеплялись пазухи (прораб утверждал обратное).

Мною была назначена строительная экспертиза, которую проводил профессор Тульского горного института, опытнейший специалист.

Так вот, он был крайне изумлен, когда в конце концов узнал, что я – не строитель, а всего лишь следователь. Экспертиза подтвердила нарушения

СНиПа, напрямую приведшие к разрушению здания. Параллельно следственным путем проверялись и другие версии. В частности, об указании в проекте неправильной глубины залегания грунтовых вод, но они не нашли своего подтверждения. Дело было направлено в суд, прораб-майор осужден к лишению свободы условно, с возмещением немалого материального ущерба.

Другой пример. По заявлениям граждан мною было возбуждено уголовное дело о грубых нарушениях санитарных правил на Веневском молокозаводе. В результате употребления недоброкачественного молока десятки местных жителей оказались в больнице с отравлениями (к счастью, все остались живы). Следствием установлено, что уровень допустимого правилами коли-титра молока был превышен в десятки раз.

Довелось расследовать несколько дел о хищениях в торговле (Тула, Новомосковск, Белев), о злоупотреблениях, связанных с хищениями мяса на Тульском холодильнике. Все они направлены в суд, виновные осуждены. Но каких усилий потребовали эти дела, сколько бессонных ночей проведено за самостоятельным штудированием бухгалтерского учета, за изучением материалов по методике расследования таких дел.

В университете, опять же, нас этому не учили.

Неприятный осадок остался от «философии» торгашей. Они ничем не гнушались, чтобы набить кошелек, нагло пользовались дефицитом продуктов, «уступая» их за двойную цену, подсовывали покупателям недоброкачественные товары. Не укладывалось в голове, как могла продавец одного из магазинов в городе Новомосковске, сама мать, подсунуть в новогодние подарки детям давно уже списанные, заплесневевшие шоколадные конфеты?

Кстати, при расследовании этой категории дел я впервые узнал, что такое сервелат, шейка и другие дефицитные мясопродукты.

Бег на месте

Особняком стоит дело по обвинению кассира завода им. Кирова в городе Туле – Болтушкиной Анны Андреевны. У нее было двое детей школьного возраста и муж-инвалид, горький пьяница. Чтобы как-то удержать семью на плаву, Болтушкина в течение длительного времени присваивала казенные деньги, а, чтобы скрыть недостачу, показывала липовые выплаты в платежных ведомостях, подделывая подписи рабочих и проставляя вымышленные номера их паспортов.

Так продолжалось около трех лет, за это время она похитила более 15 тысяч рублей (при зарплате 150 руб. в месяц), подделала тысячи подписей.

Дело поступило ко мне от заболевшего коллеги, старшего следователя областной прокуратуры Когана Якова Романовича.

К этому времени было допрошено около двух тысяч свидетелей, проведена бухгалтерская ревизия, назначены почерковедческие экспертизы.

Требовал тщательной проверки вопрос: могла ли Болтушкина в одиночку присвоить деньги, или состояла в сговоре с другими работниками бухгалтерии?

Сама обвиняемая давала по этому поводу противоречивые показания: вначале утверждала, что да, а потом, после очных ставок, – отказалась.

Разумеется, я не мог сразу приступить к проведению следственных действий, имеющиеся к тому времени материалы – более 20 томов – требовали изучения, анализа, каких-то выписок и пр.

Вместе с томами дела я получил «в наследство» пенсионера Ивана Ивановича, который ранее преподавал в местном техникуме бухгалтерский учет. В качестве общественного помощника Иван Иванович консультировал Когана и по ряду предыдущих уголовных дел, а по делу Болтушкиной – с самого начала. Иван Иванович томился от безделья, чуть ли не каждый день приходил ко мне в прокуратуру, с удовольствием присутствовал на допросах обвиняемой (она первоначально находилась под подпиской о невыезде), задавая ей те или иные «хитрые» вопросы.

Примерно через три месяца я вынес постановление о назначении судебно-бухгалтерской экспертизы, поручив ее производство Тульскому областному Бюро. Там пришли к выводу, что имеющихся материалов недостаточно и что для устранения ряда пробелов требуется дополнительная ведомственная ревизия. Пришлось выезжать в Москву, в оборонный Главк, приложить максимум настойчивости на приеме у начальника Главка и все-таки «пробить» такую ревизию. Через месяц акт дополнительной ревизии – у меня на столе. Снова иду в областное Бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, оставляю им вместе с постановлением все добытые материалы. Еще через месяц получаю «отлуп» – якобы заключение составить невозможно по ряду причин (явно надуманных). Стало понятно: местные счетоводы просто уклоняются от огромного объема работы, не хотят вникать в нюансы этого бумажного монстра.

Что делать? Снова еду в Москву, на этот раз к начальнику Главного бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Но кто будет вникать в эти дебри, да еще отменять вердикт областного учреждения? Получив благовидную отписку, ни с чем вернулся в Тулу.

Оставался один выход: поручить производство бухгалтерской экспертизы уже знакомому нам Ивану Ивановичу. С его положительным заключением направил дело в областной суд.

Но... в деле имелась и бумага Тульского Бюро о невозможности дать заключение. Я же не мог изъять его из дела, поскольку это было бы нарушением законности, почти фальсификацией! Просто я полагал (ошибочно), что суд скрупулезно разберется во всех нюансах и примет объективное решение. Увы, новая неприятность: дело возвращено для дополнительного расследования. Кто работал следователем, знает, какой это удар по престижу следователя, его профессиональной состоятельности, по самолюбию,

наконец...Признаюсь: я уже начал подумывать о том, чтобы бросить эту бессмысленную суету, найти себе более спокойную работу, поставив крест на прокуратуре. Поделился этими мыслями с коллегами, мнение которых уважал, и решил: нет, сдаваться негоже. Надо запастись терпением и снова впрягаться в работу по этому осточертевшему делу.

Используя личные знакомства, узнал от однокурсников: есть такое Горьковское бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, где работают настоящие профессионалы и, самое главное, это бюро не отказывает в проведении экспертиз следователям из других регионов.

Предварительно созвонившись и получив добро, еду в Горький и оставляю там все необходимые материалы. Уже через месяц (ну не чудо ли?) экспертное заключение готово.

Быстренько завершаю расследование и повторно направляю дело в областной суд для разрешения по существу. Болтушкина при предъявлении окончательного обвинения взята под стражу. И вот однажды мне позвонили на работу:

– Вы не могли бы явиться в зал областного суда для допроса в качестве свидетеля?

Спускаюсь на первый этаж того же здания и буквально через пять минут даю свидетельские показания. Оказывается, Болтушкина заявила в суде, что следователи Коган, а затем и Пистер запугивали ее и даже избивали.

Находясь на трибуне, я обратился к подсудимой:

– Анна Андреевна, а Вы помните, что сказал на одном из допросов покойный Иван Иванович? Говорил ли он такие слова: «вот, смотрите Анна Андреевна, перед нами представитель нового поколения следователей: всегда вежливый, выдержанный, обращается только на «Вы». Был такой разговор?

Болтушкина покраснела, потупилась и признала, что такой разговор действительно был. Что касается другого следователя, Когана, то он, по словам подсудимой, иногда кричал на нее и даже бил...карандашом (?).

На этот раз Болтушкину осудили, и довольно строго: к 10 годам лишения свободы. Чисто по-человечески мне было ее жаль: пытаюсь вытащить из нищеты детей, она не устояла перед соблазном, запустила руку в государственный карман и в конце концов поплатилась за это свободой. Можно только повторить известное изречение о том, что закон суров, но это – закон.

В общей сложности это дело находилось в моем производстве почти полтора года. Отмечу попутно, что за этот же период времени я расследовал и другие уголовные дела, что-то около десяти.

С делом Болтушкиной связан один памятный мне эпизод. Будучи в Прокуратуре РСФСР с целью продления срока следствия, я узнал, что наш зональный – не кто-нибудь, а бывший Прокурор СССР Сафонов.

Он был главой прокурорского ведомства при Сталине, за что при смене команды и был отстранен. Сафонов произвел на меня самое благоприятное

впечатление: простой, доброжелательный, без тени высокомерия или чванства. Он довольно быстро «протолкнул» все формальности, успев между делом рассказать о давнем аналогичном уголовном деле, которое ему довелось расследовать.

Мнимые хищения

Хочу рассказать о некоторых перекосах судебной практики того времени, насаждаемых сверху.

В ряде случаев Верховный Суд СССР, явно превышая свои полномочия, присваивал себе функции законодателя. Так случилось, в частности, по делам о приписках, сопряженных с получением премий.

Совокупную их сумму, полученную не только руководителями, но также всеми рабочими и служащими, надлежало теперь рассматривать как... хищение государственного имущества. Чем выше сумма премий, тем жестче квалификация, вплоть до расстрельной статьи 93-прим УК РСФСР.

Одно такое дело довелось расследовать автору этих строк, – в отношении начальника энергоучастка Тульского отделения Московской железной дороги Четверикова, регулярно вносившего неверные данные в государственную отчетность о ходе строительства новой линии электропередач.

«Кухня» приписок была довольно проста: объемы выполненных работ включались в отчетность авансом, и эти работы действительно выполнялись, но... уже в следующем отчетном периоде. Так продолжалось более года, планы успешно выполнялись, рабочие и ИТР регулярно получали премии, общая сумма которых превысила 10 тысяч рублей.

Документы (так называемые «процентки»), показания рабочих-строителей, другие материалы дела бесспорно свидетельствовали о том, что государственная отчетность постоянно искажалась.

Не отрицал этого и сам Четвериков. На неоднократных допросах он подробно и откровенно рассказывал, как о самих приписках, так и о причинах и условиях, способствовавших их совершению. В частности, он посетовал на свою мягкотелость: сверху давит начальство – «давай план», снизу ждут премий рабочие и служащие.

В общем, совокупной суммы тех премий вполне хватило, чтобы предъявить Четверикову обвинение не только в приписках, но и в хищении государственного имущества в особо крупном размере (свыше 10 тысяч рублей). Хоть статья и тяжкая, у меня не хватило духу применить в отношении обвиняемого арест. Он так и остался под подпиской о невыезде.

Мне не была понятна логика Верховного Суда. Ведь решающим признаком при квалификации тех или иных преступлений всегда является направленность умысла виновного. Никаких данных о том, что Четвериков стремился завладеть государственными деньгами (премиями), в деле не было.

Кстати, лично он получил из тех премий около 300 рублей. А если исходить из того, что все его подчиненные также имели умысел на хищение народного добра, то получается уже организованная преступная группа, целая банда! В общем, бред какой-то, в который не хотелось верить.

Но поверить пришлось. Оказалось, что приговором Тульского областного суда Четвериков осужден к 10 годам лишения свободы и взят под стражу прямо в зале суда. Для меня это было полной неожиданностью, вызвало чувство горечи и сожаления.

А на следующий день после приговора мой непосредственный начальник сделал мне «внушение» за непринципиальный подход к решению вопроса о мере пресечения в отношении Четверикова. Ему (начальнику) своё неудовольствие высказал член областного суда, рассматривавший дело по существу и принимавший решение.

Другой пример из того времени – бессмысленная, несправедливая и даже вредная судебная практика по так называемым «луковым» (иногда «арбузным») делам. И насаждалась эта практика, конечно же, Верховным Судом СССР.

В чем суть проблемы? В самом общем виде фабула выглядела обычно так. Приезжает в колхоз или совхоз представитель корейской бригады (имеются в виду советский корейцы) и спрашивает у председателя (директора):

– Какой у вас средний урожай лука – тот отвечает: такой-то.

И тогда гость предлагает:

– Мы вам дадим урожай в два раза выше, а всё, что останется сверху – наше. Идет?

Условия действительно самые выгодные. Хозяйство с тех же площадей и при тех же затратах получает урожай в два раза выше обычного. И неудивительно, что многие руководители, посоветовавшись «с народом», шли на такие условия. Некоторые из них попросту не знали, чем им это грозит, другие знали, но надеялись на «авось».

Потом приезжала бригада корейцев-кудесников, они с раннего утра до позднего вечера, без выходных, буквально вылизывали все посадки, подкармливали их, поливали и делали все необходимое для высокого урожая. Как правило, земля щедро вознаграждала тружеников за умение и прилежание, урожай был не в два, а в три, четыре раза выше обычного. Получив честно заработанные деньги, корейцы уезжали, увозя с собой «остатки» лука, которые порой исчислялись тоннами. Затем этот лук или арбузы, продавались на рынках...

Вот эти прощальные аккорды – торговля на рынке – и не давали покоя некоторым «сознательным гражданам». Они начинали считать чужие деньги и возмущались:

– Безобразие! Эти корейцы на государственной земле набивают собственные карманы! Надо принимать меры!

И принимали. Шли «сигналы» в партийные, советские, правоохранительные органы, в том числе в прокуратуру.

Далее все следовало по заведенному порядку. Заводилось уголовное дело, руководителю колхоза или совхоза предъявлялось обвинение в хищении государственного имущества: ведь он вступил в «сговор» с корейцами. Размер «хищения» исчислялся из стоимости «остатков» лука, увезенного корейцами. И чаще всего это снова была та же самая статья 93-прим УК РСФСР.

Лично мне, слава богу, такие дела расследовать не доводилось, но я знал о крайне негативном отношении моих коллег к такого рода «хищениям».

Самое интересное: прокуроры, следователи, судьи не одобряли эту практику, но повлиять на ее изменение никак не могли. Помню, примерно в 1984 году, когда я уже жил в Москве и работал в Прокуратуре РСФСР, ко мне приехал друг и однокурсник Борис Бугаев, являвшийся членом Ставропольского краевого суда. Ему как раз поручили рассмотреть такое «луковое» дело и он, внутренне не соглашаясь с абсурдной квалификацией, специально приехал в Москву, консультировался и спорил со специалистами в Верховном Суде СССР и в Верховном Суде РСФСР. Ответ был один – действия подсудимых квалифицированы правильно. Сидя на кухне, мы с Борисом «за рюмкой чая» возмущались нелепой практикой, но ведь подсудимым от этого легче не стало...

Взрыв в доме инвалидов

Позволю себе отвлечься от хищений – явных и мнимых, память снова переносит меня в Чернь, где год назад я расследовал убийство на избирательном участке.

На сей раз в Черни – трагедия иного рода. В Красивском доме-интернате для детей-инвалидов в бане взорвался котел, погибло трое, шесть человек ранено.

И вот я в деревне Красивка. Название действительно говорящее, кругом лес, благодать, почти рядом – воспетый Тургеневым Бежин луг.

На обширной лесной поляне – группа построек, это и есть дом-интернат. Директор с гордостью показывает большой ухоженный сад, чисто прополотый огород. Потом пришло время посетить больничные палаты для детей-инвалидов. Лучше бы я этого не делал... В одной из палат лежат полностью обездвиженные дети, они или спят, или бессмысленно вращают зрачками глаз. Хоть за ними и налажен тщательный уход, от тяжелого запаха здесь избавиться невозможно.

В другой палате детишки хоть как-то могут передвигаться – кто на четвереньках, кто ползком, у большинства – осмысленное выражение лица. В третьей палате – уже настоящие «орлы», умеющие ходить, но с явными признаками перенесенного ранее полиомиелита.

В интернате замечательная столовая, четырехразовое питание, вкусная и калорийная пища (пробовал сам), но большая часть воспитанников в столовую

прийти не может, их с ложечки кормят нянечки по палатам. Нянечки эти, кстати, получают солидную надбавку к зарплате – 25%, но все равно ощущается постоянная нехватка кадров: кто же сможет долго работать в такой горестной обстановке?

Понимаю, что директор неспроста показал мне всё это: вот, дескать, сколько дел, забот, за всем в хозяйстве не уследишь. В душе соглашаюсь с ним. Но взрыв-то в бане был, дети погибли! Да, ты хороший хозяйственник, но ты же знаешь, что начальник отвечает за всё. Хоть и жалко мне его было, но расследование я провел честно и до конца.

Как и большинство руководителей того времени, наш директор был народным депутатом, в данном случае – сельского совета. Напомню, что привлечь к уголовной ответственности депутата любого уровня можно было только с согласия соответствующего Совета...

Я выступил перед депутатами, коротко рассказал им о фабуле дела, подробно остановился на нарушениях техники безопасности и на конкретных упущениях со стороны директора дома-интерната. Депутаты меня внимательно слушали, даже кивали головами, но выдать своего коллегу категорически отказались.

Можно было обжаловать решение сельского Совета в вышестоящую инстанцию, но я не стал этого делать – был уверен, что несчастный случай в доме-интернате уже своим фактом и обсуждением заставил многих хозяйственных руководителей в Чернском районе более внимательно относиться к требованиям техники безопасности, и в этом видел позитивное влияние уголовного дела, пусть и прекращенного.

«Дорогой Учитель Мао...» ...

Прокуратурой города Щекино было возбуждено уголовное дело в отношении юрисконсульта местного химкомбината Т.М. Малкиной за клевету.

На протяжении многих лет она неоднократно меняла место работы, оставаясь постоянной только в одном: «доставала» своих сослуживцев, начальников и других «счастливиц», сигнализируя во все мыслимые и немыслимые инстанции о «грехах» и преступлениях этих людей. Она считала себя правдолюбом, борцом за справедливость, гордилась своей смелостью и принципиальностью.

– Я никого не боюсь, любого выведу на чистую воду, – любила говаривать Тамара Михайловна.

Беда только в том, что источником информации являлись сплетни и пересуды досужих кумушек. Нимало не беспокоясь за достоверность того или иного слуха, она тут же принималась сочинять очередное разоблачение. Сигналы проверялись, герои доносов нервничали, в конце концов все подозрения отменялись. Но Тамара Михайловна с фанатичным упрямством писала всё новые и новые жалобы, всё выше и выше становились их адреса.

Потом ей стало тесно в родной стране, где никто не хотел ее понимать, и появился обширный трактат на имя Председателя Компартии Китая Мао-Дзедуна.

В последнее время, работая на Щекинском химкомбинате, Малкина методично разоблачала своих новых коллег – «жуликов» и «проходимцев».

Так, председателя профкома она обвиняла в том, что он раздает квартиры только за взятки. Главный механик предприятия якобы украл новенький двигатель и поставил его на свою собственную «Волгу».

Было названо и множество других злоупотреблений, перечислять которые не считаю необходимым.

Как только появилось уголовное дело, Малкина повела решительную атаку на прокурора гор. Щекино, его заместителя и следователя, обвиняя их в предвзятости. По просьбе обкома партии П.А. Копейко принял решение изъять это дело из прокуратуры гор. Щекино и передать его для дальнейшего расследования в областную прокуратуру. Так эта скандальная история оказалась у меня.

Надо ли говорить, что при встречах с Малкиной я был сама любезность, но без подхалимажа и заигрывания. Оказалось, что она закончила тот же юридический факультет МГУ, что и я, но на 12 лет раньше.

Была интересная тема для взаимной беседы, вспоминали общих знакомых – профессоров Галанзу, Остроумова, Дурманова и других.

Конечно же, нужно было вести разговор по поводу ее сигналов: кому именно дали квартиру за взятку, за какую сумму, от кого ей это известно и прочее. Она назвала около 20 квартир, полученных, по ее мнению, незаконно. Ничего конкретного при этом сказать не могла, повторяя неоднократно:

– Все и так об этом знают.

Мне предстояло выполнить довольно большой объем работы: подробно допросить каждого счастливого обладателя новой квартиры, членов его семьи, сослуживцев, изучить условия его проживания до этого, осмотреть необходимые документы в профкоме и горисполкоме, выслушать объяснения должностных лиц по этим вопросам. И всё это было проделано. Напомню: таких адресов Малкина дала около двух десятков. Расследование показало, что какие-либо объективные доказательства злоупотреблений, взяточничества – отсутствуют.

Пришлось также допросить работников гаража и главного механика по поводу хищения двигателя для «Волги», осмотреть с участием работников ГАИ упомянутый автомобиль. Осмотр показал, что номер двигателя соответствует номеру в паспорте на техническое средство.

Когда проверка фактических данных подходила к концу, нужно было совершить еще один очень важный шаг: провести судебно-психиатрическую экспертизу. Я вынес соответствующее постановление и отвез в Москву, в институт им. Сербского, все необходимые материалы. Договорились, что экспертиза будет амбулаторной, без помещения в больничную палату, и мне назвали конкретную дату обследования Малкиной.

Но как я должен действовать, как мне доставить подследственную в Институт? Ведь она не под стражей, милиции не поручишь. Значит, я должен доставить ее сам... А если она заупрямится, откажется ехать?

Я пригласил ее к себе и сказал примерно следующее:

– Мы с Вами оба знаем, что Вы совершенно нормальный в психическом плане человек. Но есть люди, которые в этом сомневаются. Поэтому наша с Вами задача – поехать в Институт им. Сербского, предстать перед специалистами, ответить на все поставленные вопросы и, таким образом, расставить все точки над «и».

Она неожиданно быстро согласилась, и через пару дней мы уже мирно беседовали в электричке на Москву.

И вот мы с Малкиной приглашены в специальную комнату, где нас ждут три профессора, три эксперта-психиатра. Среди множества их вопросов мне запомнились два.

Первый: правда ли, что вы в свое время писали жалобы Мао-Дзедуну? Малкина ответила утвердительно.

На второй вопрос: что Вы будете делать, если мы признаем Вас невменяемой? – Малкина со смехом ответила: «буду сидеть и кофты вязать» ...

Вообще надо отметить, что отнеслась она ко всему этому мероприятию (психиатрической экспертизе) как-то легкомысленно, по-детски, на многие вопросы отвечала с улыбкой или даже со смехом. Примерно через час собеседования нас отпустили, и мы благополучно уехали в Тулу. Через несколько дней я вновь приехал в Москву и забрал дело. Авторитетная комиссия психиатров пришла к единодушному заключению: Малкина страдает психическим расстройством, является невменяемой и нуждается в принудительном лечении. Обосновывая свои выводы, эксперты ссылались как раз на те два вопроса и ответы Малкиной, которые я приводил чуть выше (первый и второй).

Малкину осудили к принудительному лечению, вроде бы всё, с точки зрения следователя, закончилось благополучно. Но в мою душу вновь закрались сомнения: как мало надо, чтобы признать человека ненормальным! И где же граница между здравым рассудком и безумием?

Отдельное поручение из Западной Германии

Осенью 1973 года в прокуратуру области поступили необычные документы: отдельное поручение из прокуратуры ФРГ по делу о нацистских преступниках. Препроводительное письмо было подписано первым заместителем Генерального прокурора СССР Маляровым. Он сообщал, что в Тульской области проживает бывший узник концлагеря «Майданек» Н.И. Кузнецов, которого необходимо допросить в качестве свидетеля, предъявив ему на опознание фототаблицы.

Протокол допроса должен быть машинописным, при этом подчеркивалось, что предупредить свидетеля об ответственности за дачу

ложных показаний не следует. Исполнение должно быть поручено наиболее квалифицированному следователю. Прокурор области Копейко доверил эту интересную работу мне.

Выяснилось, что Н.И. Кузнецов является начальником Новомосковской ИТК (исправительно-трудовой колонии). В целях экономии времени я связался с ним по телефону и просил по возможности быстрее приехать в Тулу. На следующий день в кабинет вошел высокий, стройный подполковник в зеленой армейской форме, лет 50-ти на вид, седой... Представился по-военному. Да, это был Николай Иванович.

Наш разговор длился несколько часов (говорил-то, в основном, он, я только иногда задавал уточняющие вопросы). Вот краткое изложение рассказа этого мужественного человека.

Осенью 1943 года был тяжело ранен, попал в плен. Когда более или менее окреп, пытался бежать – дважды. Каждый раз его ловили, жестоко избивали. В конце концов за строптивость и упрямство оказался в концлагере «Майданек». Там вся власть принадлежала немецким служителям и «элите» из числа заключенных-уголовников – капо. Эти последние, потерявшие человеческий облик, за малейшую провинность избивали людей палками, пинали упавших. Могли избить и без повода – только потому, что тот или иной узник им не понравился. Любимым их развлечением было топить людей в бочке с водой: вдвоем или втроем хватали человека, окунали головой в бочку и держали до тех пор, пока не захлебнется. Редкие дни обходились без того, чтобы эти звери в человеческом обличье не забили до смерти или не утопили одного-двух страдальцев.

Николай Иванович внимательно изучил предъявленные мною фототаблицы и опознал некоторых капо, а также немецких вояк, вспомнил их имена или клички...

Летом 1944 года, когда советские войска стремительно наступали, немецкие власти вынуждены были передислоцировать лагерь, узников под усиленной охраной перегоняли все дальше на запад, но вскоре оказалось, что гнать уже некуда, русские войска в опасной близости.

И тогда заключенных загнали в какой-то глубокий овраг, приказав построиться в одну шеренгу, и начали расстреливать из автоматов...

Николай Иванович очнулся через несколько дней, в доме польского крестьянина. Оказывается, его обнаружили живым среди сотен убитых и оказали необходимую помощь. Так случилось второе рождение Николая Ивановича, а люди, спасшие его, стали лучшими друзьями на все оставшиеся годы. Рассказывая всё это, Николай Иванович волновался, делал невольные паузы, просил воды...

Его подробные показания я занес в протокол – машинописным текстом (я уже и ранее, по другим делам, печатал наиболее важные документы на машинке. Получалось хоть и медленно, зато разборчиво и в двух экземплярах).

Помню свои субъективные ощущения того времени. Мне казалось странным, что капиталистическая Западная Германия всерьез, а не декларативно преследует нацистских преступников.

Заканчивая эту главу, с удовлетворением отмечу, что на тот момент – в 1973 году – Новомосковская колония, где начальником был Н.И. Кузнецов, считалась лучшей среди всех других подобных учреждений области, и что осужденные, содержащиеся в ней, уважали Николая Ивановича и доверяли ему.

О людях хороших...

Работники советской прокуратуры никогда не получали достойного вознаграждения. Когда-то давно, много лет назад я где-то прочитал, что судебный следователь в царской России мог купить на месячную зарплату аж 10 коров. Это в 30-40 раз больше, чем получал я, скажем, в прокуратуре Дубенского района.

Но здесь, наверное, была и положительная сторона: в прокуратуру шли и оставались в ней... бесребреники. Случайные люди просто уходили, как говорят – отсеивались.

За многие годы работы в прокуратуре я все более убеждался: в этом ведомстве подобрались самые хорошие, самые жизнерадостные и самые надежные люди. У нас не было принято ныть, хвастать покупками, жаловаться на бедность. Взаимная помощь считалась делом обыденным и естественным.

В областную прокуратуру я пришел весной 1971 года. Мы занимали второй этаж старинного здания, скученность была страшная. По этой причине следователи размещались по двое в крошечных кабинетах.

Моим соседом оказался Менир Хайруллович Рехимкулов. Выговаривать непривычное для русского уха имя и отчество было сложно, и коллеги его «перекрестили», называя Михаилом Владимировичем, он и сам к этому привык и не обижался.

Михаилу Владимировичу в то время было около 45 лет, двадцать лет назад он окончил юридический факультет Ленинградского университета. Еще ранее, до ЛГУ, обучался на бухгалтерских курсах, что чрезвычайно помогало ему при расследовании так называемых хозяйственных дел. Я однажды наблюдал, как он спорил с экспертом-бухгалтером по конкретному уголовному делу, и тот (бухгалтер) в конце концов вынужден был признать свою неправоту.

Михаил Владимирович казался спокойным, выдержанным человеком, но на самом деле был эмоциональным и даже взрывным. Во всяком случае, начальство его побаивалось, тщательно взвешивая свои претензии к нему, если они имелись.

С самого начала у нас сложились хорошие, доверительные отношения, он был мне как старший брат, подсказывал в работе, когда я его об этом просил.

Но, будучи деликатным человеком, сам никогда с советами не лез и свою позицию не навязывал. Когда мы были в кабинете одни, он называл меня Яшенькой, при людях – по имени и отчеству.

К тому же Михаил Владимирович оказался заядлым шахматистом. Хотя и туго было со свободным временем, иногда мы все же проводили часок-другой за любимым занятием. Силы наши были примерно равны, и каждый старался склонить чашу весов в свою сторону.

Как-то примерно в 8 часов вечера сидели мы за шахматной доской, ломали головы. В кабинет вошел наш завхоз, сосед Рехимкулова по дому:

– Ребята, выручайте! Привез из Москвы обмундирование, а разгружать некому.

Мы пошли, всё сделали и уже через полчаса снова сидели в своем кабинете. Завхоз достал бутылку водки, какую-то закуску.

– Ну, спасибо вам, за ваше здоровье! – Выпили по чуть-чуть, сидим, разговариваем.

И вдруг, как гром среди ясного неба, слышим насмешливое:

– Кулаки и батраки!

Это сказал первый заместитель прокурора области Дмитриев Борис Алексеевич, куратор следствия. Он был немного похож на Андропова: высокий, ироничный, седой, только без очков. У него была репутация строгого начальника. Ранее мне несколько раз приходилось бывать в его кабинете по делам службы. Держался он как-то угрюмо, никогда не предлагал сесть, по ходу доклада задавал каверзные вопросы или ронял ехидные реплики.

Как он подошел к нашему кабинету, как открыл дверь, никто не слышал. Я от стыда был готов провалиться сквозь землю: пьянство в прокуратуре, да еще и на рабочем месте!

Но Рехимкулов не растерялся:

– Борис Алексеевич, может, с нами? – но тот что-то сердито пробурчал и удалился. Для меня вечер был испорчен: как же я буду глядеть ему в глаза?

Отношение ко мне Дмитриева после этого случая действительно изменилось, но... в лучшую сторону. Видимо, ранее он считал меня каким-то очкастым чистоплюем, а тут увидел, что ничто человеческое мне не чуждо. Поистине, неисповедимы пути господни.

Но вернемся к Рехимкулову. У него было очень ответственное партийное поручение: проводить политзанятия с работниками областного аппарата. И делал он это толково, со знанием различных нюансов, так же добросовестно, как свою основную работу. Я всегда удивлялся и завидовал: как может Михаил Владимирович совершенно спокойно, без малейших признаков волнения выступать перед такой большой и квалифицированной аудиторией? (прошли годы, и я тоже этому научился).

Но было у Михаила Владимировича и уязвимое место: он не мог говорить, а также писать сжато и коротко. В результате частенько не успевал завершить тему в рамках занятия или составлял процессуальные документы или справки неоправданно большими, в 2-3 раза длиннее, чем требовал жанр. В отдельных случаях я помогал ему, но разве от стиля можно избавиться?

Была у Рехимкулова и другая, гораздо более неприятная для меня привычка: он курил. Курил беспрерывно, прикуривая одну сигарету от другой, и наш маленький кабинет был как бы в дымовой завесе, а моя одежда насквозь пропахла табачным дымом. Маленькая форточка постоянно была открыта, но изменить ситуацию, конечно, не могла. В то время я был молод и относительно легко переносил эти запахи, аллергия к табачному дыму появилась через много лет.

Несмотря на разницу в возрасте, мы с Михаилом Владимировичем подружились, он бывал у нас дома, завоевал симпатии Адели. Потом мы с женой побывали в гостях у Рехимкуловых. У него было два сына-старшеклассника, а также громогласная и добродушная жена Лида. Адель сама вызвалась помочь ребятам по русскому языку и литературе, и по окончании школы они оба поступили в ВУЗы...

В аппарате было много и других хороших людей, обо всех не расскажешь...

Наиболее близким и уважаемым для меня человеком, кроме Рехимкулова, был Борис Аронович Обшатко. Фронтвик, орденноносец, оптимист.

Он уже много лет был начальником отдела общего надзора, уважаемым в аппарате и за его пределами человеком. Прокурор области Копейко всегда прислушивался к мнению Бориса Ароновича, нередко привлекал его к написанию наиболее важных и ответственных документов, докладов...

При всем при этом Борис Аронович и не думал заноситься, оставался – со всеми – простым и жизнерадостным товарищем, мастером шутки.

Вспоминается оперативное совещание у прокурора области с моим докладом по делу о псевдоизнасиловании в Ясногорске, когда Борис Аронович, имея в виду активные приставания парня к возлюбленной, заявил:

– Если так подходить, то всех мужиков пересажать можно! – Несмотря на серьезность момента, все присутствующие так и прыснули.

Через несколько дней после того совещания Борис Аронович дружелюбно признался:

– Ты знаешь, я подумал: вот появился человек, который умеет логично мыслить и четко излагать свою позицию. Пойдешь ко мне в отдел общего надзора?

Предложение было неожиданным и лестным. Мне действительно было бы интересно поработать в общем надзоре, но ...обстоятельства.

И я сказал правду:

– Борис Аронович, я бы охотно пришел в ваш отдел. Но мне неудобно перед руководством следственного отдела, не хочу выглядеть «летуном». Вот пройдет годика три, и мы вернемся к этому вопросу, если Вы не передумаете.

На том и остановились. Через 8 лет мы действительно стали работать вместе, но ... Борис Аронович оказался под моим началом (более подробно об этом – позднее).

Все вокруг понимали, что Борис Аронович давно перерос должность начальника отдела, по своему уровню и авторитету, как минимум, «тянул» на заместителя прокурора области. Но увы, этому препятствовало его неславянское происхождение. Сам он, между прочим, не заикливался на карьере, непринужденно шутил, любил рассказывать еврейские анекдоты.

До сих пор помню некоторые из них, в частности, этот:

Сара жалуется подруге на современных мужчин:

– Представляешь, выпили вина, послушали музыку, потанцевали. Тут я ему говорю: «Ну а теперь, Абрам, бери самое дорогое» Так он взял велосипед и сразу ушел...

К нему то и дело обращались за помощью наши сотрудники, мужчины и женщины, прокуроры и секретари. А он всегда старался помочь, и чаще всего ему это удавалось.

Лично я не очень люблю просить, как-то не привык к этому. Но тут сгустились тучи над моей семьей. Наш трехлетний сынишка Федя тяжело заболел, лежал пластом с чудовищной температурой, ни на что не реагировал. Его положили в детскую больницу, но без мамы – «не полагается». Я пришел к Борису Ароновичу, рассказал ему суть, волновался, с трудом сдерживал слезы. Он немедленно связался с начальницей этой больницы (ведь он знал всех, и все знали его), и вопрос был решен. В тот же день жена уже была в палате нашего сынишки... Такое не забывается.

Думаю, Борису Ароновичу просто нравилось совершать добрые дела, у него от этого поднималось настроение. Как-то он спросил меня, как там поживает наш старый сарай (я поселился в его бывшей квартире, а вместе с ней унаследовал сарай во дворе). Я ответил, что прогнил пол над погребом и хочу сделать бетонное перекрытие. Поговорили и разошлись, я давно забыл об этом разговоре. Но через несколько дней меня остановил Борис Аронович:

– Завтра тебе привезут машину бетона, встречай. Оказывается, он читал лекцию на заводе ЖБИ, его выступление так понравилось (а выступал он всегда блестяще), что его непременно решили отблагодарить. Вот тогда-то он полушутя-полусерьезно спросил, могут ли ему продать машину жидкого бетона, ему сказали, что могут, но не продать, а обменять на прочитанную лекцию, и записали конкретный адрес.

К сожалению, Борис Аронович не дожил до глубокой старости, лишь на 2-3 года перешагнув рубеж 60-летия. В это время он, отставной прокурор, работал начальником юридического бюро в одной из крупных организаций Тулы. Весть о его кончине всколыхнула буквально всех прокурорских работников. Проводить его в последний путь приехали прокуроры большинства городов и районов области, траурная колонна автомашин заняла на дороге добрый километр. Разумеется, приехал и я, хотя жил и работал в это время в Москве.

Из Москвы же приехал Владимир Александрович Аболенцев, заместитель Генерального прокурора СССР, бывший прокурор Тульской области и давний друг Бориса Ароновича. Во всяком случае, когда Обшатко бывал в Москве, он останавливался именно у Аболенцева.

В книгах и кинофильмах обычно изображают прокуроров бессердечными людьми, занудами, сухарями... Так вот, уважаемые писатели и режиссеры, – специально для вашего сведения! В.А. Аболенцев, проживая в Москве, на протяжении многих лет регулярно помогал своим бывшим коллегам лекарствами, – теми, которых нельзя было достать ни в Туле, ни в области, и только за свой счет! Однажды я сам был таким курьером доброй воли: Борис Аронович, узнав, что я еду в Прокуратуру СССР, просил специально зайти к Аболенцеву и взять у него лекарство для прокурора города Киреевска, что и было сделано.

* * *

С Иваном Андреевичем Украинцем я познакомился при прохождении стажировки в кабинете криминалистики облпрокуратуры. Я тогда работал в Алексине, Иван Андреевич – в каком-то другом городе (сейчас уже не помню, в каком именно). Крепкий, суровый на вид парень оказался душевным собеседником, прямодушным и откровенным. Примерно через два года, когда я работал в облпрокуратуре и жил в рабочем общежитии, мы оказались с ним в одной комнате...

Он недавно разошелся с женой и очень переживал по этому поводу: не мог простить ей предательства. Нет, речь не о супружеской измене. Просто ему переслали письмо жены своей подруге, в котором она (жена) обвиняла его в том, что у него нет и не может быть детей, сообщала какие-то другие интимные подробности.

Иван тогда был обижен на всех женщин на свете, говорил, что им нельзя верить и что вряд ли он женится еще раз. Но прошло время, он нашел хорошую девушку (тоже следователя), они вступили в брак, и супруга стала зваться... Галина Украинец.

Примерно в 1977 году судьба свела нас как бы противниками на ринге. Он в то время работал прокурором Чернского района, куда в соответствии с планом приехала бригада облпрокуратуры для проведения комплексной проверки, а рабочим бригадиром, к сожалению, оказался я.

Хорошо зная Ивана Андреевича как добросовестного и трудолюбивого человека, я был уверен, что особых промахов в его работе мы не обнаружим.

Увы, всё оказалось не так. Иван Андреевич действительно много работал, сам расследовал дела, сам разрешал жалобы, а вот наладить четкую работу всего коллектива не пытался. Не обеспечил должного надзора за деятельностью милиции, в результате чего многие преступления, в том числе тяжкие, были укрыты от регистрации. Не было налажено должного делопроизводства в самой прокуратуре, запущен учет уголовных и гражданских дел, искажена статистическая отчетность по жалобам граждан.

Иван Андреевич ходил во время проверки мрачнее тучи, страшно переживал и злился, злился в первую очередь на себя: доверился «опыту» предшественника, не просил помощи ни в прокуратуре области, ни у коллег-прокуроров по соседству.

Разумеется, все эти недочеты были отмечены в составленной мною справке. Практика была такова, что результаты всех комплексных проверок выносились на обсуждение коллегии, так было и в этот раз Иван Андреевич вел себя на коллегии мужественно, не оспаривал выводов комиссии, не пытался свалить вину на подчиненных. Зато твердо обещал – теперь всё будет по-другому (через год контрольная проверка подтвердила это). Прокурор области Копейко, питавший слабость к молодым руководителям, был крайне расстроен:

– Ты же не только сам опростоволосился, ты и нас подвел. Мы тебе поверили, поручили важный участок, а ты... Не обижайся, Иван Андреевич, но выговор ты заработал.

Честно говоря, мне перед Иваном было как-то неловко. А вдруг он думает: «Друг называется, не мог сгладить острые углы». Но он все правильно понял, и наши отношения после этой злосчастной проверки ничуть не испортились.

Через несколько лет наши пути разошлись, я уехал в Москву, а он – на историческую родину – на Украину, однако не забывал меня, регулярно звонил, поздравлял с днем рождения или другими праздниками.

Вот так мы с Иваном Андреевичем еще раз подтвердили старую истину: дружба дружбой, а служба – службой.

* * *

Бдительный читатель может подумать: «Что-то герои у Якова Яковлевича все нерусские. – татарин, еврей, хохол, да и сам автор, того – иностранец».

Спешу себя реабилитировать, на сей раз очередной хороший человек – самый настоящий русский – Иванов Игорь Викторович.

Он работал следователем прокуратуры Чернского района и был включен в следственную бригаду по делу об убийстве в день выборов.

Несмотря на молодость и малый опыт, Игорь успешно справился со своей частью работы. Энергичный, жизнерадостный, любознательный, он как-то сразу вызывал к себе симпатию у людей, с кем общался.

Вынужден на минуту отвлечься. В областной газете «Молодой коммунар» была рубрика «Заочный университет права», в которой несколько раз печатались и мои материалы.

В марте 1975 года в статье «Только в рамках закона» я рассказывал о трудной и ответственной работе следователя и приводил в пример Игоря Иванова. В частности, там были такие слова о нем: «доброжелателен к людям, уважает их, знает их психологию». К моменту появления статьи я знал Игоря около трех лет, он буквально на глазах рос профессионально. И уже тогда я говорил:

– Этот парень, если не наломает дров, далеко пойдет (а был он иногда не в меру горяч).

Интуиция меня не подвела. Спустя годы Игорь Иванов стал начальником областного отдела юстиции, затем председателем законодательного собрания Тульской области, затем представлял эту область в верхней палате парламента России.

Когда разразился прокурорский кризис после отставки Ильюшенко, некоторые средства массовой информации называли в числе прочих кандидатов на должность Генерального Прокурора России всё того же Игоря Иванова.

Уверен: если бы его назначили, не было бы скандального видео с «человеком, похожим на Скуратова».

Не наш человек

В Туле ЧП: летним утром пассажиры на переполненном трамвае спешили на работу, висели гроздьями у открытых дверей. На одном из крутых поворотов, на спуске, трамвай перевернулся, несколько человек погибло. Многих покалечило.

Расследование этого дела поручили моему визави – Рехимкулову, в помощь ему придали следователя из областного УВД по имени Николай...

Несколько раз мне приходилось присутствовать на проводимых им допросах. Как правило, вел он себя с людьми развязно, неуважительно, кричал на них. Как-то, допрашивая жену погибшего пассажира, позволил себе непристойную шутку, женщина разрыдалась, впала в истерику. Я ожидал, что Николай извинится, даст ей воды, постарается загладить свою бестактность. Ничуть не бывало.

– Ну ладно, хватит нежностей, извольте отвечать на вопросы, – прикрикнул он на свидетеля. Наблюдать подобное больше не было сил и мне пришлось выйти из кабинета (Рехимкулов уже несколько дней работал в другом месте).

Николай был примерно моих лет, в звании старшего лейтенанта. Или моя персона ему сильно не понравилась, или он вообще был «приставучим» человеком, но его общение со мной носило какой-то нервный, надрывный характер. То он дразнил меня тем, что его зарплата почти в два раза

выше моей, то хвастал, что вот он – старший лейтенант, а я лишь лейтенант (юрист третьего класса) и так далее.

Примерно через три года я узнал, что Николай уличен во взяточничестве и арестован. Затем удалось даже побывать на судебном заседании – дело рассматривал областной суд.

Вот он сидит на скамье подсудимых, угрюмый, озлобленный, неохотно отвечает на вопросы, пытается выкрутиться. Но доказательная база была прочной и суд вынес приговор – 5 лет лишения свободы. Раскаивался ли подсудимый? Думаю, что нет. Было только недовольство собой, что так глупо попался, хотя другие не попадают.

Я пытался понять ход мыслей, мировоззрение этого человека. Ну хорошо, получил ты, допустим, тысячу рублей, купил цветной телевизор и еще что-нибудь. Но мог ли ты спокойно спать после этого, смотреть в глаза сослуживцам? А думал ли ты о своем опозоренном имени, о сынишке, который до конца дней будет стыдиться своего отца? Почему, думал я, люди становятся алчными, беспринципными, циничными?

Объяснение я находил в простом: в некоторых людях сдвинута шкала ценностей. На первом месте у них ценности материальные, «красивая» жизнь, квартира, автомобиль, а всякие там громкие слова про честь, достоинство, совесть – утешение для дураков. Всё это в моем представлении и называется бездуховностью. Но откуда она берется? И тут я выдвигаю простой и, на взгляд некоторых, наивный довод – эти люди не читали хороших книг, им не рассказывали сказок о добре и зле, о благородстве, о душевных порывах и муках, о самопожертвовании, о верности, любви к ближнему и еще о многом...

Начало длительного пути

Заканчивался третий год моего пребывания в областном аппарате. И тут мне стали примерять другие «одежки». Заболел один из зональных прокуроров следственного отдела, меня «бросили» на его место.

К моему удивлению, работа оказалась не очень обременительной, оставалось даже время для повышения профессионального уровня, привел в порядок библиотечку с юридической литературой.

Через три месяца – новое перемещение – меня сделали прокурором-методистом следственного отдела. Такое разделение функций произошло впервые и очень кстати для меня.

Для начала мне поручили обобщить практику прокурорского надзора за законностью задержаний и арестов граждан. Работа меня увлекла, я находил какие-то закономерности в статистических данных, изучил все заключения о незаконных арестах. пытался выявить наиболее характерные ошибки прокуроров и следователей. Было подготовлено и направлено на места информационное письмо.

Это была первая проба моего аналитического пера, я тогда еще не знал, что в ближайшую четверть века буду заниматься преимущественно вопросами

организации работы, планирования, исполнительской дисциплины, качества документов и пр.

Однако и методистом следственного отдела я работал недолго. Меня неожиданно повысили.

Старший помощник прокурора области

Поговорка о солдате, который мечтал стать генералом, не про меня. Я имел на этот счет собственное довольно обоснованное мнение, – так называемую «теорию пропорциональности», то есть если в России проживает 85% русских, то и власть – сверху донизу – должна принадлежать представителям этой национальности.

Мне казалось вполне справедливым, что в Дагестане, например, где обосновалось более 30 народностей, а самыми многочисленными были аварцы, руководителями многих республиканских ведомств, в том числе прокуратуры, назначались именно аварцы. Люди просто не будут доверять инородцам, стоящим у власти.

Удельный вес обрусевших немцев в СССР составлял в то время не более двух процентов. Вот это и есть твой шанс на карьерный рост, говорил я себе. Кроме того, люди не забыли еще две мировые войны, в которых немцы убили миллионы россиян. Комплекс вины, родившийся вместе со мной, властно требовал: «Сиди и не высывайся. Приноси людям пользу, старайся быть справедливым».

Поэтому предложение Копейко стать его старшим помощником было воспринято мною примерно так же, как обильный снегопад в июле.

У Петра Александровича был огромный опыт лидера, организатора. Ранее, до Тулы, он был прокурором Акмолинской области. Затем прокурором Целинного края. Главным условием успешной работы он всегда считал правильную организацию труда, дисциплину, неослабный контроль.

Пригласив меня к себе, Петр Александрович говорил о том, что чиновничий аппарат – это как бы часовой механизм, а руководитель – главный механик.

– Но я не могу заниматься этими вопросами повседневно, у меня слишком много других обязанностей. Мне нужен человек, которому я доверяю, единомышленник. Поэтому я предлагаю тебе, Яков Яковлевич, стать моим помощником, правой рукой в регулировке «часового механизма». Мне кажется, у тебя получится.

Примерно в это же время в областной прокуратуре состоялось отчетно-выборное профсоюзное собрание. Когда стали формировать новый состав профкома, назвали и мою фамилию, причем сделал это П.А. Копейко.

Конечно же, многим это не понравилось: и мое назначение на должность, равнозначную должности начальника отдела, и инициатива прокурора области на профсоюзном собрании (на первом же заседании профкома меня утвердили заместителем председателя).

Необходимо отметить, что П.А. Копейко вообще очень внимательно подходил к подбору кадров, смело выдвигал молодых, и они, как правило, не подводили его. Например, в 70-ые годы он назначил начальником гражданско-судебного отдела Б.В. Шубникова, ставшего впоследствии начальником управления Прокуратуры СССР того же профиля.

Совсем молодой А.М. Хвалин был вначале прокурором одного из районов в городе Туле, затем (после Обшатко) начальником отдела общего надзора, а примерно через 10 лет – начальником управления общего надзора Генеральной прокуратуры РФ.

Не будем забывать, что и автор этих строк тоже в свое время руководил самым крупным – следственным – управлением Генпрокуратуры России.

Но вернемся в год 1974-ый. Признаюсь, мне поначалу было крайне нелегко в новой должности. И не только потому, что я (до назначения) не имел понятия о будущих обязанностях. Трудно было преодолеть психологический барьер: общаться на равных с людьми более опытными, более авторитетными, и даже требовать от них, пусть весьма деликатно, какие-то справки, отчеты и так далее.

Как нельзя кстати оказался приезд в Тулу, в составе бригады Прокуратуры СССР, Нины Александровны Антоновой, прокурора контрольно-инспекторского отдела. Она очень толково и благожелательно рассказывала о том, какой информацией я должен обладать, какие вести учеты и пр.

Первый блин оказался удачным

Незаметно пролетело время, поступило напоминание из Прокуратуры РСФСР о необходимости представить доклад об итогах работы за 1974 год (так называемый годовой доклад).

Я приготовил за подписью Копейко соответствующее распоряжение начальникам отделов и старшим помощникам, к назначенному сроку собрал с десятков справок. Суммарный их объем – не менее 150 машинописных страниц, а годовой доклад не должен превышать 15 страниц. Задача не из простых: выжать из обилия представленных мне бумаг десятую часть, осветить состояние законности и правопорядка в области, основные направления и усилия коллегии и всего аппарата по решению поставленных задач, показать достигнутые результаты, не забывая о самокритике.

В общем, о наступающем празднике пришлось забыть. Всю писанину унес домой, в новогоднюю ночь стол мой был накрыт ... справками, отчетами, выписками. Зато к назначенной дате годовой доклад был представлен в вышестоящую инстанцию.

Примерно через месяц в Прокуратуре РСФСР состоялась традиционная расширенная коллегия по итогам за 1974 год.

О том, как проходила эта коллегия, какие задачи были поставлены, нас информировал П.А. Копейко. Приятно было услышать от него, что Прокурор РСФСР Б.В. Кравцов в числе удачных отметил и годовой доклад прокуратуры Тульской области.

Набираюсь опыта

Оглядываясь назад, вижу: этот период моей жизни стал для меня вторым университетом. Я досконально изучил всю «кухню» прокурорской деятельности, – как в прокуратурах городов и районов, так и в подразделениях областного аппарата, семь или восемь раз выезжал в составе бригад облпрокуратуры с комплексными проверками – в качестве рабочего бригадира (руководителем бригады считался прокурор области или его заместитель). Это была очень хорошая и полезная школа, поскольку происходил как бы обмен знаниями.

Справку о результатах комплексной проверки приходилось, как правило, писать мне (был лишь один случай, когда первый заместитель прокурора области Б.П. Наместников находился с бригадой от начала до конца и сам лично писал справку). Конечно, готовились такие документы не на пустом месте, прокуроры отраслевых отделов представляли бригадиру свои разделы с конкретными выводами и предложениями. По мере возможности оказывалась практическая помощь. Я, например, нередко помогал райгорпрокурорам в составлении планов работы, в постановке делопроизводства и т.д. Почти во всех случаях результаты комплексных проверок обсуждались на коллегии. Прокурор области Копейко обладал незаурядным даром проведения коллегий, других совещаний. Он не был краснобаем, не терпел пустых фраз. Но так убедительно выражал свои мысли и взгляды, что они становились твоими мыслями и взглядами.

В последующие годы мне довелось побывать во многих регионах, присутствовать на совещаниях разного уровня, но нигде больше я не встречал такого блестящего, такого убеждающего и завораживающего ведущего, как Петр Александрович.

Всё, что вносилось на коллегия, он уже «пропустил» через себя, выработал к нему свое далеко не равнодушное отношение.

Вот на «ковер» вызывается прокурор одного из районов, допустивший несколько необоснованных арестов. Копейко буквально кипит от негодования, хотя и старается сдерживаться:

– Слушайте (это его любимое словечко), а давайте мы у него печать отберем, пусть он каждый раз к нам едет!

И столько в его тоне отеческих ноток, укора и веры в исправление, что виновник, потный и красный, с волнением заверяет:

– Петр Александрович, клянусь Вам. это в последний раз! Сто раз подумаю, прежде чем печать поставлю ...

Копейко заметно «отходит» и предупреждает:

– Смотри же! Тебе печать не для того дана, чтобы шлепать ею направо и налево ...

Надо ли говорить, что незаконные аресты в этом районе остались в прошлом?

Сталкиваясь с фактами безответственности, бездушия, Копейко не мог реагировать на них спокойно. Выскажет всё, что накопело и говорит мне (я вел протоколы всех заседаний):

– Давай запишем ему строгий выговор!

Но, зная его незлобивость и отходчивость, я обычно оставлял в тексте прочерк, чтобы на следующий день согласовать окончательный вывод. И чаще всего решение было более гуманным, чем в первом, устном варианте.

Глубоко уважая Петра Александровича, даже гордясь им, я в то же время старался соблюдать дистанцию: не надо мозолить глаза, не надо говорить хвалебных слов. Да ему и самому это наверняка бы не понравилось.

Примерно три года мы жили в одном доме (в разных подъездах), и только один раз я не смог прошмыгнуть мимо, когда шеф сел в машину. В этот раз на работу мы поехали вместе.

Помнится, Обшатко как-то предложил:

– Приходи завтра (в субботу) к Петру Александровичу домой, мы там мелкий ремонт затеяли.

Я знал, что между Копейко и Обшатко сложились товарищеские отношения, они дружили семьями. Но одно дело, когда Обшатко, ровесник и достойный человек, приходит помочь прокурору области, и совсем другое – если это сделаю я – молодой сотрудник, годящийся шефу в сыновья.

Короче, я отказался, тем более что приглашал-то меня не сам Копейко. Важнейшим своим долгом я считал повышение в аппарате и на местах исполнительской дисциплины, завел специальные таблицы по этому вопросу. Скажем, срок представления докладной записки по нашему заданию – 25 июля. Если документ поступил позже установленного срока, в таблице загорается «красная лампочка» (дата проставляется красным цветом). В этой же таблице отражены сроки представления планов работы, персональных поручений и прочее.

Когда я однажды показал такую таблицу прокурору гор. Щекино Гаубрих (это была женщина), она, увидев сплошные красные пометки, воскликнула:

– Что ж Вы раньше мне её не показали? – и «закрутила гайки» в своем аппарате.

На расширенных коллегиях по итогам работы за полугодие или за год Копейко, как правило, давал мне возможность выступить с кратким обзором по организации работы, в том числе по исполнительской дисциплине. Забавный эпизод произошел на одной из таких коллегий, когда прокурор Ленинского района Полевой, задетый за живое критикой, в своем выступлении заявил:

– Да поставьте на мое место хоть самого Якова Яковлевича, все равно ему не добиться порядка! В практику вошли и проверки организации работы в отделах областного аппарата, чего раньше не делалось. Такое новшество не

вызвало восторга у начальников отделов, а заместитель прокурора области (он же – начальник следственного отдела) А.И. Кашин прямо высказал свое недовольство главе аппарата Копейко, но тот с ним не согласился.

В разговоре со мной – после проверки – Кашин упрекнул меня:

– Вот мы тебя вырастили, воспитали, а ты теперь под нас же и копаешь.

Мне было очень обидно это слышать, и я попросил:

– Анатолий Иванович, покажите, в каком месте я написал неправду? – но Кашин не стал вдаваться в подробности, а выразился в том смысле, что можно было бы и не так стараться, – а потом добавил:

– Впрочем, я тебя знаю, ты просто не можешь иначе...

В дальнейшем, желая избавиться от такого въедливого ревизора, Анатолий Иванович поневоле оказал мне добрую услугу. Но об этом – позже.

Работа с жалобами

Одним из основных направлений в работе органов прокуратуры того времени было рассмотрение и разрешение жалоб граждан.

В апреле 1968 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», а задачи органов прокуратуры в этой связи были сформулированы в приказе Генерального Прокурора СССР № 50 – 1968 г.

Была объявлена война волоките. Превышение месячного срока разрешения жалобы рассматривалось как чрезвычайное происшествие.

Вступив в должность прокурора области, Копейко распорядился ежемесячно представлять ему списки просроченных жалоб, ввел в практику отчеты начальников отделов. Руководителя одного из отделов срочно отозвал из командировки и потребовал разобраться в причинах волокиты, о принятых мерах – доложить.

Не реже двух раз в год планировались и проводились проверки городских и районных прокуратур по исполнению приказа № 50-1968г. Получилось так, что первый же мой выезд для проверки этой деятельности, в соответствии с утвержденным планом, состоялся в городе Алексин.

Число поступивших в местную прокуратуру обращений было значительным, многие из них принимал к своему производству и прокурор города В.П. Ведмедь. Знакомясь с ними, я обратил внимание, что 6 или 7 обращений числятся разрешенными точно в месячный срок, день в день. Приученный в свое время Василием Потаповичем к скрупулезности, я сверил даты ответов с книгой отправки корреспонденции. Выяснилось, что даты на копиях ответов проставлены неверно, фактически они (ответы) ушли из прокуратуры города примерно через неделю.

Хоть и неловко мне было говорить об этих расхождениях с моим бывшим шефом, но ... работа есть работа. Теперь неловко стало уже нам обоим. Бывший шеф оправдывался тем, что «зашился», много было другой работы. Я понимающе кивал, а в воздухе витал незадачный вопрос:

– Почему же Вы не показали эти жалобы в отчете как просроченные?

Короче, я тоже покривил душой, не упомянув об этих маленьких хитростях в итоговой справке. Ну не мог я выставить солидного, уважаемого мною человека как эдакого провинившегося школяра ...

Изучая статистические данные в целом по РСФСР, я обратил внимание на следующее: уровень жалоб, поступающих в органы прокуратуры Тульской области (на 100 тысяч жителей) гораздо выше, чем в других регионах. Я даже придумал название этому явлению: «коэффициент склочности». Ведь в Тулу в своё время, при Петре Первом и позже ссылались «лихие» люди, убийцы, грабители. У них были свои счета с государством и его законами. В Тульской области, например, целые деревни и слободки числились до революции «разбойничьими».

Надо думать, что традиции и люди сразу не меняются. Еще работая следователем, я видел: практически по каждому несчастному случаю, по каждому факту самоубийства обязательно поступают письма, – его убили, над ним издевались, милиция не ищет преступников и так далее. Если же кто-либо не писал таких жалоб, на него смотрели с недоумением и даже с подозрением: что-то здесь не так.

Личный прием

На мне же лежала обязанность организации личного приема граждан в областном аппарате. На каждый месяц составлялся график приема, причем конкретные даты заранее согласовывались с исполнителями. В обязательном порядке включал в этот график дежурств и себя.

Странная вещь: видя скопление людей у кабинета дежурного прокурора или сам беседуя с посетителями, я постоянно, на каком-то подсознательном уровне, испытывал чувство вины перед ними. Часть людей уже обращалась в районную или городскую прокуратуру, но им там отказали. Некоторые прямо говорят, что их даже не выслушали, отмахнулись, не захотели помочь. И вот теперь они ищут правду в областной прокуратуре, а я именно здесь работаю, я в ответе за своих коллег. Как могу, пытаюсь что-то сделать, звоню районным прокурорам, каким-то чиновникам, в необходимых случаях разъясняю посетителю, что он не прав или что ему нужно обратиться в такую-то организацию.

Случались и вовсе неожиданные визиты. В одно из моих дежурств пришел мужчина примерно 40 лет, еврей, и сообщил, что ему незаконно отказывают в выезде из страны – в Израиль. Ранее мотивировали отказ тем, что он работал в «почтовом ящике» и располагал секретной информацией. Он уволился, после этого прошло пять лет, но его снова не выпускают.

Будучи поставлен в тупик ситуацией и одновременно желая как-то помочь человеку, я призвал на помощь начальника отдела общего надзора Обшатко.

– Борис Аронович, что мы можем сделать в данном случае? К моему изумлению, Борис Аронович, приняв суровый и даже осуждающий вид, ответил:

– Прокуратура таких заявлений не принимает.

На вопрос заявителя, куда же ему теперь обращаться, обычно доброжелательный Обшатко сухо ответил: «не знаю». Было видно, что Борису Ароновичу самому крайне неприятно изображать из себя чинушу, но ...у него не было иного выхода.

Вспоминается другой случай, когда мне пришлось играть роль ... свата. Пришла мама с дочкой. Мама рассказала, что за дочкой ухаживает некий юноша, а вчера он дочку изнасиловал. Я разъяснил, что им следует обратиться по факту изнасилования в районную прокуратуру по месту жительства. Из последующего разговора я понял, что уголовное дело мамаше не нужно, а ей надо, чтобы злодей... женился.

Пытаюсь внушить, что брак из-под палки не принесет дочке счастья, что такая семья скоро развалится и прочее. Не помогло. Мама предлагает конкретный вариант, буквально умоляет:

– Пожалуйста, вызовите его к себе, и увидите, что будет!

Хоть и не сразу, но я сдался, выписал парню повестку и передал ее дамам – для вручения «насильнику».

На следующий день, точно в указанное время, в кабинет пришла вся троица. Честно говоря, я чувствовал себя не в своей тарелке – торг какой-то. Для порядка потребовал у парня паспорт, потом сказал:

– Тут на Вас поступило заявление... Но закончить фразу мне не дали.

Парень торопливо выкрикнул,

– Я женюсь, женюсь, даю слово!

Вот так завязалась новая ячейка общества. Не знаю, долго ли продержалась эта семья, но я хотя бы предотвратил возбуждение уголовного дела, которое неминуемо закончилось бы пшиком. Поэтому считаю, что поступил все-таки правильно.

В один из дней кабинет дежурного прокурора (а это был я) посетила импозантная дама среднего возраста, в длинном до пят платье, в огромной шляпе образца прошлого века и с ... веером. По ее внешнему виду, поведению, торжественному выражению лица, жеманной манере речи сразу стало ясно: эта женщина страдает психическими отклонениями.

Но, поскольку она не была социально опасной и даже казалась интеллигентной, специалисты сочли возможным ее проживание вне стен лечебного учреждения.

Незнакомка задавала какие-то странные вопросы не по теме, я на них терпеливо отвечал, соблюдая максимум вежливости. В конце концов дама церемонно раскланялась и удалилась...

Но мои злключения с этого дня вошли в норму. Чуть не каждое утро дама встречала меня у входа в здание, провожала на второй этаж до служебного кабинета, без конца повторяя:

– Какой Вы молоденький, какой Вы внимательный, как хорошо Вы всё объясняете!

Мне стоило больших усилий не сказать бедной женщине, чтобы она больше не приходила, не отрывала бы людей от работы. Я мысленно проклинал свою молодость и сожалел, что не выгляжу солидным и бывалым. Потом, примерно через 2-3 месяца, дама сама охладела ко мне и перестала наносить визиты.

Егнышёвка

Летом 1969 года мы с женой и двухлетним сынишкой впервые отдыхали в доме отдыха «Егнышёвка», что в 15 км от Алексина. Это бывшая дворянская усадьба на берегу Оки, живописная природа окрестностей воспета в полотнах Поленова. Нам дали большую комнату в деревянном доме, утопающем в зелени. Прелесть «Егнышёвки» как раз и состояла в том, что все строения в ней – столовая, клуб, баня, жилые дома – были одноэтажными, всюду росли деревья и кустарники, пересекавшиеся узкими пешеходными дорожками.

К Оке можно было спуститься по ступенькам крутого берега, или по улице деревни Егнышёвка, в обход и подальше. Небольшая у берега глубина воды, песчаное дно, чистый песок естественного пляжа – всё это очень подходило для отдыха молодых родителей с детьми.

В столовой вкусно и разнообразно кормили. Фирменным знаком были знаменитые егнышёвские булочки: белые, румяные, вкусные, которые обычно подавались к ужину. Помню, директор заведения Хорошилов любил демонстрировать очередному заезду отдыхающих эффектный трюк: берет со стола булочку, сжимает ее в руке и отпускает.

Булочка тут же «распускается» и восстанавливает свою первоначальную пышную форму.

Во время ужина все отдыхающие заполняли бланки заказа на следующий день (завтрак, обед, ужин), подчеркивая названия интересующих их блюд.

Нам здесь так понравилось, что семейный отдых в Егнышёвке стал для нашей семьи традиционным. Мы ухитрились побывать там даже летом 1972 года, когда младшему, Федюшке, не было и года. Дети радовались, набирались сил и здоровья, росли их возможности и потребности.

Оба пацана научились управляться с веслами, рыбачить с лодки, различать грибы и ягоды. Причем Димка так наострился находить грибы, что заткнул за пояс наставника, то есть меня. Его любимым развлечением стало

идти за моей спиной и срезать грибы там, где их вроде бы и не было (а может, весь секрет был в моем слабом зрении).

Зато Федюшке больше везло на рыбалке. Сидим все трое в лодке (она на якоре), забрасываем удочки. Вроде бы всё одинаковое: и снасти, и установленная глубина, и наживка... Но пока Димка поймает одну рыбку, Федя вытащит две-три. Старший злится, требует поменяться местами, потом – удочками, но результат все-таки прежний.

С путевками в этот дом отдыха было не так-то просто. В один из сезонов мне так и не удалось достать путевки. Но мы все-таки приехали и пошли на поклон к старому знакомому Ткаченко Константину Степановичу (адвокату из Алексина), который имел на окраине Егнышёвки крошечный домик. Талоны на питание мы купили в конторе, а Ткаченко разрешил нам проживать в ... курятнике (правда – бывшем). Мы засучили рукава и рьяно взялись за реконструкцию «здания»: почистили его, обшили стены и потолок картоном, настелили новые полы из досок (их мне пришлось строгать вручную, рубанком). Уже к вечеру «номер» был готов, и мы с удовольствием в нем заночевали.

Были проблемы и с моей «явкой». У Адели отпуск всегда был летом (она – учитель), а мне в этом плане было сложнее. Один из сезонов семья отдыхала без меня, я приезжал (из Тулы) только на выходные дни.

Запомнился такой забавный эпизод.

Суббота, солнечный день, множество людей на пляже, я в городской одежде приближаюсь к отдыхающим – ищу своих. Увидел их, и тут же услышал голос Адели:

– Вон папа идет!

Федюшка, которому тогда было лет пять, сорвался с места и побежал навстречу, что-то радостно выкрикивая. У меня было великолепное настроение, хотелось что-нибудь такое выкинуть, подурачиться. И я мгновенно среагировал: стал делать какие-то огромные шаги, подпрыгивать, неестественно размахивать руками, мотать головой и прочее. Смотрю – наш малыш бежит всё медленнее, переходит на шаг, совсем останавливается. На лице радость сменяется недоумением, потом – испугом. Наконец он жалобно завопил и со всех ног побежал назад, к маме... У меня больше не было сил притворяться, я принял нормальный вид и позвал сынишку своим обычным голосом:

– Сынок, это же я, куда ты убегаешь? – и он с радостными воплями устремился ко мне.

В другое лето мы собрались все вместе, но временно пришлось отдыхать в пансионате «Велегож» – тоже на Оке, около 4 км выше по течению. Там никому из нас не понравилось, дети захандрили, а младший даже приболел. Через десять дней подошло время переселяться в дом отдыха «Егнышёвка», мы взяли свои пожитки и пошли пешком вдоль Оки, причем Федюшка сидел у меня на шее. Когда уже подходили к Егнышёвке, дети преобразились, младший тут

же соскочил с «лошадки» и помчался вместе со старшим к любимым местам. Чудесным образом болезнь Феди отступила, он стал нормально есть и двигаться.

О классных чинах

Однажды, когда я, одетый по форме, находился в кабинете Копейко, он как-то недовольно посмотрел на меня, поднял трубку прямой связи и пригласил кадровика Попову. Когда она вошла, с ходу бросил ей:

– Чтобы я больше не видел его в этом звании! Безобразие – старший помощник прокурора области и – юрист 1 класса!

Александра Романовна ответила, что всё поняла и удалилась, а мы продолжили прерванный разговор. Через несколько месяцев я узнал, что мне присвоено звание «младший советник юстиции» (майор).

А вообще моя звездная история (в смысле присвоения звездочек) развивалась в замедленном темпе.

Первый год по окончании университета я вообще не имел классного чина и, если честно, меня это не задевало – за звание тогда не платили. Потом меня со скрипом представили к званию «младший юрист» (младший лейтенант). Для сравнения: выпускнику милицейской следственной школы сразу (!) присваивалось звание «лейтенант».

Я не случайно сделал оговорку «со скрипом», поскольку мой шеф Ведмедь после неоднократных напоминаний представил в областную прокуратуру довольно «скользкую» характеристику: не прислушивается к советам старших, излишне самонадеян и пр. Этот вариант характеристики мне показали через три года, когда я уже работал в областном аппарате. Скажу честно: такая оценка меня ошаршила... Да, я действительно не всегда соглашался с прокурором, отстаивал свою точку зрения, – с этим еще можно согласиться.

Но «самонадеянность» – явно не про меня. Я помню свои сомнения, свою неуверенность в успехе, боязнь совершить грубую ошибку.

Правда, я все это тщательно скрывал, не афишировал свою робость, особенно перед шефом. Оказывается, я неплохой артист, если ввел в заблуждение такого зубра!

Но, как бы то ни было, лёд тронулся, первое звание мне присвоили, а затем всё пошло по графику. В Прокуратуру РСФСР я пришел весной 1980 года советником юстиции (подполковником), а через два года на погон «упала» еще одна звезда. Случилось это через 14 лет работы в прокуратуре, а еще через столько же лет Указом Президента России Б.Н. Ельцина мне присвоено звание «государственный советник юстиции 3 класса» (генерал-майор) ...

Значит, не судьба!

Здесь речь пойдет о моей несостоявшейся научной карьере. Напомню, что по окончании университета в 1968 г. я был прикреплен к кафедре государственного права в качестве соискателя. Оставалось «только» сдать три кандидатских минимума и подготовить автореферат.

Последовавшие затем будни отнимали все душевные силы и не оставляли свободного времени. Какой-либо логической связи между функциями следователя и институтами государственного права я не видел, да их и не существовало.

Тем не менее я как-то барахтался, урывками готовился. Примерно через год поехал на юридический факультет, сдал кандидатский минимум по немецкому языку. Прошло еще около двух лет, и я в Туле, в Горном институте, сдал другой экзамен – по философии.

Выбрал тему для автореферата: «Соотношение морали и права» и стал понемногу готовить эту довольно интересную работу. К этому времени я был уже старшим помощником прокурора области и по роду деятельности стал как бы криминологом-практиком.

В Тулу не раз приезжали сотрудники Института Прокуратуры СССР, в том числе доктор юридических наук заведующий сектором Н.П. Косоплечев. Мы договорились, что я буду защищать автореферат на юрфаке МГУ, а потом переведусь в заочную аспирантуру Института.

Итак, реферат написан и отпечатан, я еду в Москву в командировку и заодно планирую сдать в учебную часть свой «опус».

Завершив служебные дела, приехал на улицу Герцена, где тогда располагался юридический факультет МГУ. Предварительно зашел в продовольственный магазин, купил шоколадные конфеты, копченую колбасу, любимый нами с женой кофейный ликер (в Туле ничего этого в продаже не было) и, уложив все покупки в чемоданчик, собрался уходить. Но затем вспомнил, что надо купить еще что-то, пошел в кассу, оставив тяжелый чемоданчик (на минутку!) у прилавка, за поворотом. Увы, чемоданчика я больше не видел.

Для очистки совести посетил ближайшее отделение милиции, меня там стали убеждать, что состава преступления нет, ибо чемоданчик – забытая вещь. Мои возражения проигнорировали, заявление о краже не приняли.

Короче, я остался без дефицитных продуктов, без нового красивого кожаного чемоданчика и, самое главное – без автореферата. Вот тут-то я и решил:

– Значит, не судьба! Ведь ясно, что никакого переворота в юридической науке я все равно не совершу. И поставил на своей научной карьере жирную точку.

Поддерживаю государственное обвинение

Примерно два раза в год мне приходилось поддерживать государственное обвинение по уголовным делам, рассматриваемым Тульским областным судом. Всего таких дел с моим участием было более десяти, но особенно запомнились два, о которых хочется рассказать более подробно.

История первая. Стаканчик «за уважение».

Много разных историй за свою долгую жизнь слышали стены этого дома. Немало слез человеческих перевидали. На здании – табличка «Ефремовский городской народный суд». Пробриться через узкий коридор невозможно. Здесь люди разных возрастов – от вихрастых подростков до убеленных сединами стариков.

Внимание всех привлечено к «диалогу» двух женщин, двух матерей. Обе неистово кричат, не слушая друг друга, не пытаясь друг друга понять, доходят до оскорблений. Кое-кто улыбается, слушая их, но большинство – серьезны. Это кричат не женщины. Кричит горе каждой из матерей.

Одна из них три месяца назад похоронила сына. А сына другой привезли сегодня под конвоем. Слушается дело об умышленном убийстве. На скамье подсудимых – юноша, едва достигший восемнадцати лет. А в тот роковой день – 29 августа 1975 года – он был еще несовершеннолетним. Выездная сессия областного суда слушает дело по обвинению Некрасова Виктора. Убитого звали Владимиром. Фамилия – Щербаков.

Около трех лет назад он женился на сестре подсудимого. После смерти Владимира осталась малышка, которой чуть больше года. Не рисуйте себе жутких картин взаимной вражды и никаких других картин. Все допрошенные единодушны: Виктор и Владимир был дружны, что называется – «водой не разольешь».

Не менее скрупулезно, чем само событие преступления, суд выясняет образ жизни В. Некрасова, начиная с раннего детства и до последнего времени. Внешне в биографии Виктора все обычно, нормально. Родился и рос в деревне Медовая Ефремовского района. Отец и мать – колхозники, честные труженики. В семье – трое детей. Две дочери и сын. Мальчик – младший.

Ни для кого не секрет, что младших частенько любят и балуют больше. Да еще если это – единственный сын. Так и в семье Некрасовых.

Сделали из Витеньки божка. Многое ему позволяли. Все лучшие игрушки – ему. Самое вкусное – тоже. Споры между детьми неизменно разрешались в пользу младшего.

А Витя рос, набирал силу. Вместе с силой набирался капризов. Трудно в таком возрасте осознать, что ты – лишь один из членов общества, что у тебя не больше прав, чем у другого, и соответственно – не меньше обязанностей.

К мысли о собственной исключительности мальчик привык так же, как скажем, к воздуху в родной деревне.

Правда, отец еще пытался бороться за сына, предъявлял к нему определенные требования, отчитывал за шалости и непослушание. Но только иногда. Подобные «придирки» в корне пресекались матерью. Каждый раз она решительно вставала на сторону сына.

Виктору было бесспорно ясно одно – родители существуют лишь для того, чтобы удовлетворять его прихоти. У подростка появляются «игрушки», которые детскими уже не назовешь: вначале мотоцикл, а затем – самое настоящее двуствольное охотничье ружье.

Родители, конечно, не знали, что эгоизм, капризы, воспитанные ими, погубят сына, станут одной из причин совершения им тяжкого преступления. Была и другая причина, неразрывно связанная с первой, – привычка к хмельному. И здесь тоже определенная «заслуга» принадлежит родителям.

На предварительном следствии и в суде выяснилось, что Виктор Некрасов рано приучился к спиртному.

Его мать недоумевала по этому поводу на судебном процессе:

– А что здесь плохого? Живем мы в достатке. Иногда, по праздникам, собираемся все вместе за столом. Выпьем. И Витя тоже ...стаканчик за уважение.

«Стаканчик за уважение» ... Допуская несовершеннолетнего парнишку к пиршествам взрослых, родители искренне желали ему добра.

Надеялись подобным доверием завоевать расположение сына. Но ...в почете у него остался лишь стаканчик, в котором утонули последние остатки уважения к отцу и матери. Суд не стал обвинять родителей в умышленном искажении действительности. Кто может назвать черное черным, когда речь идет о его собственном ребенке?

Итак, о вежливости и послушании Виктора. В начале августа 1975 года произошла довольно поучительная и красноречивая сцена в семье Некрасовых. Своеобразный эпилог всего предыдущего процесса воспитания и пролог к скорому убийству.

В этот день Виктор не раз прикладывался к стаканчику (естественно, за уважение). Для того чтобы как-то охладить вспыхнувшие в нем эмоции, решил прокатиться на мотоцикле. Причем не на своем, а на мотоцикле зятя. Родители попытались возражать. Это вызвало только гнев подростка. Ударил по лицу мать, вступил в драку с отцом, повалил его, после чего уехал. Убедившись в своей беспомощности, родители вызвали работников милиции.

Еще несколько штрихов к портрету Виктора Некрасова. В деревне Медовая за ним прочно укоренилась сомнительная слава озорника, точнее – хулигана. Родители на его проделки смотрели сквозь пальцы. Если кто-либо из односельчан жаловался им, брали чадо под защиту. Тем самым поощряли в нем безнаказанность, воспитывали хамство.

Мало того, они своими руками вручили своевольному, дерзкому подростку страшную «игрушку» – ружье, уступив его требованиям. С ним он частенько хаживал на прогулки, стрелял птиц, другую живность. События 29 августа явились логическим завершением всего предыдущего поведения

Виктора. Вечером он снова был нетрезв. С большим опозданием взялся за работу, порученную отцом. Тот стал выговаривать сыну за выпивки, за лень. Не привыкший к замечаниям Некрасов-младший ответил грубостью. Старший вспылал. И вот уже капризный, хмельной подросток бежит за ружьем, намереваясь расправиться с «обидчиком». Возвращается с ружьем к дому, где остался отец. На его пути встает зять – Щербаков Владимир, призывает одуматься. Некрасов требует отойти, иначе будет плохо. Щербаков не уходит, не веря, что близкий друг разрядит в него ружье. Но выстрел был сделан...

Судебный процесс закончился. Некрасову назначено максимальное для несовершеннолетних наказание – 10 лет лишения свободы. С новой страстью разгорелся спор двух матерей. Больше других запоминается реплика матери погибшего: «Надо было смотреть раньше!». Не согласиться с этим нельзя...

История вторая

Чужой

Жил себе на брестской земле человек в деревне с красивым названием Вишневка. Были у него большие и крепкие рабочие руки. Была семья – тоже большая и крепкая. Старшая дочь родилась в 1942 году. Пятый и последний ребенок, сын, появился на свет 14 лет спустя.

Все односельчане называли главу семейства уважительно – Федор Петрович. А фамилия у него была ласковая – Федосик. Всю свою жизнь проработал Федор Петрович путевым обходчиком участка железной дороги, проходящей рядом с Вишневкой. Участок свой любил и даже лелеял. За три с лишним десятилетия – ни одного взыскания, зато поощрений несколько.

В мае 1976 года стал Федор Петрович пенсионером. А вскоре позвала в дорогу беда: плохо со старшей дочерью. Кое-как наскребли со старухой денег, заняли у соседей. И отправился Федор Петрович в далекий путь, на юг, в город Сумгаит. Не ведала семья, что прощается с ним навсегда.

И вот он в поезде. Федор Петрович оказался единственным соседом по купе некоего Смолянского. Простой, бесхитростный человек, Федосик тут же поведал попутчику о своей беде. Неосторожно проговорился о деньгах, чем и предрешил свою судьбу.

Чтобы не вызвать подозрений, Смолянский, как и сосед, лег спать. Глубокой ночью, когда проехали Тулу, встал, оделся, натянул перчатки («Я всегда работаю в перчатках»), вытащил нож и нанес спящему несколько ударов, причем все – в левую сторону груди, чтобы наверняка...

Потом обшарил карманы, заглянул в хозяйственную сумку, взял деньги и кое-что из вещей. На станции Скуратово с поезда сошел и скрылся.

...Далеко от Вишневки, в Чите, родился у Татьяны Смолянской сын Виктор. Было это в 1956 году. Через 20 лет он заявит следователю:

– Она меня нагуляла.

Неизвестно, чего в этих словах больше – цинизма, горечи или равнодушия. Как бы то ни было, но сказал он правду. Отца у мальчика действительно не было. Мать рано опустила, пьянствовала. На ребенка смотрела как на обузу. Он рос в грязи, в холоде, в пошлости. Впитывал в себя грубость и хитрость.

Когда ему было пять лет, мать лишили родительских прав. Мальчика поместили в детдом. Здесь его кормили и одевали, о нем заботились. К нему впервые относились с уважением. Он как-то понемногу начал «оттаивать».

Но снова вмешалась мать. После очередной попойки она вспомнила, что уже год не видела сына, приехала в детский дом и самовольно увезла мальчика. К тому времени в жизни Смолянкой ничего не изменилось. Те же постоянные заботы – любой ценой добыть выпивку.

Через месяц мать снова отвезла сына в детдом, но уже в другой, а год спустя всё повторилось. Потом он уже сам стал убегать: вначале к матери, а когда она прогнала, стал скитаться по стране. Совершал кражи, доставлялся в милицию.

У Смолянского выработалось своё стойкое мировоззрение: «я» и «они» – враги. «Они» – это все общество. Такая жизненная позиция, конечно же, исходила от матери, от ее философии «добытчицы», ее беспринципности и полнейшего безразличия к окружающей жизни. Сын стал таким же чужим обществу, как и его мать.

В шестнадцать лет – первая судимость. Два года лишения свободы за кражи в поездах. Через полгода освобожден по амнистии. Казалось бы, самое время отплатить обществу добром за его доверие, за свободу, выданную авансом...

Но уже через 5 месяцев Смолянский совершает новую кражу. Приговор – два с половиной года лишения свободы...

Многие из товарищей по колонии ушли с преступной стези. Со Смолянским подобного не произошло. Из характеристики администрации места лишения свободы: «Вину в совершении преступления не осознал, от преступного прошлого не отказался». В том же документе читаем: «К труду относится недобросовестно, от работы уклоняется, совершил членовредительство (умышленно порубил себе руку»).

Второй тюремный срок, потом работа в Комсомольске-на-Амуре, причем. «без особого энтузиазма».

С июня 1976 года Смолянский работает в моторном цехе Горьковского автозавода. Его поселяют в общежитие, от него не шарахаются, дают возможность почувствовать себя равным. А он маскируется, от коллектива ни на шаг и одновременно ... вытаскивает финский нож.

Утром 13 ноября соседи по комнате обнаружили, что Смолянский исчез. Вместе с ним пропал и кошелек одного из парней. В тот же день, пустив слезу,

он получил внеплановый аванс на заводе. К работе, однако, во вторую смену не приступил, уехал вечерним поездом в Москву.

Куда же, в конечном счете, он ехал? Зачем?

– Воровать! – ответит он потом в зале суда.

Да, он ехал совершать преступления. Об этом говорит и экипировка – нож, перчатки. В Москве Смолянский купил билет до Орла на поезд, отправляющийся около полуночи. При этом просил билет на нижней полке. Кассиру пояснил, что берет билет для пожилой женщины.

Федор Петрович оказался единственным соседом Смолянского по купе ... Он был арестован ровно через месяц после убийства. Доказательства были настолько бесспорными, что пришлось сознаться. Верный своей привычке, он и тут пытался поторговаться: «Раскаиваюсь, прошу суд учесть...».

На предварительном следствии не отрицал, что умысел убить соседа по купе возник сразу после отправления из Москвы. Но не так легко оказалось повторить эти слова в зале суда перед лицом седой женщины в трауре – вдовы убитого, перед лицом других присутствующих.

Занося нож, Смолянский не мучился сомнениями, не задумывался над тем, что деньги, сколько бы их ни было, не могут стоить человеческой жизни ...

И вот он уже пытается представить дело так, будто хотел совершить только кражу, но Федосик неожиданно проснулся. Однако после нескольких вопросов прокурора он снова произносит потухшим голосом:

– Да, хотел убить ...

Чаще всего ко многим поступкам человек готовится всю жизнь, всю жизнь накапливает необходимые качества. Нельзя в один момент, вдруг решиться на подвиг или на подлость. Своеобразной подготовкой к тягчайшему преступлению была и недолгая жизнь Смолянского.

После суда всегда возникает чувство горького сожаления о том, что невозможно повернуть события назад, вмешаться, предотвратить беду. Мне, государственному обвинителю, нелегко было определиться с мерой наказания виновному. С одной стороны – он сам был жертвой жизненных неурядиц, а с другой – без всякого сожаления поднял руку на человека, лишил его самого ценного – жизни. Я не жестокий человек, но в то же время стараюсь всегда быть справедливым. Знаю позицию большинства людей – таким безжалостным убийцам не место среди живых.

И я принял трудное решение, потребовав применить к Смолянскому высшую меру наказания... Областной суд с мнением прокурора согласился, приговорив убийцу к расстрелу...

Смолянский написал ходатайство о помиловании, оно было рассмотрено и удовлетворено, расстрел заменили 15-ю годами лишения свободы. Сказать по правде, меня лично такая поправка не огорчила – ведь государство

предоставило молодому человеку еще один шанс исправиться. Хотя надежды на это очень мало ...

И снова Обшатко

Приближалась юбилейная для Обшатко дата – его 60-летие. По этому случаю прокурор области собрал коллектив, поздравил Бориса Ароновича и объявил, что он (Обшатко) из аппарата не уходит, просто меняет должность. с завтрашнего дня Обшатко – помощник прокурора области по контролю исполнения, то есть придается мне в помощь (я по-прежнему остаюсь старшим помощником).

Видимо, Копейко очень не хотелось отпускать Бориса Ароновича от себя, он нуждался в его светлой голове, хотел опираться на его надежное плечо. Почему нельзя было оставить Обшатко в прежней должности начальника отдела общего надзора, мы так и не узнали.... Скорее всего такова была позиция всесильного обкома партии.

Наши отношения с Борисом Ароновичем, как и прежде, оставались простыми и дружелюбными. Я никак не пытался показать, что теперь являюсь его начальником, а он подчеркнуто внимательно прислушивался к моим пожеланиям. Чтобы избавить Бориса Ароновича от мелочной опеки, мы сразу поделили обязанности. Ему, как опытнейшему общенадзорнику, предстояло в полном объеме заниматься вопросами жалоб и заявлений граждан, и он этот предмет блестяще вел.

Но чувствовалось, что его что-то тяготит, он казался другим человеком, не тем оптимистом и острословом, которым был раньше. Потом он как-то признался:

– Зря я согласился остаться! Яков Яковлевич, никогда не оставайся на рядовой должности там, где ты ранее был начальником!

Чтобы как-то разрядиться, ощутить себя в родной стихии, Борис Аронович довольно часто (почти каждый день) ездил читать лекции.

Два или три раза мне по прямому телефону звонил прокурор области, просил передать трубку Борису Ароновичу, а я вынужден был говорить, что он на лекции.

В один довольно ненастный день Копейко позвонил в очередной раз, и я снова сказал про лекцию.

– Хорошо, – недовольно сказал Копейко, – когда вернется, пусть зайдет ко мне. Ближе к вечеру Борис Аронович вернулся, я передал ему слова Копейко, и он пошел к нему. Минут через двадцать он вернулся, взволнованный, обиженный, и стал молча собирать вещи. Кое-как мне удалось узнать от него, что же произошло. Оказывается, у Копейко сложилось впечатление, что Обшатко работой не интересуется, всё больше читает лекции, да еще платные. Всё это он высказал с присущей ему (Копейко) прямоотой. Обшатко обиделся и заявил:

– Если Вы так считаете, я здесь больше не работаю!
Копейко в тон ему:

– Пожалуйста, хоть с завтрашнего дня!

Кончилось тем, что Обшатко тут же написал заявление, а Копейко немедленно его подписал.

Мне было больно видеть, как два таких достойных человека не поняли друг друга, что так бесславно заканчивается прокурорский почти 40-летний этап в жизни Бориса Ароновича. Я сказал ему:

– Подождите меня здесь, никуда не уходите, я сейчас вернусь, – и почти бегом направился в кабинет Копейко.

– Петр Александрович, сказал я ему, – Вы неправы, так с людьми не поступают...

Он ворчливо, как-то по-стариковски спросил:

– Что, что случилось?

Я, запинаясь от волнения, от сознания несправедливости происходящего, сказал, что Борис Аронович собирает вещи, что ни завтра, ни через месяц, ни через год он сюда больше не придет, что он отдал прокуратуре всю свою жизнь, а мы даже не можем и не хотим его достойно проводить, и так далее.

Копейко – уже более миролюбиво:

– Так мы ж его чествовали, когда ему 60 лет исполнилось!

– В том-то и дело, что не чествовали, просто поздравили и разошлись.

Не было ни приказа о поощрении, ни подарка к юбилею.

Копейко, всё еще сомневаясь, звонит своему заместителю Ожерелкову:

– Вот тут у меня Пистер сидит, он утверждает, что мы Обшатко в день его 60-летия никак не поощряли. Это так?

Ожерелков, немного подумав, ответил, что Пистер неправ.

Копейко заметно приободрился и говорит мне: – Вот видишь!

Но я снова настаиваю на своем и прошу позвонить в кадры. Копейко звонит Поповой и задает тот же вопрос. Она отвечает, что никаких приказов не было, а через 2-3 минуты сама появляется с личным делом Обшатко. Копейко полистал личное дело, убедился в своей неправоте и сказал мне:

– Попроси Бориса Ароновича, чтобы он завтра в 16 часов пришел ко мне.

Я с удовольствием передал эти слова Борису Ароновичу, и он ушел не такой расстроенный.

Назавтра всё было проведено по высшему разряду. Собрался весь аппарат, Копейко сказал хорошие слова, Борису Ароновичу вручили ценный подарок, выступили другие наши коллеги, в том числе и я.

Оговорюсь: банкета на этот раз в прокуратуре не было, его просто не успели подготовить.

Борис Аронович с умиротворенным лицом зашел ко мне и с чувством сказал:

– Какой же все-таки замечательный человек наш Петр Александрович! Он так тепло говорил, что даже намек на обиду не осталось. Борис Аронович пригласил весь свой бывший отдел, а также других своих соратников (и меня тоже) к себе домой на ближайшую субботу.

Он все-таки ушел из прокуратуры, ему так было лучше, но ушел по-хорошему, с легким сердцем.

На банкете у Бориса Ароновича много было выпито вина и сказано еще больше добрых слов в адрес хозяина. Мы с ним даже ухитрились сыграть в шахматы, признавшись друг другу в симпатиях. Я сказал Борису Ароновичу во время игры, что всегда глубоко уважал и ценил его, а он заявил, что ему нравятся такие честные и прямые парни, как я ...

Пить или не пить?

Долго я колебался, затрагивать ли тему застолий в своем повествовании. В итоге решил, что должен быть до конца откровенным, тем более что особо безобразных проявлений в общем-то и не наблюдал.

Как все нормальные люди, особенно в России, прокуроры тоже могли «посидеть», да и специфика службы иногда требовала разрядки. Однако одно дело – выпить дома, и совсем другое – на работе...

Например, в прокуратуре Тульской области коллективно отмечались большие праздники, юбилеи, какие-то другие радостные события. Люди веселились, произносили тосты, шутили, пели песни. И никто никогда не позволял себе пьяной выходки, грубости, хамства. Изредка бывало так, что кто-то не рассчитал свои возможности, опьянел, но его тут же заботливо провожали домой.

Все такие «посиделки» заранее согласовывались с прокурором области Копейко, хотя сам он ни разу на них не присутствовал. Хорошо это или плохо, не берусь судить, но некоторые мои старшие коллеги – обижались.

Будучи человеком довольно демократичным, Петр Александрович терпеть не мог любителей выпить в рабочее время. Так, ему стало известно, что один из его старших помощников уже дважды появлялся на рабочем месте нетрезвым. Копейко вызвал его, крепко отругал и предупредил:

– Если еще раз это повторится, пиши заявление!

Прошло недели две, и поклонник Бахуса опять явился на работу «веселый и хмельной». Казалось бы – выпил, так сиди тише мыши, но нет, наш герой, шатаясь, пошел по кабинетам, громко разговаривал и не менее громко смеялся. Вдруг кто-то сказал: «Копейко идет!». Нарушитель режима в испуге забился под стол, но Копейко нашел его и там. На следующий день ему передали заявление об увольнении по собственному желанию ...

Были у нас и оригиналы. Прокурор города Новомосковска М.А. Газин придерживался собственной системы тестирования новых сотрудников. Когда новичок выходил на работу, Газин устраивал «посиделки» всего коллектива, заботливо подливал горячительные напитки, стараясь довести «клиента» до максимальной степени опьянения. Предварительный «портрет» новичка был готов и, как правило, оказывался верным.

Более щекотливой становилась ситуация, когда я один или с бригадой приезжал в район (город) с проверкой. Чаще всего в таких случаях для «дорогих гостей» устраивался торжественный ужин. Как тут быть?

Охотнее всего я бы отказался, но – неудобно, люди из лучших побуждений... Некоторые так прямо и говорили:

– Вы пишите, что хотите, это ваше дело. А наш моральный долг – хорошо принять гостей.

Так мы и поступали: оценивали работу по конкретным результатам, а не по «разряду» приема. Люди это понимали и правильно реагировали.

К слову сказать, иногда такие застолья помогали лучше узнать сотоварищей из числа проверяющих, степень их надежности. В одной из командировок после вечернего «банкета» я потерял одного из членов бригады – он попросту ушел в запой. Этот человек работал в одной из районных прокуратур по линии уголовно-судебного надзора. Он меня подвел, справку свою не представил, пришлось самому вникать в эту отрасль прокурорского надзора. Однако я не стал выдавать этого человека (все-таки он – фронтовик), но уже в Туле серьезно с ним поговорил и предупредил:

– В следующий раз я буду вынужден писать о Вашем поведении рапорт.

Когда я перевелся в аппарат Прокуратуры РСФСР и стал выезжать с проверками, столкнулся с теми же традициями. Нас опять принимали как «дорогих гостей», щедро угощали и приглядывались – кто чего стоит.

За два десятка лет работы в Прокуратуре РСФСР и Генеральной прокуратуре России я не раз оказывался за одним «банкетным» столом с руководителями разного уровня – от начальников отделов до заместителей Генерального прокурора. Общее впечатление таково: все эти люди вели себя безупречно. Они охотно поддерживали разговор, не чванились, регулярно прикладывались к рюмке, но – знали меру. Ведь не обязательно пить до дна, можно и пригубить, и никто тебе не сделает замечания.

В общем, без самоконтроля – никуда. Подобного образа мыслей придерживался и я. Но ведь когда выезжаешь во главе бригады, мало твоей личной сдержанности, ты отвечаешь и за других.

Где-то в 1982 году наша сводная бригада вылетала самолетом в один из дальних регионов, я был рабочим бригадиром. Инструктировал нас сам Борис Васильевич Кравцов – Прокурор РСФСР. В числе прочих напутствий он обратил внимание на недопустимость пьянства при выездах и привел пример, когда одного нашего сотрудника пришлось уволить за это из органов прокуратуры, а бригадиру – объявить строгий выговор.

Прибыли на место, расположились, провели совещание, познакомились с людьми. Вечером, как водится, ужин в ресторане, в отдельном кабинете.

Все было нормально, шел непринужденный разговор, пили за здоровье присутствующих.

Через какое-то время я заметил, что один из «наших» явно потерял над собой контроль. Он вышел в общий зал, путался под ногами танцующих, что-то пел. Он не скандалил, не «качал права», но как-то по-детски обижался, что его «не любят». Еще немного – и кто-нибудь из посетителей ресторана вызовет милицию.

Мне ничего не оставалось, как срочно увести захмелевшего Сережу (имя изменено) в гостиницу. Я подошел к нему, крепко обнял, стал говорить утешительные слова, уводя его с собой:

– Пойдем, Сережа, пойдем, тебе надо отдохнуть, и прочее.

Он вначале вырывался, а потом более или менее успокоился. Я вел его и думал: «А что, если все-таки работник милиции нас остановит? А что, если кто-нибудь из граждан знает, что мы из Прокуратуры РСФСР? Позор-то какой! А какие ужасные могут быть последствия.» К счастью, всё обошлось. Сережу я уложил в кровать, и он заснул.

Было бы обидно, если бы этот случай получил огласку. Сережа был хороший человек, грамотный юрист, добросовестный работник. Впоследствии он стал начальником отдела, уважаемым чиновником, генералом. Разумеется, в случае огласки и меня бы по головке не погладили.

Вспоминается выезд в составе бригады ЦК КПСС в Дагестан. Из Махачкалы мы на двух машинах поехали в отдаленный район. Припересечении границы района нас ожидала целая делегация: первый секретарь райкома, председатель исполкома, прокурор и прочие руководители. На обочине дороги накрыт стол, стоят стулья. На столе различные напитки: водка, шампанское, пиво и пр., овощи, фрукты, рядом жарятся шашлыки.

Наши два работника ЦК – инструкторы – вышли из машины, вежливо поговорили, съели по абрикосу и ... стали прощаться. Их пытались удержать, посадить за стол, но они словно не слышали. Местные начальники хотели снабдить нас фруктами (стояло с десятков ящиков), но и эти дары были отвергнуты. Говорю честно: я был в восторге от такого поведения «цекистов» – вот бы нам при выездах так!

Приехав в село, мы сразу же приступили к работе, и только к полуночи добрались до местной столовой. Там опять на столах стояли разнообразные напитки и закуски. Но бутылок мы не «заметили», съели какой-то жирный суп и мясо на второе, выпили компот и ... пошли платить в кассу. Растерянный директор столовой объяснял, что мы – гости, поэтому денег не возьмет. Ему непрерываемым тоном повторили:

– Сколько с нас?

Директор и краснел и бледнел, потом выдал:

– По 15 копеек с каждого ... (это примерно десятая часть подлинной стоимости). Мы гордо расплатились и поехали в гостиницу.

Да, думал я, в этом учреждении есть порядок, их никто не упрекнет в нескромности. Нам же, простым смертным, хоть мы и прокуроры, подобное

поведение недостижимо. Нравится тебе или нет, садись за стол и изображай из себя гостя.

Через несколько лет я снова побывал на Кавказе, на этот раз – в Чечено-Ингушской АССР. Заночевал в одной из казачьих станиц. Во время ужина с прокурором от выпивки отказался – уж очень «достал» гастрит. На следующий день, согласно правилу, посетил райком партии, – для обмена впечатлениями. Первый секретарь, русский, немало удивил меня своей претензией:

– Вы почему вчера отказались выпить с прокурором района? Это неуважение к нашим обычаям, у нас так не поступают!

Интересно, подумал я, сделал бы он подобное замечание инструктору ЦК КПСС?

Около спорта...

В детстве я был довольно шустрым мальчиком, много бегал (в основном за телятами или коровами). Иногда приходилось играть с ребятами в «догонялки», и я видел, что бегаю быстрее многих, почти всех. Никаких спортивных секций в школах, где я учился, не было и в помине.

Потом, в 15 лет – работа, вечерняя школа, не до физкультуры. И только в армии, когда мне было за 20, обнаружил в себе неплохие задатки. Так, в период карантина нас охотно гонял по утрам старший лейтенант Архипов. Задавая тон, он обычно уходил вперед, пренебрежительно поглядывая на «салажат». Уже на третий или четвертый день я стал выдерживать заданный темп и вскоре мне даже понравилось бегать кроссы.

На втором году службы, в пожарной команде, получил возможность регулярно тренироваться. Бегали мы вдвоем с Тимофеем, по бетонке, сверяя километры с секундомером. На гарнизонных соревнованиях выполнил норму второго разряда.

В пожарной команде служил боксер-перворазрядник по прозвищу «Киса» (небольшой, быстрый, с мягкими кошачьими движениями), который проводил с нами тренировки. Однажды «Киса», желая сделать приятное старослужащему Николаю, сказал, что присвоит ему третий разряд по боксу. А я – тут как тут:

– Ха! Тогда присваивай мне второй!

Коля завелся и бросил мне перчатку. Боксерскую. На следующий день состоялся первый (и последний) в моей жизни боксерский поединок. Многие знали, что у Коли сильный удар, и ставили на него. Но я ранее на тренировках уже боксировал с ним и видел, что в скорости движений он мне явно уступает. На этом и построил свою тактику. Крутился около него, делал ложные выпады, отскакивал и тут же бросался в атаку. В итоге я буквально измочалил соперника, и судья («Киса») выбросил белое полотенце. Сильный кулак Коли поймал меня только один раз и оставил под глазом «фонарь». Зато у него был разбит нос и светили целых два «фонаря». На следующий день мы сфотографировались с этими украшениями в назидание потомкам. На третьем году службы пристрастился к тяжелой атлетике (у нас была своя штанга).

Опытного наставника рядом не было и тягал я эту штангу как бог на душу положит. В итоге получил «награду» на всю оставшуюся жизнь – эпизодическую боль в спине. Она напоминает о себе только в тех случаях, когда приходится долго стоять или ходить, но утихает, когда присядешь. Так что я оказался просто обреченным на чиновничью работу!

В университете, заняв первое место на курсе в кроссе, попал в сборную команду юридического факультета. Конечно, звезд мы на спартакиадах МГУ не хватало, поскольку среди соперников были сплошь перворазрядники, кандидаты и даже мастера спорта. Но участвовать все-таки надо!

В этой связи вспоминается один забавный случай. На первом курсе, когда мы все сдавали зачеты по бегу, я уже приближался к финишу, как передо мной из кустов выскочил Леша С. и быстро-быстро со свежими силами припустил к финишу. Леша от природы очень «юморной» парень, хитро прищуривал глаза и не скрывал торжества от сознания своей «тактики».

Однако через несколько дней должна была проводиться легкоатлетическая эстафета, и Лешу включили в сборную команду юрфака, на один из этапов. Надо было видеть его реакцию:

– Ну какой же я дурак! Зачем же я пришел впереди Пистера?

Участвовать в эстафете его все же заставили, он еле живой добрался до промежуточного финиша, измучился сам и подвел товарищей. Зато, как говорит Жванецкий, опыт приобрел...

Когда я учился на 3 курсе, увидел объявление: в здании экономического факультета начинает работать секция самбо, и поспешил записаться в нее.

Вел занятия относительно молодой тренер, мастер спорта по самбо Илья. В группе сложился хороший моральный климат, занятия проходили весело, интересно, с шутками и подначками. Несколько раз Илья ставил меня в пример:

– Вот что значит воля к победе!

Но я думаю, дело не в этой самой воле. Просто я с детства обожаю участвовать в разного рода забавах, состязаниях, меня привлекал и даже пленил сам дух единоборства.

Примерно через три месяца тренер объявил, что скоро начинается первенство МГУ по самбо и пригласил нас поучаствовать. Я, конечно же, согласился. Думаю – будь что будет, терять-то мне нечего (увы, я здорово ошибался).

В нашей весовой категории (64 кг) участвовало 32 спортсмена. Первая встреча – одна шестнадцатая часть финала. Я волнуюсь, мало что соображаю, но все-таки ухитрился выиграть. На следующий день – одна восьмая часть финала. И опять мне каким-то образом удалось победить. Утром на факультете приятная неожиданность: броская «Молния» с фамилиями студентов, пробившихся в четверть-финал, одна из шести фамилий – моя.

Я уже окреп духом, вообразил себя чуть ли не мастером. Приглашаю на соревнование супругу – беременную – заботливо усаживаю ее поближе к сцене.

Наступает моя очередь. Противник – невысокий коренастый паренек (кстати, я в этой весовой категории оказался самым высоким), второразрядник. А я-то – новичок. Сошлись в схватке. Я всё стараюсь повалить его, а он вроде бы и не сопротивляется. Его главным образом интересовала моя рука. «Поддавшись» броску, он в падении ухватил мою правую руку и уже на ковре провел болевой прием.

Если бы я был более опытным борцом, я бы сразу похлопал другой рукой по ковру (что означает «сдаюсь»), но желание победить было столь велико, что я продолжал сопротивляться. Противник посильнее нажал на захваченную руку, в локте что-то хрустнуло, и я громко застонал. Так бесславно закончилась моя карьера еще в одном виде спорта.

Более всего я ругал себя за то, что додумался пригласить Адель, и нервы ей потрепал, и фиаско продемонстрировал. Рука в локте болела несколько месяцев. И до сих пор, когда поднимаю правой рукой что-нибудь тяжелое, морщусь от боли и вспоминаю свой студенческий «триумф».

Закончить спортивную эпопею хотелось бы все же на оптимистической ноте. В прокуратуре Тульской области на меня взвалили множество общественных поручений, в том числе ответственного за физкультуру и спорт. Поскольку я был самым молодым и «вовлекать» практически никого больше не мог, то чаще всего сам и отдувался. Лыжные гонки, настольный теннис, кросс, шахматы, – вот исчерпывающий перечень видов спорта, где надо было «представлять». В сентябре 1974 года – очередное «надо». В Тульском парке проводится легкоатлетический кросс среди работников госучреждений...

Я уже в возрасте Иисуса Христа, старший помощник прокурора области, отец двоих детей ... А самое главное: давным-давно не тренировался, даже не делал утреннюю гимнастику. Но – больше некому, решил тряхнуть стариной.

На старте собралось человек 25-30, в основном – молодежь, я – самый возрастной. Однако настроение у меня боевое: «Умру, но не сдамся!».

С тем и побежал. Не хватало воздуха, бешено колотилось сердце, молили о пощаде ноги, но спортивный азарт толкал и толкал вперед. Дистанция кросса – один километр. Кто бегал, тот знает: лучше и легче пробежать три километра, чем один. Зато терпеть приходится меньше – по времени. Всего несколько минут – и ты у цели. Как ни странно, выступил я совсем неплохо – у финиша оказался вторым.

Сердце было готово выпрыгнуть из груди, горло горело так, будто в него насыпали песку. Но душа – пела. Я сделал это, я преодолел себя! Жаль, что пела моя душа в одиночестве. На работе о моем «подвиге» никто не знал, а жена отругала:

– И когда ты угомонишься? Ведь не мальчик уже!

Всё, на этом мои физкультурные выступления закончились, хотя спорт – остался. Не совсем понятно, да? – Ну, если шахматы считать спортом ...

Шахматы в моей жизни

Играть в эту мудрую игру я выучился только в 16 лет, по самоучителю. Жаль, конечно, что так поздно. Если бы это случилось лет на 10 раньше, мог быть совсем другой результат. Ведь в детстве мозг человека впитывает новые знания словно губка.

Как ходят фигуры, узнал, но практики почти не было. Сказывался дефицит свободного времени. Неплохая практика появилась позже, когда я работал в редакции, где шахматы были в почете. Потом, уже в армии, тоже играл, но крайне редко.

В студенческие годы сыграл только две партии, зато какие! Моим соперником была ...Адель, девушка моей мечты. Обе партии закончились вничью. Через много лет, когда мы вспоминали этот эпизод, она весело смеялась:

– Ты больше на меня смотрел, чем на доску. – Видимо, так оно и было, но моя решимость жениться после упомянутых партий еще более окрепла.

И только по окончании университета, когда я уже работал в Алексине и мне было 28 лет, увлекся шахматами по-настоящему. И виноватой в этом опять оказалась Адель, подарившая мне книгу Панова «Рыцарь бедный» – о великом русском шахматисте Чигорине. Тут-то я и стал искать себе партнеров, научился у них чему-то полезному, более или менее подтянулся.

В Туле мои шахматные контакты продолжились, но это всё была голая практика, мой теоретический уровень поднялся чуть выше нуля.

И тем не менее именно эти баталии остались в памяти как самые интересные, самые боевые и бескомпромиссные. Здесь, в прокуратуре области, я организовал несколько турниров, однажды даже завоевал первое место.

Стал участвовать в турнирах выходного дня при Тульском гарнизонном Доме офицеров, выполнил норму третьего разряда. Изредка, урывками, уделял внимание теории.

Так третьеразрядным шахматистом и приехал в Москву (1980 год). По случайному стечению обстоятельств вскоре начался турнир на первенство Прокуратуры РСФСР. Поскольку я был «темной лошадкой», удалось поделить первое место с В. Тараненко. Это был мой первый и последний успех на подобных мероприятиях.

В последующие годы я был бессменным организатором первенств Прокуратуры РСФСР, но выше третьего места не поднимался (видимо, из скромности). Зато блистал «важняк» Б.И. Уваров, с ним мы сыграли множество легких партий, по 5 или по 10 минут, иногда мне удавалось выиграть. А вот в официальных турнирных партиях Борис Иванович буквально преображался и неоднократно становился чемпионом.

Как-то поздно вечером нас застал играющими «блиц» Прокурор РСФСР С.А. Емельянов и очень огорчился:

– Так вот почему у нас доклады не пишутся и дела не расследуются! – а мы чувствовали себя провинившимися школьниками.

Начиная с 1986 года, я стал играть в шахматных клубах Москвы, выполнил второй, а потом и первый разряды, но на моих успехах в Прокуратуре РСФСР это никак не отразилось.

Прошли годы, наше поколение давно на пенсии. Появилась возможность вволю наиграться, посещать шахматные клубы, играть с компьютером, что я и делаю. Не слабеют и наши «корпоративные» связи, вот уже несколько лет я собираю «на огонек» заядлых шахматистов, и мы, как встарь, отводим душу. Проводим турниры среди ветеранов, встречаемся с другими коллективами.

Недавно, в апреле 2015 года, выиграла матч у команды действующих работников Генеральной прокуратуры РФ. Есть еще порох в пороховницах! Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с шахматами, подарила сотни захватывающих партий, – не обязательно выигранных.

«Папа купил автомобиль...»

Весной 1976 года нашу прокуратуру посетили представители Приокского книжного издательства. У них в план было включено несколько брошюр на правовые темы, и теперь они искали потенциальных «писателей». Конечно же, обратились к популярному Обшатко, а он перевел стрелку на меня. Тема брошюры – участие общественности в борьбе с правонарушениями, а называться она должна была гордо:

«По долгу гражданина». Немного поразмыслив, я согласился, тем более что этот труд неплохо оплачивался – по договору – более 500 рублей (две моих месячных зарплаты).

Сказано – сделано. Пришлось мне погожими летними вечерами, чертыхаясь, сочинять эту треклятую брошюру. Для начала составил план: обозначить факторы, способствующие совершению преступлений и других правонарушений, рассказать о народных дружинах и товарищеских судах. Разъяснить, что граждане, применившие для пресечения правонарушений насилие, пользуются защитой советского законодательства.

Для главы о необходимой обороне придумал броский заголовок: «Не убегай, а защищайся!». Писал, зачеркивал, исправлял, переписывал и кое-как с грехом пополам к осени набрал нужный объем текста. Потом дополнительная работа с редакторами, корректорами и, наконец – финиш! Как говорится, пройдите в кассу...

Вот тогда-то, получив эти «левые» деньги, мы с женой и решили образовать «автомобильный» фонд, положив на сберкнижку первые 500 рублей.

Нашему младшенькому в то время было пять лет. Видимо, от своего деда Федора Дмитриевича он унаследовал прямо-таки фанатичный интерес ко всему, что двигалось на колесах, мог часами замороженно глазеть на стоявшую у дома автомашину, знал все их марки и названия.

Поэтому ничего другого нам не оставалось: надо осчастливить ребенка, купив ему автомобиль. Правда, в данном случае слово «автомобиль» звучит

слишком громко, речь-то шла о «Запорожце», который стоил чуть более двух тысяч рублей. В то время по стране гуляла целая серия анекдотов об этом «чуде техники».

Мне больше других нравился следующий:

Встретились осёл и «Запорожец».

Осёл спрашивает: «Ты кто?» – Я автомобиль!

– «Ну, если ты автомобиль, то я – орловский рысак!».

Я записался в очередь на «Запорожца», а в 1977 году закончил водительские курсы. В следующем году долгожданная покупка совершилась, мне удалось «урвать» новый, хотя и помятый (во время перевозки) «ушастый» «Запорожец», который стоил уже 2300 рублей. К этому времени я переоборудовал сарай во дворе в гараж, куда и поставил оранжевого красавца.

Утром привел в гараж сынишку, который о покупке еще не знал (готовили сюрприз). Федя (ему уже было семь лет) буквально оцепенел от восторга, не мог вымолвить ни слова, только глаза выдавали его безумное счастье. С этого дня он стал называть «Запорожец» лучшим автомобилем в мире, а меня, соответственно, – лучшим в мире водителем (с годами его мнение о нас обоих сильно изменилось).

«Запорожец» наш имел и положительные стороны: он был неприхотлив, питался 76-ым бензином и отличался по сравнению с «Жигулями» высокой проходимостью. Мы ездили на нем по грунтовым дорогам, по грязи и даже по лесу.

Однако и внимания он требовал постоянного. Каждый раз перед выездом надо было проверять уровень масла, давление в шинах, наличие тормозной жидкости (однажды такая бдительность предотвратила возможную аварию).

Поездка к морю

Если в театральной пьесе на стене висит ружье, оно обязательно... (правильно, – выстрелит). Ну а если у нас завелся такой «рысак» – требуется большое путешествие.

В 1978 году отец Адели отдыхал на Азовском море, в городе Бердянске. Ему там понравилось, и он договорился с хозяйкой дома о том, что через год приедет его дочь с семьей. Так что точка на карте у нас определилась.

Вообще-то такая дальняя поездка – более тысячи километров – с малыми детьми, на ненадежном автомобиле, при неопытном, технически неподкованном водителе, без сопровождения друзей или попутчиков, – была авантюрой, даже безумием. Но молодость ничего не боится, мы уже загорелись духом дороги и надеялись на русское «авось».

Купили дорожный атлас, мини-газовую плиту, я взял на работе под расписку брезентовую двухместную палатку. В течение нескольких месяцев Адель сэкономила деньги, чтобы потом, на море, уже не «жаться».

Получилась солидная по тем временам сумма – около 750 рублей (это примерно три моих зарплаты, или стоимость хорошего цветного телевизора).

Чтобы не было проблем с горючим, взял с собой 20-литровую канистру с бензином. Кроме того, купил талоны на 100 литров. На случай встречи с хорошими людьми купили 3 или 4 знаменитых Тульских пряников в больших коробках.

Ехали не спеша, с остановками. Полдня провели у друзей в пос. Первомайский (Щекинский район), заночевали в Черни, у Ивана Украинца, о котором я писал выше. Вторая ночь застала нас под Харьковом.

Недалеко от дороги в лесочке поставили палатку, поужинали и благополучно переночевали.

Всё нам нравилось, всё было интересно. «Запорожец» добросовестно тянул, обгоняя на подъемах грузовые машины. Однажды мы с ним неосторожно попытались обогнать тяжелый «КамАЗ», но не тут-то было.

«КамАЗ» взревел и после длительной борьбы все же ушел от нас. Видно, оскорбился, что его пытался обойти какой-то «Запорожец».

Проезжая по Украине, сделал несколько неутешительных наблюдений: качество дорог здесь заметно лучше, деревни и села – чище. В столовой, где мы обедали, был широкий выбор, блюда вкуснее и дешевле, чем в России. Еще одна особенность: на проезжей части то и дело встречались велосипедисты, причем около половины из них – женщины.

Подъезжаем к предпоследней точке нашего путешествия – город Токмак. Отсюда до Бердянска – около сотни километров. Погода отличная, светит солнышко. Еще одна удача – успели войти в ресторан перед самым обеденным перерывом. Посетителей мало, мы заняли хороший столик у окна. Широкий подоконник, тяжелые шторы задернуты от солнца. Вот сюда, за штору, Адель и поставила свою сумку, в которой были все деньги, наши паспорта и талоны на бензин. Когда закончили трапезу, обеденный перерыв еще продолжался. Мы встали, приветливо попрощались и вышли (а сумочка осталась!).

Дальше мы ехали очень оживленные, нас опять всё радовало. Умилила даже табличка у дороги: «Извините за временное беспокойство! Строим для вас.»

Вот и цель нашего путешествия – город Бердянск. В баке заканчивался бензин, уже давно горела тревожная красная лампочка. Еду к ближайшей АЗС. Прошу жену достать из сумочки талоны на бензин.

Несколько секунд стояла тишина, и тут я услышал ужасный вопль:

– Нашей сумочки нет!!!

Приехали! В чужой город, без копейки денег, без документов, с пустым бензобаком и утраченными талонами... Адель с этой минуты изменилась до неузнаваемости, за все время нашего путешествия я больше не видел ее радостной или улыбающейся, только грусть, подавленность и слезы. У нее был такой вид во все оставшиеся дни, словно умер кто-то из близких. Она постоянно

корила себя за то, что не купила по дороге детям то или иное, о чем они просили, за то, что испортила задуманную песню и за многое другое.

Слезами горю не поможешь. Надо что-то делать, и в первую очередь – вернуться в тот злосчастный ресторан. Может быть, сумочка спокойно дожидается нас на подоконнике?!

Но где взять бензин? В минуту опасности человек собирает волю в кулак, действует быстро и решительно, говорит убедительно. Останавливаю первый встречный грузовик, коротко объясняю ситуацию, прошу хотя бы 10 литров бензина. Водитель все понял, молча помог мне перелить горючее. Я вспомнил, что в «Запорожце» есть Тульские пряники, и с благодарностью отдал их этому сдержанному и чуткому парню.

Не теряя ни минуты, едем назад, в Токмак. Дорога хорошая, держу скорость более ста километров. Движок натужно гудит, Адель всхлипывает, дети испуганно молчат.

Вот и ресторан. С затаенной надеждой спешим к подоконнику. Увы, чудес не бывает, сумочки нет. Обращаемся к той самой блондинке, которая нас обслуживала. Она делает удивленное лицо: «ничего не знаю».

Хотя по глазам видно: всё она прекрасно знает, но не хочет расставаться с подарком судьбы. Адель пытается вызвать в ней сочувствие, умоляет пожалеть хотя бы детей, но та ушла в глухую защиту: «не знаю, не брала, не видела».

Всё. Последний пузырь надежды лопнул. Снова едем в Бердянск. Хорошо еще, что сохранился хоть какой-то документ – моё прокурорское удостоверение, которое вместе с правами водителя было в кармане моей куртки.

Иду к прокурору города, к начальнику милиции. Они мне сочувствуют, как-то пытаются помочь. В тот самый ресторан направляется инспектор уголовного розыска (как оказалось, напрасно). Уголовное дело возбуждать отказались – нет состава преступления, эта злосчастная сумочка – забытая вещь. Нашей семье на сутки – бесплатно – предоставлен номер в гостинице. На следующий день с утра идем на почту, хотим дать телеграмму родителям. Адель сочинила такой текст: «Случилось несчастье, высылайте триста рублей». Я эту бумагу порвал, жену отругал:

– Разве это несчастье? Старики еще подумают, что кто-то погиб.

Была большая очередь, и мы решили вернуться на почту завтра, а сегодня показать детям море. Когда после моря вернулись в гостиницу, в дверь кто-то постучал. Вошел мужчина средних лет, представился:

– Следователь Бердянского РОВД Трунов Алексей Иванович. Я на машине, поедem, пожалуйста, к нам домой.

Через 10-15 минут мы уже в их квартире. Приветливая жена его Галина Петровна засуетилась, запричитала, стала усаживать нас за стол.

За ужином рассказала следующее. Сегодня муж во время обеда сообщил ей новость. Мол, приехала на машине какая-то семья, обедала в Токмаке, а жена-дура забыла в ресторане все деньги... Я бы такую убил!

– Лешенька, ну как ты можешь так говорить, люди попали в беду, может, им помощь нужна, – возразила мужу Галина Петровна и уговорила его привезти нас.

Вот так Ее Величество Судьба помогла нам встретить на жизненном пути замечательную, отзывчивую женщину, и все тучи как-то сразу рассеялись.

Галина Петровна сказала, что они люди небогатые, но рублей 100-150 могут одолжить. Мы с радостью приняли их помощь, Адель даже расплакалась. Я хотел было дать расписку, но они отказались:

– Не надо нам никаких расписок! Мы привыкли верить людям.

После этого наша жизнь более или менее нормализовалась. Мы поехали по имеющемуся адресу, поселились в частном доме, каждый день ходили к морю. Ребятам нравилось, а жена находилась в постоянном трансе. Телеграмму в Тулу мы так и не дали.

Через неделю возник спор: Адель хотела ехать домой, а я настаивал на продолжении отдыха – ради детей. Решили так: если Труновы смогут дать нам еще денег – останемся, если нет – уедем. Труновы наскребли нам дополнительных 100 рублей, и мы остались еще на неделю.

Вернувшись в Тулу, тут же перевели нашим спасителям деньги, а вслед направили посылку с дефицитным тогда тульским электрическим самоваром – в подарок. Переписка меж двумя нашими семьями длилась несколько лет, потом как-то плавно иссякла. Вскоре после возвращения домой мы обнаружили в почтовом ящике бандероль с двумя нашими паспортами. Естественно, без какой-либо записки и без имени отправителя. Но мы знали, что это – та самая блондинка, причинившая нам столько горя.

«Прошу откомандировать...»

Прокуратуру Тульской области регулярно – примерно раз в год – посещал Николаев Алексей Ильич, начальник организационно-методического отдела следственного управления Прокуратуры РСФСР.

В одном из районов области проживали его родители, и Алексей Ильич совмещал служебные поездки с семейными встречами. Обычно он интересовался ходом расследования каких-либо громких, актуальных дел, искал и находил крупницы положительного опыта. У него сложились

доверительные отношения с А.И. Кашиным, заместителем прокурора области по следствию. В конце 1979 года Николаев поинтересовался, нет ли в аппарате грамотного, пишущего парня, которого можно было бы взять в его (Николаева) отдел. Подумав, Кашин назвал мою кандидатуру, показал Николаеву подготовленные мною аналитические документы. Возможно, он хотел при этом убить сразу двух зайцев: и начальнику из Москвы помочь, и от настырного инспектора избавиться. Во всяком случае, Николаев переговорил со мной и получил моё предварительное согласие.

Для такого перевода у меня имелось как минимум три веские причины. Первая: мы с женой так любили Москву, так обожали ее, что пользовались каждой возможностью побывать в ней, подышать московским воздухом, как говорила Адель. Проживая в Алексине, а затем в Туле, мы ухитрились несколько раз побывать в столичных театрах, посмотреть отдельные фильмы кинофестивалей. В Москве осталась у нас «куча» друзей. Мы пытались обменять свои квартиры (в Алексине, в Туле) на комнату в Москве или даже в области, но не получалось.

Вторая причина состояла в том, что мы жили в Туле фактически в коммунальной квартире: мы занимали две комнаты, а в третьей жил одинокий сосед Иван Иванович (очень вредный и неряшливый старик) и, следовательно, кухня, ванная комната, туалет были общими. В этой коммунальной квартире мы прожили девять лет, и какие-либо перспективы на улучшение жилищных условий отсутствовали. Надо было что-то предпринимать, чтобы зажить по-человечески.

Наконец, следовало позаботиться о детях, об их и нашем будущем. Если мы, родители, останемся в Туле, со временем оперившиеся птенцы могут нас покинуть. Москва же – мощный «магнит», и пребывание сыновей в родительском доме почти гарантировано.

Как я и ожидал, Адель с радостью согласилась на мой возможный перевод в Москву. Ее даже не отпугнули реальные минусы: я буду получать на 50 рублей меньше (250 вместо 300), а она вряд ли скоро найдет работу в школе (периферийные учителя в Москве не котировались).

Через несколько месяцев Николаев позвонил мне и сообщил, что вскоре меня вызовут в Москву. Следственное управление Прокуратуры РСФСР было перегружено работой и частенько для помощи в разборе завалов вызывались люди с мест. Посылалась телеграмма: «Прошу откомандировать ФИО временно с такого-то числа». В марте 1980 года такая телеграмма поступила на имя прокурора Тульской области. Ничего не подозревавший П.А. Копейко подписал приказ: откомандировать Я.Я. Пистера с 1 апреля 1980 г. на 10 дней. Утром назначенного дня я был уже на новом рабочем месте.

Глава четвертая

ПРОКУРАТУРА РСФСР

Организационно-методический отдел следственного управления

Начальник отдела А.И. Николаев представил меня заместителю Прокурора РСФСР Н.С. Трубину, познакомил с коллективом.

Весь отдел размещался в одной комнате на первом этаже, семь столов тесно примыкали друг к другу.

Начальник отдела очертил круг моих обязанностей: владение тремя предметами – хищения социалистической собственности, приписки, выпуск недоброкачественной продукции. Я должен обладать полной информацией на этих направлениях, как в целом по РСФСР, так и по каждому из регионов. С перепиской по конкретным уголовным делам этих категорий, находящимся на контроле (надзорными производствами), меня обязаны знакомить зональные прокуроры. На каждое из таких дел я заводил карточку, куда вносил все необходимые сведения: фабула дела, должность и фамилия обвиняемого, размер ущерба и пр. На практике достаточно часто требовались справки по тому или иному региону для ЦК КПСС, Генеральной прокуратуры, нашего руководства, при выездах бригад. В таких случаях очень кстати были и цифровые данные, и конкретные уголовные дела. Осуществлялось взаимодействие с другими подразделениями центрального аппарата, в первую очередь с управлением общего надзора. Не реже одного раза в полугодие положение дел на каждом из направлений анализировалось, вносились конкретные предложения.

А вообще этот первый год был для меня довольно сложным. Семья осталась в Туле, я там очень нужен – как отец, муж, кормилец. За пределами Москвы люди не могли купить самое необходимое, а главное – продукты питания. Электрички на Москву были буквально забиты пассажирами (москвичи презрительно называли их «мешочниками»).

Вот и я каждую пятницу после работы влезал в электричку с пузатым продовольственным портфелем и ехал в Тулу не всегда сидя. А рано утром в понедельник, чтобы не опоздать на работу, ехал в Москву.

Подобным образом пришлось курсировать более года, пока не получил квартиру.

По вечерам среди недели спешить уже было некуда, и я оставался на рабочем месте, раскладывал по полочкам имеющиеся материалы.

Главным моим детищем стал «гроссбух» – толстая тетрадь, сшитая из огромных листов (на каждом листе – список всех 89 регионов РСФСР).

Сюда я занес число всех зарегистрированных преступлений за последние пять лет (по каждому из регионов и в целом по России), отдельно – по видам (умышленные убийства, разбойные нападения, грабежи и пр.), коэффициент преступности на 100 тысяч жителей, удельный вес пьянства, рецидива при совершении преступлений и прочее. Здесь же нашли свое отражение основные показатели следственной работы – сроки, качество, прекращенные дела и пр. Каждые полгода в тетрадь вносились новые данные.

Сухие цифры оказывали на меня какое-то магическое воздействие, непонятным образом успокаивали. Это занятие мне явно нравилось. Разумеется, свой «гроссбух» я зарегистрировал в первом отделе (засекретил его). На протяжении нескольких лет он верой и правдой служил мне и моим коллегам. А когда через 15 лет вернулся в следственное управление (начальником), этот ветеран статистики все еще находился в строю.

Получилось так, что мне с самого начала пришлось выезжать по этим предметам, особенно по хищениям, на места (Воронежская, Мурманская, Читинская области). Прошлый опыт работы в Туле очень помог мне на новом месте: я знал азы организации прокурорского надзора, умел видеть главное и четко изложить свои выводы в справках.

В ряде случаев заместитель Прокурора РСФСР Н.С. Трубин давал мне поручения напрямую, без согласования с начальником отдела. А.И. Николаеву это не очень нравилось, и я оказывался как бы меж двух огней. Осенью 1980 года в следственном управлении проводилось отчетно-выборное партийное собрание. Когда формировался состав нового бюро, Н.С. Трубин вдруг назвал мою фамилию. Это вызвало чуть ли не бурю протестов, слышались возгласы: «Кто это такой? Мы его не знаем!» И это соответствовало действительности: коллектив большой, свыше ста человек, а я проработал в нем только полгода. Тут я подумал, что уже второй раз совершенно неожиданно наступаю на одни и те же грабли (в Туле меня выдвинул в состав профкома П.А. Копейко). У меня не было никакого желания заседать в бюро, я был измотан командировками, поездками в Тулу, текучкой, поэтому встал и заявил себе самоотвод. Это моё заявление поставили на голосование, самоотвод отклонили, я остался в списке. В итоге я все-таки прошел в бюро и даже был избран заместителем секретаря.

Мне дали хлопотное и трудоемкое поручение – собирать членские взносы. Почти всякий раз я себя «обсчитывал» на несколько рублей (однажды – на десять), приходилось выкладывать недостачу из собственного кармана. По этому признаку поручение было еще и ответственным, но – в материальном его значении.

Примерно через год работы меня чуть повысили по служебной линии – сделали старшим прокурором, что дало повод для новых пересудов. Говорили даже, якобы я «подлизываюсь» к начальству. Последнее предположение меня особенно бесило: никогда ни перед кем я не пресмыкался и сам не любил подхалимов. Что касается Николаева, то у нас с ним были достаточно натянутые отношения. Он неплохо писал деловые документы, доклады, был приближен к Прокурору РСФСР Б.В. Кравцову, и на этом основании заметно возносился, пренебрежительно разговаривал с подчиненными и даже начальниками отделов. Мои попытки отстоять свое мнение его крайне раздражали, и он с презрением говорил, что, мол, яйца курицу не учат. Мое минимальное продвижение по службе он подавал как милость и намекал на мою неблагодарность.

Как-то я по его поручению подготовил традиционную информацию в Верховный Совет РСФСР о состоянии законности и правопорядка. Большой любитель редких, нестандартных слов и выражений, Алексей Ильич внес коррективы в сам заголовок, и теперь он звучал так: «Об извращениях при исполнении законодательства...» Мне эти «извращения» показались неудачными, я пытался ему что-то доказать, но шеф только презрительно усмехался и настоял на своем. Что касается меня, я и теперь считаю, что в данном случае сам заголовок и являлся извращением.

Более чем прохладные отношения сложились у А.И. Николаева с Н.С. Трубиным. Николай Семенович, человек действительно мудрый, при этом простой и доброжелательный, не терпит показухи, очковтирательства.

В этой связи вспоминается расширенная коллегия Прокуратуры РСФСР по итогам работы за 1980 год. Проект доклада было поручено подготовить нашему шефу – Николаеву. В знак особого расположения он привлек к работе и меня, доверив записывать свои импровизации.

Доклад получился «красивый», но довольно поверхностный, без привязки к положению дел и конкретных предложений. В пятницу он заявил мне:

– Вам уже пора налаживать связи с высшим руководством!

На самом деле он просто хотел использовать меня как курьера для передачи копии доклада в отдел административных органов ЦК КПСС. Так бы прямо и сказал: «Отнесите, пожалуйста», но нет, без позы он просто не мог. Короче, я сходил в ЦК и отдал бумаги инструктору. На этом мои «деловые связи» и закончились.

Через два дня, в понедельник, расширенная коллегия начала свою работу при участии нового Генерального Прокурора СССР А.М. Рекункова. Отчетный доклад было поручено сделать Н.С. Трубину. Я слушал его и ничего не понимал: это же совсем не тот текст, который подготовил Алексей Ильич.

Закончил доклад Николай Семенович резкой критикой в адрес своего заместителя Николаева, упрекнув его в крайней неорганизованности и личной безответственности. Для Николаева это был страшный удар по самолюбию и карьерным ожиданиям, да еще в присутствии Генерального Прокурора.

После коллегии я узнал: подготовленный Николаевым проект доклада Трубин категорически отверг, и за два дня – субботу и воскресенье – написал другой, деловой и конкретный.

Между тем мой общественный вес подрастал. На отчетно-выборном собрании 1981 года я снова, без особых приключений, вошел в состав партбюро и на первом его заседании меня выбрали «главным».

Считаю необходимым подчеркнуть, что я к этой деятельности не рвался, о выдвижении ничего не знал. Однако привык к любому поручению относиться добросовестно, так было и в этот раз.

По опыту работы заместителем знал, что выглядеть хорошим секретарем партбюро совсем не сложно. Нужно соблюдать только три условия: вовремя собирать членские взносы, ежемесячно проводить партсобрания и заседания бюро, а также аккуратно вести делопроизводство.

Увы, формализм давно уже заглушил всё хорошее, что когда-то прорастало в партийной работе, номенклатура сверху донизу произносила громкие пустые слова, меж тем как перемен к лучшему затевать и не думали. Именно поэтому наш народ так горячо на первых порах поддержал Горбачева, затем Ельцина и без сожаления похоронил всю партийно-советскую систему (но тоже на первых порах).

В конце 1982 года Н.С. Трубина перебросили на другое направление – куратором уголовно-судебного надзора, а к нам на его место пришел Борис Петрович Наместников.

С ним мне довелось работать еще в Туле, куда он пришел в 1976 году первым заместителем прокурора области. Молодой энергичный, требовательный, не боящийся принимать решений, – такую память он о себе здесь оставил. О таких, как он, в нашей среде уважительно говорили: «трудяга от земли», то есть человек, последовательно и успешно прошедший все ступени, знающий тонкости работы как следователя, так и прокурора. Ему повезло с наставником: под руководством одного из лучших областных прокуроров страны – Копейко – Борис Петрович профессионально рос «не по дням, а по часам». Через неполных три года он уже – прокурор одной из крупнейших областей – Пермской, и вот новый высокий, но крайне «взрывоопасный» пост (как правило, кураторы следствия на одном месте долго не засиживаются).

Борис Петрович за эти годы не изменился: всё такой же требовательный, принципиальный руководитель. Но в нем проглядывало и нечто новое: он стал более демократичным, более внимательным к людям.

О помощниках Б.П. Наместникова

Вскоре Борис Петрович предложил мне стать его помощником по особым поручениям. Хотя и неудобно было, но я отказался – просто испугался бешеной нагрузки, многочасовых бдений на работе без выходных, постоянного состояния войны с зональными прокурорами.

Помощником стал Воронов Владлен Иванович, ранее служивший в военной прокуратуре. Он единственный в нашем кабинете играл в шахматы и на этой почве у нас сложились доверительные отношения.

Владлен Иванович был старше меня лет на 15, участник войны, человек с хорошим чувством юмора. К тому же у него обнаружились явные способности художника-карикатуриста, и он набросал целую серию дружеских шаржей на меня, совсем не обидных.

Через несколько месяцев Б.П. Наместников подобрал себе другого помощника, более молодого и стойкого, В.В. Росинского, который «поселился» в нашей комнате вместо Воронова. Росинский отличался широким кругозором, грамотностью, но более всего нас удивляла его завидная выдержка.

Работа у помощника неблагодарная: весь огромный вал документов, требующих подписи заместителя Прокурора РСФСР, идет через помощника. Он не имеет права пропустить какую-то ошибку, небрежность, неточность. Обнаружив что-либо подобное, приглашает авторов. Те иногда обижаются, спорят, а некоторые даже скандалят. И тут происходит почти чудо: молодой Росинский тихим бесстрастным голосом, уважительным тоном переубеждает спорщика, и тот с ним чаще всего соглашается.

Через несколько лет Росинский стал начальником отдела в нашем управлении, был на хорошем счету, но неожиданно, по собственной инициативе ушел из аппарата, на должность заместителя одного из районных прокуроров города Москвы. На наши вопросы отвечал, что хотел бы попробовать свои силы на самостоятельной работе. Здесь у него тоже всё складывалось удачно: прокурор района, заместитель прокурора гор. Москвы, пока судьба не сделала ему подножку. Когда Президенту России Ельцину и его семье понадобилось выкинуть из кресла Генерального Прокурора Скуратова, Росинского каким-то образом заставили подписать незаконное постановление о возбуждении уголовного дела против Скуратова. Я уже много лет не встречался с Вячеславом Всеволодовичем, но думаю, что та горькая страница биографии не дает ему покоя и сегодня...

Кандидат в «писатели»

В школе и университете я английского языка не изучал, поэтому значения слова «спичрайтер» не знал, да оно меня и не интересовало. Уже работая в Прокуратуре РСФСР, устранил этот пробел в своем образовании.

Обычно это обособленная группа людей, которым первое лицо министерства (ведомства) доверяет готовить речи, доклады, выступления в печати. Мы называли, однако, таких людей по-русски и почти ласково: «писатели». В Прокуратуре СССР это были Демин, Цыганова, Ракита, Полозов, в Прокуратуре РСФСР – Коган, Полонский, Николаев. Как правило, они возглавляли какие-то аналитические или статистические подразделения либо были в ранге помощников по особым поручениям. В 80-ые годы главный «писатель» российского аппарата Коган здесь уже не работал. Получив очередное задание Прокурора РСФСР, Полонский (начальник отдела статистики) и Николаев уединялись где-либо и начинали творить. Зачастую им приходилось работать и по ночам, и в выходные дни. Труд этот – специфический, требует хорошего знания предмета и определенных литературных способностей.

Стало известно о скором переходе Полонского в другое ведомство, нужен был «запасной игрок». Вот тут-то и вспомнили обо мне, Николаев стал поручать мне отдельные разделы докладов, выступлений.

Потом и Николаева взяли от нас – в Прокуратуру Союза, я остался исполняющим обязанности начальника организационно-методического отдела и последним бойцом на «писательском» фронте.

Прокурор РСФСР Кравцов вызвал меня и попросил подготовить проект доклада к очередной итоговой коллегии, но с условием показать ему этот проект за несколько дней до коллегии. Я так и сделал, он посмотрел проект, сделал какие-то замечания, но в целом одобрил.

Оказывается, очень приятно, когда сидишь в большом зале и слушаешь текст, подготовленный тобой. Надо сказать, что голос у Бориса Васильевича сильный, красивый, выразительный, и в его устах казавшийся мне обыденным текст звучал весомо и убедительно.

Примерно через год Борис Васильевич пересел в кресло Министра юстиции СССР, и ситуация коренным образом переменилась. Пока же коротко расскажу о том, что произошло за этот год в нашем аппарате.

В «Литературной газете» появилась разгромная статья А. Ваксберга о произволе, творимом работниками прокуратуры города Москвы, о необоснованных преследованиях и незаконном аресте гр-на С. (судом он был оправдан). Генеральный Прокурор СССР А.М. Рекунков распорядился в этой связи провести служебное расследование, результаты рассмотреть на коллегии, виновных – наказать.

Выполнять это неприятное поручение досталось мне, и прошел я сию трудную дистанцию до конца. Отбирал объяснения от руководителей прокуратуры гор. Москвы, моих сосоварищей по аппарату, даже от заместителя Прокурора РСФСР Н.С. Трубина. Особенно много претензий было к начальнику зонального отдела В. Комарову, который формально относился к работе, не разобрался в данной ситуации и не принял своевременных мер к пресечению беззакония. В ходе проверки выяснилось, что Комаров практически устранился от исполнения своих обязанностей, многие документы подписывал «не глядя», что и привело в конце концов к эффекту разорвавшейся бомбы.

Коллегия состоялась с моим докладом, многие были наказаны, Комаров – уволен. Вскоре после этого Б.П. Наместников сделал мне предложение:

– Не хотите ли Вы поработать начальником отдела, вместо Комарова?

Я опешил. Как я, секретарь партбюро, буду выглядеть в глазах сослуживцев? Скажут: «Возглавил похоронную комиссию, чтобы занять место павшего». Нет, так не годится! Все эти свои соображения я высказал Борису Петровичу, и он со мной согласился. Через пару месяцев на место Комарова пришел – из Курска – Е.К. Лисов, ставший через несколько лет заместителем, а потом и первым заместителем Генерального Прокурора России. Скорее всего, он и не догадывался, кто освободил для него эту далеко не сладкую стартовую должность. Я, во всяком случае, ему об этом не говорил.

Летом 1984 года в Прокуратуре РСФСР было междувластие. Б.В. Кравцов уже ушел, а новый руководитель – еще неизвестен, тем не менее работа подразделений продолжалась в обычном ритме.

Я вновь выполняю обязанности начальника оргметодотдела (В. И. Кравцева перевели в Прокуратуру Союза) и работаю над докладом. Прокурором РСФСР был назначен С.А. Емельянов, прокурор города Москвы, несколько лет поработавший в отделе административных органов ЦК КПСС. Буквально на второй день он позвонил и пригласил зайти с проектом доклада. Приветливо поздоровался, о чем-то спросил и попросил оставить проект для ознакомления. До коллегии оставалось дней десять, и начался «вечерний марафон» по проработке доклада. Днем Сергей Андреевич был по горло загружен текущими делами, а вечерами и в выходные дни мы погружались в творческие муки...

Сергей Андреевич был из тех людей, которые готовы работать над текстом до бесконечности, десятки раз править как самого себя, так и соавтора. Иногда мы спорили по поводу тех или иных проблем, подлежащих включению (или невключению) в доклад, возникали разногласия при формулировках, но никогда он даже не пытался цыкнуть на меня, козырнуть своей властью, – это был диалог равных.

В конце концов многострадальный доклад был готов, но буквально за пять минут до начала коллегии Сергей Андреевич продолжал вносить исправления.

В последующие дни я занимался делами отдела. Хотя то и дело Сергей Андреевич давал мне какие-то поручения.

Потом началась череда каких-то странных намеков. Вначале машинистка из машбюро шепнула, что «бумага» на меня ушла в Прокуратуру СССР. Затем Б.П. Наместников как-то мимоходом обронил: «Скоро Вы возглавите самостоятельный отдел». Но переспрашивать, проявлять любопытство я не стал, и мы продолжили разговор на какую-то другую тему.

Ситуация прояснилась после визита ко мне Бачерикова, организатора партийной учебы в аппарате, который принес проект плана учебы в ... отделе статистики. Я удивился: «А какое отношение я имею к отделу статистики?» Тут уже удивился Бачериков и позвонил начальнику отдела кадров Макаровой: «Разве Пистера еще не утвердили начальником отдела статистики?» Не знаю, что ему ответила Макарова, но Бачериков извинился и тут же ушел.

На следующий день меня пригласил Сергей Андреевич и с каким-то виноватым видом предложил поработать его помощником по особым поручениям – спичрайтером (второй его помощник рассматривал почту).

Я понял, что по каким-то причинам не допущен к отделу статистики, и без особых сожалений согласился. Все-таки творческая, «писательская» работа мне нравилась больше, тем более что мне, единственному из всех «порученцев», установили персональную надбавку в размере 50 рублей.

Начальником же отдела статистики вскоре был назначен Е.В. Фетисов, – грамотный, эрудированный, добросовестный труженик. Думаю, от такой «рокировки» статистическое дело в органах прокуратуры России только выиграло.

Лишь 12 лет спустя я узнал причину, по которой меня тогда «зарубили». В 1996 году мне в управлении кадров доверили мое же личное дело (надо было составить какую-то справку), и я совершенно случайно наткнулся на ...анонимку. Она попала в руки А.М. Рекункова как раз в тот период, когда решался вопрос о моем назначении. Ничего конкретного мне вменить не могли, кроме того, что «неприятный внешне и внутренне...высочка...то ли еврей, то ли немец» и что таким людям в центральном аппарате не место. Автор анонимки всё рассчитал точно, сыграв на антипатиях Рекункова к людям с «неправильной» фамилией. Очевидно, он позвонил Емельянову и сделал ему соответствующее внушение.

Спичрайтер

Работа с Сергеем Андреевичем имела немало положительных сторон. Он предоставил мне полную творческую свободу, и я никогда ею не злоупотреблял. Заранее «охотился» за интересным материалом для докладов, публикаций, в погоне за чем-то новым, полезным изучал годовые доклады, переписку с прокурорами областного звена, копии представлений в управлении общего надзора и, конечно, прессу, в необходимых случаях затребовал копии документов прокурорского реагирования.

Механизм подготовки итоговых докладов был стар как мир: руководители управлений и отделов сдавали мне свои разделы, а я выжимал из них что-нибудь нужное. Позволю себе отвлечься: где-то лет через 15, когда я работал в отделе реабилитации, бывшая сотрудница отдела писем Вдовина рассказала следующее: начальник отдела писем В.И. Новокрещенов, имевший не только юридическое, но и филологическое образование, любил говаривать: «в аппарате только два человека умеют писать – я и Пистер».

Обычно Сергей Андреевич просил подготовить ему «скелет, болванку» доклада или статьи, а потом уже безжалостно кромсал его, зачеркивал, дополнял, исправлял собственный текст и так до последнего дня.

На мой взгляд, природа готовила из него въедливого, кропотливого ученого, который неожиданно подался во властные структуры. Кстати, он ранее успешно сочетал и то и другое: в период работы заместителем прокурора города Москвы защитил серьезную кандидатскую диссертацию.

Он был очень щепетильным человеком. Помню, как-то мы с моим напарником И.С. Линтваревым помогали Сергею Андреевичу собирать материалы для статьи в газете «Правда». Когда публикация состоялась, Сергей Андреевич чуть ли не насильно вручил каждому из нас третью часть авторского гонорара.

Сергей Андреевич бесконечно глубоко переживал за положение дел в сфере законности и преступности. Он разработал и пытался внедрить в практику целую систему профилактических мер, особенно среди несовершеннолетних. Каждый сигнал о неправильном поведении прокурорского работника он воспринимал как личное горе, день за днем тратил свое сердце...

Как правило, с работы он уходил не раньше 9 часов вечера, иногда – позже. Выходя, совершал «экскурсии» по кабинетам рядовых прокуроров и начальников отделов. Те, кого он часто видел во внеурочное время, обычно попадали в приказы о поощрении.

Он был из тех интеллигентов, которые видят свою личную вину перед подчиненными: за адскую нагрузку, за скученность в кабинетах, за символическую зарплату и за многое другое.

Мне особенно импонировала манера Сергея Андреевича говорить с людьми. Он никогда не позволял себе накричать на подчиненного (даже на разгильдяя), сказать грубость или гадость, одернуть его.

Не могу забыть одного нашего горячего с ним спора, суть которого в следующем. В мои обязанности, кроме «писания», входило также рассмотрение ходатайств о помиловании. По уголовным делам со смертной казнью наши специалисты готовили заключения, которые я должен был оценить и высказать свои соображения С.А. Емельянову. В отношении В. мои коллеги пришли к выводу, что его ходатайство о помиловании следует отклонить. Фабула дела такова: В. много лет добросовестно работал механизатором, награжден за это орденом. Однако в период очередной уборки урожая ушел в запой, на работу не выходил.

Когда к нему домой пришли директор совхоза и участковый уполномоченный, В. запретил им входить в дом, иначе будет стрелять. Парламентеры не послушались, вошли – и оба были застрелены из охотничьего ружья.

Я доложил шефу, что В. заслуживает снисхождения, Сергей Андреевич возмутился:

– Но он же убил двух человек, двух представителей власти!

Я возражал: «Обратите внимание на его личность. Он ранее не сидел по тюрьмам, как многие другие, всю жизнь добросовестно работал.

Я же не говорю, что его следует вовсе освободить, но помилования он достоин!»

Мы еще долго спорили, Сергею Андреевичу моя «гнилая» позиция явно не нравилась, но единственное, что он себе позволил, было:

– А Вы, оказывается, упрямый человек! – В ответ я заявил, что комиссия по помилованию примет именно то решение, на котором настаиваю я. Разошлись мы вполне мирно, и через несколько дней я узнал: моего «крестника» все-таки помиловали...

Рассказываю о человечности, мягкости Сергея Андреевича, и опять задаю себе вопрос: «Таким ли должен быть руководитель, не вредит ли это делу?» Невольно напрашивается сравнение с Генеральным Прокурором тех лет. Все знавшие А.М. Рекункова единодушны в том, что это был умный и умелый, волевой руководитель. Вместе с тем общеизвестно и то, что Александр Михайлович был демонстративно крут, высокомерен, груб, не всегда справедлив. На одной из коллегий так унизил следователя-женщину, что той стало плохо. Питая личную неприязнь, при первой же возможности отправил в отставку заслуженного человека, участника войны, начальника одного из отделов Прокуратуры РСФСР В.Н. Макарова. Виктор Николаевич до конца своих дней не мог забыть этой обиды, хотя был человеком незлопамятным и великодушным.

Очевидно, А.М. Рекунков не задумывался над тем, что несправедливость причиняет человеку глубочайшие страдания. И словно в назидание жизнь преподнесла ему урок, он сам стал жертвой оговора, когда бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаев, находившийся под стражей, заявил, якобы передавал Рекункову крупную сумму денег. На очной ставке в «Матросской тишине» Усманходжаев отказался от своих показаний и на коленях просил прощения. Вот тут-то бывший Генеральный Прокурор и сказал те самые слова, о которых раньше не задумывался: «Где же Ваша совесть, сколько же Вы причинили мне бессонных ночей!».

Легко быть (или казаться) «крутым», когда находишься на вершине власти. Однако подлинная сила духа познается не в период славы, а в минуту испытаний. После отставки Александр Михайлович вкусил всех прелестей обычного пенсионера, оказался на грани нищеты и вынужден был пойти – рядовым – в отдел реабилитации Прокуратуры России.

Потом его позвал к себе Ильюшенко – советником. И мы это одобрили – Рекунков действительно мог быть полезен.

Оказалось, что и.о. приблизил к себе ветерана не просто так, а с дальним прицелом. И вот уже Александр Михайлович на загородном «фуршете» уговаривает областных прокуроров «полюбить» Ильюшенко и заступиться за него перед Советом Федерации... В итоге акции «вечного и.о.» нисколько не поднялись, а прокуроры увидели истинное лицо бывшего супермена.

И если бы меня сегодня спросили, руководитель какого типа – Рекункова или Емельянова – вправе занимать высшую государственную должность, я бы без колебаний отдал свой голос за человеческого руководителя.

Кстати, еще одно любопытное наблюдение. Сергей Андреевич в ходе телефонных разговоров обычно был сама любезность: «Здравствуйте, добрый день!» и так далее. И лишь с Рекунковым он говорил сухо, сдержанно, без всяких эмоций. Однажды, положив трубку, с горечью сказал мне: «Все-таки нашел за что отругать».

Помощником-порученцем я проработал около трех лет. В первую треть этого срока мне всё нравилось. На втором году начали накапливаться негативные впечатления. Я всегда считал (и считаю теперь), что работа – любая – должна приносить радость. В моем случае всё более остро стали выступать «углы» должности. Ведь не зря Лев Толстой глазами князя Андрея видел в должности адъютанта нечто лакейское...

Мне не раз приходилось встречать у входа в здание и провожать к Сергею Андреевичу именитых просителей: писателя Сергея Михалкова, Героя Советского Союза Кантария, крупных чиновников – Сухарева, Чурбанова и других. Я понимал: так надо, это особенность моего должностного положения, и всё же... Я утешал себя мыслью, что Сергей Андреевич – очень деликатный

человек, его просьбы всегда вежливы и корректны, что некоторые другие помощники даже бегают за сигаретами для шефов, провожают их в аэропорт, потом встречаются и так далее, но легче от этого мне не становилось.

Не могло меня удовлетворить и «писательское» направление, именно в силу того, что шефу претила сама мысль выдать чью-то фразу за свою. Он мучился, терял драгоценное время на редактирование, но переделать себя не мог и не хотел. Всё чаще я думал о том, что работаю «на корзину».

Всё более стесняла почти физическая зависимость от шефа: пока он на месте, помощнику сам бог велел быть «под рукой». Вечерние бдения, практически все субботние дни на работе и – во имя чего? Ведь дети мои еще не выросли и хотелось бы бывать с ними побольше. Моя решимость поменять должность укрепилась на третьем году службы, когда я в одну из суббот ушел домой раньше Сергея Андреевича, и он потом сделал мне замечание за это. Причем я вовсе не обиделся на шефа, он был по-своему прав, просто мне пришло время определиться.

И я начал искать варианты. В контрольно-инспекторском отделе, начальником которого работал замечательный человек Г.С. Пономарев (будущий прокурор гор. Москвы) открылась вакансия старшего прокурора – как раз то, что я имел ранее. Набравшись духу, стал просить Сергея Андреевича отпустить меня. Он был удивлен и даже обижен и решил поначалу, что это просто моя блажь, посоветовал подумать еще раз. Но я уже всё для себя решил и снова, более настойчиво, стал просить о переводе. Ему ничего другого не оставалось как подписать моё заявление.

И вот я на новом месте, работа мне знакома и интересна, отношения с начальником великолепные, а самое главное – я ощущал себя свободным. Не испортил этих ощущений и тот факт, что персональную надбавку с меня сняли. Сидел я в маленькой комнатке вместе с заместителем начальника ОКУ Ковалихиным и еще двумя работниками.

С.А. Емельянов стоял на партийном учете в нашем отделе, приходил в наш кабинетик сдавать членские взносы, приветливо со мной здоровался. Несколько раз попросил меня прийти в субботние дни, – для работы над какими-то документами и я, разумеется, приходил. В одну из суббот он как бы между прочим поинтересовался, не хочу ли я возглавить свой бывший «родной» организационно-методический отдел. Для меня это было полной неожиданностью: уходя из «порученцев» я был уверен, что ставлю крест на своей карьере, но тем не менее шел на это, ибо свобода – дороже. Никаких резонов отказываться от предложения не было, и я согласился.

Начальник организационно-методического отдела

И вот я в том самом кабинете, где прежде сидели Николаев и Кравцев, а несколько месяцев и я – как исполняющий обязанности.

Кадровый состав почти не изменился, большинство прокуроров отдела мне хорошо знакомо. Не произошло существенных перемен в руководстве отделами.

Старейшим среди начальников отделов был Г.Р. Лайнер, участник войны, орденосец. С самого моего появления в аппарате Григорий Рувимович как-то пристально следил за мной (возможно, думал, что я еврей). Вспоминается такой эпизод: осень 1980 года, вечером в нашей большой комнате отмечается юбилей М.С. Бударина. Присутствуют все прокуроры-методисты, начальники отделов следственного управления, начальник отдела кадров. Я добровольно принимаюсь открывать многочисленные бутылки на столах и вдруг слышу:

– Оказывается, Пистер умеет не только бумаги писать!

Он был почему-то высокого мнения о моих аналитических способностях, два или три раза просил меня помочь при подготовке документов на коллегиях. Одним из первых с новым назначением меня поздравил именно Григорий Рувимович, а потом спросил:

– Ты, когда в аппарат пришел? – я ответил, что в 1980-ом. Его реакция была крайне неприятна:

– Значит, ты целых семь лет рвался к власти!

Я обиженно заметил, что никуда не рвался и что просто привык делать свою работу на совесть. Григорий Рувимович извинился за бестактность, и мы заговорили о другом.

На дворе – разгар перестройки. Советские люди (пока еще) горячо поддерживают «реформы» Горбачева, и я – не исключение. Все пытаются уверить друг друга (и себя тоже), что коренным образом перестроились или хотя бы делают шаги в этом направлении.

На одном из собраний избирается резерв на выдвижение руководящих кадров, в список попали и двое моих подчиненных – явные говоруны и никудышные аналитики.

Всё, что делалось в стране несколько лет назад, – подвергается критике и осмеянию – застою. Под убийственный огонь прессы то и дело попадают правоохранительные органы, чаще всего – прокуратура.

В Прокуратуре Союза ССР лихорадочно готовятся всё новые приказы о «коренной перестройке» тех или иных (а фактически – всех) направлений прокурорского надзора. Естественно, надо было что-то менять и в деятельности следственного аппарата, а также в прокурорском надзоре за соблюдением законности при расследовании преступлений.

Поступила команда: комплектовать отделы по предметному принципу. Если вчера отделы были «зональными», то теперь они уже «предметные»

(преступления против личности, хищения социалистической собственности, приписки и выпуск недоброкачественной продукции).

На меня ложилась тяжкая и неблагодарная задача – справедливо распределить штатную численность каждого из новых отделов. Я мобилизовал все свои знания, всю смекалку, кое-как подсчеты был закончены, но в конечном итоге все без исключения исполнители посчитали себя обманутыми.

Чуть ли не ежедневно стали возникать споры: какой отдел должен заниматься конкретным делом, если обвиняемый уличен не только в хищении, но и в приписках, взяточничестве и т.д. Вместо рассмотрения по существу начиналась «футбольная» возня, накапливались взаимные обиды. Возникла неразбериха во взаимоотношениях «верхи – низы»: над каждым руководителем следственного аппарата областной прокуратуры оказалось не менее четырех начальников в нашем (следственном) управлении. Люди плохо знают друг друга, качество работы от этого явно проигрывает.

Чтобы лучше разбираться в новой обстановке, охотно и часто замещаю кого-либо из отсутствующих начальников зональных (предметных) отделов. Не упускаю возможности побывать на местах. При обсуждении проектов планов добровольно вызываюсь возглавить ту или иную проверочную бригаду.

Особое внимание в те годы уделялось организации борьбы с пьянством. Здесь я всецело разделял позицию С.А. Емельянова, который подчеркивал, что в результате принятых мер удалось сберечь за один только 1986 год три тысячи человеческих жизней (девять тысяч против двенадцати), почти на треть сократились тяжкие телесные повреждения, грабежи и разбойные нападения.

В ходе таких выездов набирался опыта и продолжал работать над специальной памяткой по проверке организации прокурорского надзора по борьбе с пьянством. Помню, ко мне за методической помощью обратился М.Б. Катышев (в то время прокурор одного из отделов), я дал ему копию памятки, устно дополнив ее какими-то советами. После этой поездки Михаил Борисович горячо меня благодарил, несколько раз вспоминал о памятке и позже, когда стал заместителем Генерального Прокурора РФ.

Через полгода после возвращения в родной отдел меня снова избрали секретарем партбюро. Время было боевое, смутное. Кроме критики правоохранительных органов, отдельные средства массовой информации начинали подкоп под однопартийную систему. Активно обсуждался вопрос об исключении из Конституции СССР статьи шестой, закреплявшей властные полномочия КПСС в стране.

На партийных собраниях, заседаниях бюро высказывалось недовольство условиями работы, скученностью, запредельной нагрузкой, высказывались критические замечания в адрес руководства Прокуратуры РСФСР. На одном из заседаний так прямо и порешили: «заслушать на бюро отчет коммуниста С.А. Емельянова о принимаемых мерах...».

Чтобы как-то смягчить эффект, я немного изменил формулировку: не «отчет», а «информация».

Но всё равно подступиться к нему с таким неслыханным требованием было непросто. Однако делать нечего, поручение надо выполнять.

Зашел к Сергею Андреевичу, рассказал об обстановке в следственном управлении. Главная беда – это незаполненные вакансии из-за отсутствия квартир для новых (периферийных) сотрудников. Сергей Андреевич на меня страшно обиделся, даже покраснел, но сдержался, пообещав прийти. На заседании нашего бюро он сообщил, что уже принимается максимум мер для нормализации положения, и слово своё сдержал. К нам стали прибывать один за другим молодые сотрудники (в том числе Ильюшенко) под гарантии получения ими жилья.

В ожидании квартиры

Но вернемся в год 1980-ый. Когда договаривались с А.И. Николаевым о моем переводе, пришли к соглашению: администрация Прокуратуры РСФСР «выбивает» в исполкоме Моссовета разрешение на прописку, а я обязуюсь платить за кооперативную квартиру.

По этому пути и пошли. Я вступил в члены ЖСК и меня как юриста даже выбрали в правление.

Дело обстояло следующим образом: требовался предварительный взнос в полторы тысячи рублей, а общая стоимость 3-комнатной квартиры составляла 12 тысяч рублей, с рассрочкой платежа на 15 лет. К слову скажу, что все представители молодого пополнения, которые пришли в аппарат лет через восемь после меня (Аристов, Ильюшенко, Катышев и другие), получили квартиры государственные (т.е. бесплатные) и за гораздо более короткие сроки.

Итак, необходим вступительный взнос – 1500 рублей, но где взять эту внушительную сумму? Выход был один – продать «Запорожец», хотя для младшего сына это было настоящим потрясением. Так и поступили, оставшись без машины на долгие девять лет.

Перебравшись из Тулы в Москву, я поселился у старого знакомого и дальнего родственника Эрнста Лютца – того самого, который был гордостью школы и первым из зерендинцев поступил в МГУ. Но теперь это был совсем другой человек, и не только внешне (обрюзг, располнел, облысел). В его жизни за эти двадцать лет произошло много разных событий. Первая жена умерла при родах еще в период студенчества. По окончании университета Эрнст работал агрономом в подсобном хозяйстве Совета Министров СССР под Москвой, вторично женился – на продавщице, родил дочь. Дома часто устраивались застолья, и Эрнст незаметно пристрастился к спиртному. Года через три семья распалась, а еще через год он получил двухкомнатную квартиру в пос. Солнцево – тогда еще Московской области.

Первые дни проживания у Эрнста меня не насторожили, да и виделась с ним мало: рано утром выезжаю, поздно возвращаюсь, три ночи в неделю ночую в Туле. Он всё это время делал вид, будто продолжает работать.

Потом пошли мелкие подробности. Как-то утром слышу: он охает, причитает:

- Яша, умираю, ради бога, сбегай в аптеку за тройным одеколоном, – и начал плести что-то про редкую болезнь. Всё ясно, в аптеку я ходил.

В другой раз прихожу с работы раньше обычного. Он, очевидно, увидел меня в окно и срочно изобразил «научную» сценку: положил на стол том «Капитала», общую тетрадь и ручку – якобы для конспектирования (все-таки стыдно признаться в тунеядстве).

Оказалось, я вовремя у него поселился: приносил какую-то еду, платил за квартиру. Вскоре выяснилось, что у него есть жена и 4-летняя дочка. Мадыгма (так звали жену-бурятку) когда-то работала с ним вместе, до сих пор любила, хотя и жили они раздельно (на языке юристов – за невозможностью совместного проживания).

Как-то поздно вечером он вернулся с разбитой головой, кровь капала на пол. Я позвонил в «скорую», а там, узнав адрес и фамилию болящего, отказались ехать: «этот пьяница нам надоел». Но я проявил настойчивость, даже пригрозил, и эскулапы приехали.

Мог ли я раньше подумать, что этот умный, талантливый парень так плохо кончит? Какой след он оставил в душе каждой из трех дочек (от трех матерей), выросших без отца?

Он пытался бороться с алкоголизмом, иногда один-два месяца не пил, затем попадал в какую-нибудь веселую компанию – и уходил в длительный запой. Страшно это. Человек теряет волю, а разум отказывается ему служить. Выдержал я эту «обыкновенную историю» месяцев семь, а потом еще полгода мотался по разным углам. С Эрнстом поддерживал связь только по телефону, но вскоре и она прервалась: в квартире поселились какие-то люди, о судьбе бывшего хозяина им ничего не было известно.

Между тем наш новый кооперативный дом в Марьино продолжал строиться, и я там неоднократно бывал – как по поручению правления, так и по зову сердца. Где-то в марте 1981 года 16-этажное красивое здание (бело-голубой парусник) в целом было закончено, предстояло провести жеребьевку, затем, по заявкам владельцев, устранить недостатки.

Члены правления ЖСК имели преимущество перед другими (как вознаграждение за хлопоты) и выбирали квартиры заранее. Помню, как я привез к новому дому Адель, и она выбирала нашу будущую 3-комнатную квартиру. Обошли несколько подъездов и вот на пятом этаже жена возбужденно хватает меня за руку:

– Яшенька, вот эта квартира мне нравится!

Вся привлекательность заключалась в веселеньких розовых с белыми цветочками обоях прихожей. Мне квартира тоже понравилась. Своё сообщение о выборе я передал в правление. Уже тогда мы с женой поняли, что это – последнее в нашей жизни пристанище. Супруге довелось прожить здесь почти тридцать лет, а моя итоговая дата – впереди...

Всю весну 1981 года меня не покидало ощущение праздника. Хорошо помню день, когда получил ключи от квартиры – 5 мая, и тут же в ней заночевал – привез из своего «угла» раскладушку и одеяло. В каком-то радостном оцепенении ходил по комнатам. Прикидывал, где что разместить. Планировка квартиры по тем временам действительно была передовой: большая, в 9 квадратных метров кухня, просторная прихожая, три отдельных комнаты, лоджия...

В ближайшие 14 лет мы ежемесячно вырывали из семейного бюджета по 45 рублей, что было весьма ощутимо, зато квартирный вопрос – лет этак на 15 – был закрыт.

Визит дружбы

Начало 1989 года. За свои 48 лет я еще ни разу не бывал за границей, хотя, если честно, не очень-то туда и рвался. Но вот неожиданность: позвонила «старшая сестра» А.А. Цыганова и спросила, согласен ли я в составе делегации прокуратуры посетить Чехословакию?

Недолго думая, я согласился. Азелина Алексеевна возглавляла такой же отдел, как и я, но в Прокуратуре Союза, и на этом основании я уважительно именовал ее «старшей сестрой». Она была большая умница, единственная в стране женщина-прокурор с двумя генеральскими звездами, умела не только красиво и убедительно говорить, но и достойно одеваться. К тому же она блестяще владела пером, была автором многих руководящих писем и указаний «сверху».

Насколько мне известно, ее недолюбливал только один человек, зато самый влиятельный – А.М. Рекунков. Во всяком случае, он не отказывал себе в удовольствии иногда испортить ей настроение, инициировал ее отчет на коллегии Прокуратуры СССР с предварительной проверкой.

Отдел, которым руководила Азелина Алексеевна, был сугубо мужским, и все мужчины охотно с ней сотрудничали. Я умышленно избегаю слова «подчинялись», поскольку взаимоотношения в отделе были самые доверительные (она не приказывала – просила), а ненавязчивые ее советы помогали схватить самую суть.

В назначенное время мы собрались в кабинете Цыгановой. Третьим в нашей небольшой делегации был прокурор города Железнодорожного Б.Ф. Кравцов – однофамилец бывшего Прокурора РСФСР, из прокурорской же династии (его отец всю свою жизнь посвятил служению закону, был прокурором Магаданской области, занимал другие должности). Обговорили все вопросы, могущие возникнуть в поездке – о денежных суммах, о сувенирах и прочее. У Азелины Алексеевны был талант общения с людьми, с самого начала

у нас сложилась немного приподнятая атмосфера, которую мы, мужчины, охотно поддерживали.

Где-то в середине февраля (1989 г.) наш «десант» стартует, – на служебной машине едем в аэропорт. Здесь ждут приятные мелочи: нас размещают в особом зале, при посадке не досматривают багаж. Через короткое время – посадка в Праге, где мы ощущаем не по-московски теплую, уже весеннюю погоду. Нас встречают, заботливо препровождают в особняк, размещают всех раздельно. Комнаты просторные, зачем-то с двумя кроватями, с набитыми пивом холодильниками. Уже к вечеру я «переезжаю» к Борису – русская душа не терпит одиночества. Этот естественный для советского человека поступок вызывает недоумение у obsługi – уж не «голубые» ли наши гости?

Разместившись, едем в прокуратуру, знакомимся с планом культурных и деловых мероприятий. Гвоздь программы – торжественный прием у Генерального Прокурора Чехословакии (нас удивило, что в такой небольшой стране – целых три Генеральных: всей Чехословакии, отдельно Чехии и отдельно – Словакии). Как водится – приятные речи, обмен комплиментами, чай, кофе... а где же привычные для россиянина горячительные напитки? Они появились в самом конце приема – по рюмочке сливовицы – крепкого и очень вкусного напитка. По привычке хотелось чем-то закусить, но – здесь так не принято. Чехи, хоть и славяне, давно уже впитали в себя европейские (не наши) традиции. Я сделал для себя правильные выводы и уже на других торжественных обедах держал в кармане какую-то «закуску» – конфетку или еще что-нибудь.

Скучать нам не давали, каждый день был чем-то заполнен. Посещали памятные места, музеи, даже знаменитый пивбар (по расписанию), обменивались опытом прокурорской деятельности.

Интересной показалась норма закона, в соответствии с которой срок содержания под стражей продлевался не прокурором, а судом – вроде бы демократично. Но смущало другое: суд при этом не исследовал доказанность вины арестованного. На деле это означало лишь красивую вывеску, фарс, и мы втайне гордились: уж наших-то прокуроров прежде всего интересует доказательная база.

Запомнилась поездка в Словакию. Здесь мы тоже встретились с Генеральным Прокурором, беседовали – и в деловой и в неформальной обстановке – со многим людьми. Остались почему-то в памяти две цифры: проживавшие в Словакии цыгане составляли тогда около 5% населения, тогда как удельный вес совершаемых ими преступлений достигал почти 50%.

Мне показалось, что словаки более тепло и более уважительно – по сравнению с чехами – относятся к русскому народу. Наш визит в Братиславу выпал как раз на 23 февраля, и было приятно видеть, как искренне здесь чтят память погибших советских воинов.

За тот небольшой срок (неделя) что мы провели в Чехословакии, у меня сложилось впечатление: чехи весьма пренебрежительно относятся к словакам, даже при нас рассказывали довольно обидные анекдоты об этих «Иванах». В Чехословакии в то время все более накалялась политическая обстановка, «перестройка мышления» выплеснулась за пределы СССР и властно требовала перемен.

И эти перемены не заставили себя ждать: в том же 1989 году коммунистический режим в стране рухнул, два основных ее народа без явных сожалений «развелись», и вряд ли у них вновь возникнет желание объединиться.

Первое взыскание

Как я уже говорил, мне частенько приходилось параллельно исполнять обязанности кого-либо из начальников зональных отделов, в том числе Г.Р. Лайнера, зоной влияния которого была Москва – постоянная пороховая бочка. Случился очередной прокол: выяснилась многолетняя необоснованная волокита по одному из уголовных дел, А.М. Рекунков распорядился провести служебное расследование и наказать виновных. Проводивший проверку сотрудник Прокуратуры СССР глубоко не копал: увидел в переписке промежуточный ответ, подписанный мной, и включил меня в число волокитчиков.

В назначенный день в кабинете заместителя Генерального Прокурора СССР Катусева собрались «именинники». От нас – заместитель Прокурора РСФСР И.С. Землянушин, Ваш покорный слуга и зональный прокурор В.А. Тюрин.

Характерная деталь: за 2-3 дня до совещания на работу вышел постоянный и многолетний начальник этого отдела, и я сказал ему, что целесообразно было бы пойти «на ковер» ему, Лайнеру. Но Григорий Рувимович как-то ехидно улыбнулся и ответил: «Зачем я пойду? Меня же не вызывают!»

В роли ответчика я оказался впервые. До этого в личном деле красовались только приказы о поощрении. С другой стороны, прекрасно знал горькую полушутку: «Тот, кто не получал взысканий, не может считаться настоящим прокурором!»

И если бы я хоть на йоту чувствовал себя виноватым – покорно подставил бы шею. Но ведь волокита по злосчастному делу длилась четыре года, и в нашем управлении были люди, постоянно следившие за развитием событий. Я же столкнулся с ним впервые, никаких решений ранее не принимал, и ответ за моей подписью, повторяю, был промежуточным.

То есть налицо была, по отношению ко мне, явная несправедливость. И тут самое время признаться в существенном недостатке: в таких ситуациях я теряю контроль над собой, могу наговорить много разных слов, о чем нередко жалею.

Идет совещание, председательствующий поднимает меня. И я, как бык на красное, бросаюсь в атаку, выкладываю всё, что думаю о горе-работниках, заблудившихся в трех соснах, и так далее. Сидевший рядом Иван Семенович Землянушин дергает меня за рукав: «Спокойнее, спокойнее», но где взять силы остановиться? И он и Тюрин после совещания признались: никогда не видели меня таким разъяренным, и очень удивились.

Как бы то ни было, приказ все же состоялся, мне объявили первое в жизни взыскание – замечание. Злость моя к тому времени уже прошла, и я не стал более изображать из себя Дон-Кихота. Даже немного загордился – вот теперь я могу считаться настоящим прокурором!

Притяженье земли

Судьба распорядилась таким образом, что детство мое протекало в деревне, хотя и в районных центрах: на Алтае – Курья, в Казахстане – Зеренда. Почти все эти годы семья держала корову, поросенка, кур и возделывала землю – без этого не прожить.

Конечно же, мне приходилось «хозяйничать» и в хлеву, и на огороде, хотя эту «грязную» работу я в те годы тихо ненавидел. Вот вырасту, думал я, и уеду в город, буду работать на заводе токарем (а может быть, даже инженером!), и никакого тебе навоза, никакой возни с картошкой.

Потребовалось два-три десятилетия, чтобы эти воззрения как-то незаметно изменились, душа и руки потянулись к земле... В прокуратуре Тульской области в 1979 году образовалось садоводческое товарищество, куда я записался одним из первых. Сам себе удивляясь, охотно ездил на место будущего поселения, участвовал в разметке, с нетерпением ждал освоения «моей» целины. Однако через год состоялся перевод в Москву и мечту о садовоогородном рае пришлось отложить на неопределенное время.

В Прокуратуре РСФСР такая возможность появилась только через десять лет, и было не очень просто попасть в список соискателей, но удача улыбнулась мне снова.

В Москве и области масштабы совсем иные, чем на периферии, здесь дачнику без собственных «колес» никак не обойтись. Поэтому к покорению вершины наша семья готовилась комплексно, – я заранее записался на очередное «чудо» Автопрома – микролитражку «Ока». Однако реальный выпуск этих «автомобилей» (по существу – инвалидных колясок) застопорился, моя заявка на «Оку» уже третий год лежала без движения. И вдруг совершенно неожиданно осенью 1989 года пришло извещение: мне вместо «Оки» могут продать ВАЗ 9-ой модели. Надо сказать, что в тот период времени «девятка» считалась самой крутой советской машиной, экономичной и скоростной, и не зря ее облюбовали отечественные бандиты.

Больше всех неслыханной удаче обрадовался, конечно же, подросший, почти совершеннолетний Федор. Благодаря его настойчивости и энтузиазму мы с женой совершили почти невозможное – собрали «с миру по нитке» целых девять тысяч рублей.

В те годы дефицит на автомобили был огромный, а на «девятку» – просто фантастический. Как сейчас помню, выбрали мы белую красавицу, выгнали ее на улицу. Здесь к нам буквально прилип какой-то кавказец, чуть не на коленях умолял продать ему машину, предлагая – немедленно – двойную цену. Конечно же, нам пришлось остудить его горячую голову.

С большим трудом устроили «девятку» на платную стоянку в Марьино, где она благополучно перезимовала, и стали «пробивать» место в строящемся гаражном кооперативе. Благодаря Ивану Семеновичу Землянушину, который ходатайствовал перед властями Люблинского района, нам отвели бокс в одном из металлических «бараков» кооператива, в 15 минутах ходьбы от дома.

Вместе с сыновьями вырыли под гаражом погреб, обложили его кирпичом, оборудовали вентиляцию, и овощехранилище готово!

В зиму под 1991 год состоялась жеребьевка в садоводческом товариществе, мне достался один из самых дальних участков (явная удача – нет интенсивного автомобильного движения), и начался новый этап – освоение территории.

Ранее на этом месте был лес, его вырубил, всю деловую древесину вывезли, оставив лишь некондицию – березу, осину и не очень ровные ёлки. Вот из этих-то остатков нам предстояло вести строительство. Более или менее ровные стволы оставил на обвязку дома, а из остального стал возводить сарай – в первое лето мы планировали в нем поселиться. Практически всю зиму в один из выходных дней я приезжал сюда на общественном транспорте и отводил душу: обтесывал или шкурил бревна, распиливал их на куски по полтора-два метра длиной. Самая трудоемкая операция – раскалывать затем эти куски вдоль, на две относительно равные половинки. В таких случаях мне иногда помогали сыновья. Здесь мы использовали несколько топоров, металлические и деревянные клинья, и никакие морозы нам не были страшны.

Ближайшее лето (1991 г.) мы посвятили возведению упомянутого сарая и корчеванию пней. На наших шести сотках осталось более тридцати крупных и очень крупных пней, не считая мелких. Многие соседи решили проблему очень просто – заплатили трактористу и тот на мощной технике буквально сравнял с землей все остатки деревьев.

Однако при этом безжалостный нож бульдозера срезал и верхний слой гумуса – и без того крайне «жидкого» – около 10 см. в «награду» же незадачливому дачнику оставалось ровное, но мертвое глинистое поле.

Мы на такое варварство пойти не могли, и я, 50-летний «пионер», без устали сражался с деревянными монстрами. Помню такой забавный эпизод. Прибился к нашему «шалашу» какой-то подвыпивший дядя, удивился, что мы корчем вручную. Тут мой старший сын Дмитрий (24 года, служил в Афганистане), показал на меня, занятого работой, и выдал:

– А мы вот мужичка наняли, – за бутылку ...

И хоть я устал как собака, но оценил юмор и вместе с ребятами весело рассмеялся. В августе 1991 года, находясь в отпуске, я закончил сарай «под ключ» и поехал в Самару (бывший Куйбышев) в гости к А.В. Иванову.

Утиная охота

Несколько лет назад он пришел к нам из прокуратуры Куйбышевской области, работал зональным прокурором (и неплохо), потом его сделали начальником отдела.

Как-то я случайно узнал, что Иванов, как и я, увлекается рыбалкой. На этой почве сблизились: у меня была машина, у него – пропуск на закрытое водохранилище под Москвой.

Его жене не очень нравилось жить в Москве, она тосковала по милому сердцу Куйбышеву, где остались родители, и агитировала мужа вернуться домой. В конце концов он сдался и, махнув рукой на карьеру, стал проситься в прокуратуру Куйбышевской (Самарской) области.

Перестройка к тому времени одолела свой экватор, стремительно падал авторитет КПСС и партийных функционеров. Дошло до того, что уже никто в аппарате не соглашался занять некогда престижную должность секретаря парткома (в том числе и автор этих строк.). Тогда руководство Прокуратуры РСФСР и поставило Иванову условие:

возглавить на один год партком, после чего его отпустят на все четыре стороны.

Таким путем Иванов и вернулся в областную прокуратуру, на скромную должность начальника отдела кадров. Мы продолжали общаться – по телефону – и Александр Владимирович настойчиво приглашал меня в гости. В конце концов я пообещал приехать и в первой половине августа (1991 г.) оказался в Самаре, незадолго до открытия сезона охоты на уток. Собралась компания в 7 или 8 человек, и мы на трех машинах отправились в путь, на Волгу. Там поставили палатки и сразу началось веселое действо. Я лично охотой никогда не увлекался (жалко птиц и зверушек), в «профессиональных ассамблеях» ранее не участвовал и мне было интересно посмотреть на процесс изнутри... Убедился: всех этих людей объединяла безудержная страсть, – как к самой охоте, так и к соблюдению сопутствующих правил «этикета». Мне кажется, русские охотники сильно отличаются от своих зарубежных коллег именно потому, что до охоты они могут отвести душу, сколько угодно говорить обо всем на свете – о ружьях, утках, зайцах, охотничьих собаках, женщинах и даже о политике.

В нашей компании были и солидные директора предприятий, и прокуроры, и простые работяги, но здесь это не имело никакого значения – все были равны. Уважением прежде всего пользовались те, кто лучше других стрелял, знал все тонкости охотничьего ремесла, воспитал толковую охотничью собаку.

Конечно же, водка лилась рекой, она поддерживала высокий дух охотников. К сожалению, мой организм не приспособлен к широким

возлияниям и, приложившись несколько раз к стакану, я ложился спать. Ранорано утром все уже на ногах, никаких следов переутомления – начинается охота! И так – несколько дней подряд, откуда только силы берутся? Я же предусмотрительно захватил с собой удочку и ходил на ближайший пруд (без особого, между прочим, успеха) – охотничья романтика меня не влекла.

Заранее договорились, что снимаемся с якоря 19 августа. Утром во время хлопот я попросил включить радио, кто-то сказал, что некогда слушать, надо собираться, но я заявил:

– А вдруг там что-нибудь важное случилось, – и как в воду глядел. Передавали какое-то непонятное, жуткое и бестолковое сообщение об образовании Государственного Комитета по чрезвычайным ситуациям – ГКЧП. – Мужики обалдели и даже заподозрили меня в соучастии (выходит, ты знал!). Озабоченные и молчаливые, двинулись мы в обратный путь. В Самаре я распрощался со всеми и уехал в Москву.

«Разборки» в Тамбове

Через несколько дней мне позвонила начальник управления кадров Валентина Степановна Балашова. Мы с ней были знакомы уже около десяти лет. Ранее, когда она еще работала в отделе общего надзора, мне довелось по поручению парткома проверять в ее отделе работу по разрешению жалоб, адресованных очередному съезду КПСС. Организация этой работы мне в целом понравилась, хотя были и некоторые пожелания. И сама проверка, и обсуждение ее результатов на заседании парткома были благожелательными, по каким-то вопросам мы подискутировали, пока не пришли к общему знаменателю.

Года через два мы неожиданно оказались с ней в одной «пожарной» команде. Первый заместитель Прокурора РСФСР М.А. Сергеев распорядился срочно подготовить для него проект выступления на одном из совещаний в ЦК КПСС о работе народных дружин. Уже на следующий день, в субботу, мы собрались в одном из кабинетов главного здания и начали «творить». Поначалу дело не двигалось, я стеснялся брать инициативу в свои руки, поскольку Валентина Степановна была все-таки начальником отдела, а я – всего лишь старшим прокурором. Но потом взаимопонимание пришло, я стал «играть первую скрипку», а Валентина Степановна мне охотно помогала. Поручение мы выполнили, за что получили устную благодарность М.А. Сергеева.

Так вот, Валентина Степановна позвонила мне домой и попросила завтра же утром явиться к Прокурору РСФСР В.Г. Степанкову, с последующим выездом в гор. Тамбов. Я напомнил, что нахожусь в отпуске, на что она пояснила, что вопрос решен с первым лицом и что мне выплатят денежную компенсацию.

В 8 часов утра я в кабинете Степанкова. Он сказал, что звонил госсекретарь Белого Дома Бурбулис и просил разобраться, с выездом на место,

с прокурором Тамбовской области Шашуриным И.И. Машина из Тамбова уже стоит у здания нашей прокуратуры, пояснил Степанков.

Никаких пояснений, пожеланий он мне не высказал (видимо – умышленно).

Честно говоря, фамилия «Бурбулис» мне ни о чем не говорила, а новоявленная должность «госсекретарь» показалась экзотической. Ну что ж, подумал я, царь Борис устанавливает свои порядки.

Сел в машину с тамбовскими номерными знаками, и моя необычная миссия началась. Рядом со мной оказался некий П. – ярый член Тамбовского «демократического» движения, помощник народного депутата СССР, известного тележурналиста, одного из создателей программы «Взгляд» Любимова. Стало понятно: П. – типичный представитель новой волны «демократов» – беззастенчивый, наглый, бесноватый и прямолинейный. По дороге он рассказал, что во время путча ГКЧП они, местные «демократы», ходили к прокурору области, требовали обеспечить исполнение Указов Ельцина, но Шашурин под всякими предложениями от этого уклонялся. Такому человеку, считал П., не место во главе областной прокуратуры, его следует немедленно и с позором изгнать.

Узнав, что я являюсь заместителем Е. Лисова, П. посчитал меня «своим» и разоткровенничался. В частности, он поведал о том, как с группой единомышленников попытался выкрасть из областного КГБ секретнейшую информацию о тайных осведомителях, но чекисты после небольшой потасовки картотеку отстояли. Представляю, с каким злорадством он предавал бы гласности имена несчастных или шантажировал бы их, какие гонения обрушились бы на этих людей и их близких...

Уже тогда, в машине, он прямо заявил, что рассчитывает занять должность не ниже начальника областной службы безопасности. Слава богу, этого не произошло, через год я случайно встретил П. вновь, и он злобно ругал уже новые власти, не оценившие достойно активного специалиста, и привез на них «кучу компромата».

Было моему попутчику на вид лет тридцать. Желая произвести впечатление, он похвастал, что ранее был большим «начальником» в комсомоле, но его убрали – якобы за принципиальность. Позднее я узнал, что П. – обычный ворюга, и даже на комсомольской должности ухитрился что-то «прихватить». Когда его отлучили от кормушки, он люто возненавидел советскую власть и прибил к «демократам», надеясь совершить блестящую карьеру на новом поприще.

Одним словом, положение моё в этой поездке было незавидное. Я старался поменьше высказываться, не давать преждевременных оценок прокуратуре области, задавал всякие вопросы, чтобы лучше уяснить ситуацию. Но когда П. по простоте своей посчитал, что я могу несколько дней пожить у него, я наотрез отказался, мотивируя это тем, что проверяющий должен быть нейтральным.

В Тамбове я поселился в гостинице, в отдельной комнатке. Провел множество встреч и переговоров с лидерами общественных организаций, бывшими партийными и советскими руководителями области, редакторами газет, прокурорскими работниками (всё это, разумеется, в здании прокуратуры области). Иван Иванович вел себя достойно: не заискивал, не оправдывался, не пытался «накрыть поляну», то есть так, как ведет себя человек с чистой совестью.

Мой вывод был однозначным: прокуратура действительно не принимала мер к реализации Указов Б. Ельцина. Она и не могла, и не должна была поступить иначе. Еще со студенческой скамьи каждый прокурор впитал в себя главное и неукоснительное требование: законность в стране, в каждом ее уголке, должна быть ЕДИНОЙ.

Создание ГКЧП с юридической точки зрения выглядело законным. В отсутствие Горбачева по уважительной причине – болезни, – все его полномочия переходили к вице-президенту. Вспомним, что возглавил ГКЧП не кто-нибудь, а вице-президент СССР Янаев, при участии всех силовых министров. Другое дело, что сработала вся эта команда как-то бестолково, нерешительно, не в пример нахрапистому Ельцину.

Прокуратура – строго централизованное ведомство. Что оставалось делать И.И. Шашурину, если он, как и все другие областные прокуроры, получил телеграмму за подписью первого заместителя Генерального прокурора СССР А. Васильева, который в то время исполнял обязанности Генерального прокурора, – о безоговорочной поддержке ГКЧП и исполнении всех его распоряжений?

Горбачев, породивший своими сумасбродными амбициями пресловутую перестройку, в критический момент трусливо ушел в тень, – он якобы ничего не знал. Отвечать же за действия двух антиподов-предателей – Горбачева и Ельцина – пришлось прокурорам. Многие очень достойные, квалифицированные и честные прокуроры регионов России были выброшены на улицу. Убежден, в этом есть и немалая вина руководства Прокуратуры РСФСР (вскоре преобразованной в Генеральную прокуратуру РФ), и прежде всего лично В.Г. Степанкова.

Я же горжусь тем, что спас от несправедливой расправы хотя бы одного человека – И.И. Шашурина. Мне удалось достичь джентльменского соглашения с новыми правителями: они не жаждут «крови» Ивана Ивановича, а мы в свою очередь обязуемся переместить его за пределы Тамбовской области.

Так и поступили. По возвращении в Москву я доложил В.Г. Степанкову о достигнутой договоренности, он этим удовлетворился и дал соответствующую команду кадровикам. Через несколько месяцев И.И. Шашурин был переведен на должность прокурора Калининградской области. Я с ним после этой проверки больше не встречался, но думаю, что он тоже, как и я, помнит те тревожные дни во всех подробностях.

Бывало и так...

Человек отличается от животных не только тем, что умеет мыслить, говорить, но и – лгать. Ложь заложена в нем изначально.

Вот два малыша в упоении игрой нечаянно разбили дорогую вазу, и с громким плачем показывают друг на друга пальчиком. «Это он!»

Один из них явно неправ, но – у детей богатое воображение, малыш уже убедил себя, что виноват другой, осталось убедить в этом только маму.

А вот известный на всю страну враль и шут-политик Жириновский самозабвенно «развешивает лапшу» на наших ушах, и только частые прикосновения к носу выдают подлинную цену его слов: соврал – потрогал, соврал – потрогал. Через 25-30 минут нос у него обычно становится красным. Зачем Вольфовичу это надо? А затем, чтобы «запудрить» мозги наивным людям и еще несколько лет продержаться в Государственной Думе, чтобы иметь свой кусок хлеба не только с маслом, но и с икрой.

Вот встречаются два приятеля, толстый и тонкий.

– Почему не звонишь?

– Да вот с делами зашился, забот много, а времени совсем нету, – оправдывается тонкий, хотя на самом деле ему просто не хочется больше контактировать с толстым, ему приятнее побыть одному. Но ведь не будешь объяснять эту – истинную – причину, проще отговориться.

Хоть и мелкий, но обман... и такие ситуации складываются у многих из нас чуть ли не каждый день. Мы даже и оправдательный термин придумали: никакая это не ложь, а простая отговорка.

Я не святой. В моей долгой жизни наверняка было множество и «отговорок», и ложных уверений, и прямого вранья. Как говорится, жизнь прожить – не поле перейти... Но в памяти моей почему-то крепко застряли две картинки из прошлого.

КАРТИНКА ПЕРВАЯ. Я работаю старшим помощником прокурора Тульской области, поддерживаю товарищеские отношения с прокурором отдела общего надзора С. Он моложе меня лет на 7-8, высокий, представительный, хотя профессионал – средний и, как мне казалось, без внутреннего стержня. Однажды он спросил:

– Яков Яковлевич, почему меня не назначают прокурором района?

Хоть я лично никакого отношения к выдвижению кадров не имел, но ответил откровенно:

– На мой взгляд, тебя назначать нельзя, потому что ты сопьешься.

С. возмутился, обиделся, стал доказывать, что я не прав. А я миролюбиво завершил:

– Что ж, буду рад, если ошибся.

Примерно через год после этого разговора С. все-таки назначили прокурором одного из районов. А еще через год судьба забросила меня с проверкой, во главе бригады, именно в тот район. Помощник прокурора и следователь – весь штат – работали добросовестно, особых замечаний к ним не

было. Но вот прокурора района за пять рабочих дней мы видели – мельком – только дважды. В это время здесь проходили какие-то выборы, и С. денно и ночью вместе с работниками райкома партии разъезжал по хозяйствам. Оба раза от него разило перегаром, он выглядел опухшим и постаревшим. При второй встрече я с ним серьезно поговорил, он чуть не плакал, клятвенно обещал «завязать» – как только закончатся выборы, сваливал вину на райкомовских. И я ему поверил. Хотя надежды на исправление было мало, алкоголь редко кого отпускает просто так.

Во всяком случае, когда после возвращения я докладывал прокурору области П. Копейко о результатах проверки, ни словом не обмолвился о пьянстве С., не поделился своими сомнениями. Типичная ложь воспасение... Ведь я знал нашего принципиального шефа, его нетерпимость к выпивохам: узнай он правду – и буквально на следующий день С. стал бы бывшим прокурором.

Мне было очень стыдно обманывать уважаемого мною человека, но в то же время жалко было и бесхарактерного С., верилось в его исправление. Прошло тридцать лет. Копейко давно уже на пенсии и живет в Москве. В декабре 2007 года на собрании ветеранов его публично поздравили с 89-ым днем рождения, а я после собрания провожал его до дома.

Мы шли не спеша, я поддерживал его под руку и выдал все, что о нем думал: что в моих глазах он лучший руководитель и так далее. Вспомнил я и ту давнишнюю историю про С, покаялся и попросил прощения за обман. Петр Александрович как-то грустно улыбнулся и сказал, что С. все же был уволен за пьянство, примерно через год после моего «бегства» в Москву и что «заложил» его один из бывших сослуживцев по отделу, с которым они когда-то приятельствовались. Я так и не понял в тот раз, на чьей стороне были симпатии Петра Александровича – на моей или на стороне бывшего приятеля С.

КАРТИНКА ВТОРАЯ. Весной 1984 года в Дагестанскую АССР прибыла большая наша бригада для проведения комплексной проверки.

Рабочим бригадиром был Г.С. Пономарев – будущий прокурор города Москвы, уволенный затем по Указу Б. Ельцина в день убийства Влада Листьева. Геннадий Семенович умел как-то спокойно, без нервотрепки и суеты организовать работу проверяющих таким образом, чтобы по возможности не отвлекать от работы проверяемых. Несколько часов в день он сидел в фойе прокуратуры Дагестана за письменным столом, открытый со всех сторон и доступный посетителям, выслушивал их жалобы, принимал заявления.

Мне он поручил изучить состояние прокурорского надзора за расследованием и раскрытием преступлений. Скажу честно: уровень этой работы меня явно разочаровал. Из рук вон плохо был организован контроль за раскрытием умышленных убийств, указания прокуратуры АССР по конкретным делам не выполнялись.

Обо всем этом и многом другом я написал в справке, которую передал через посредника в машбюро. Часа через два меня посетили высокие гости: прокурор Дагестана Ибрагимов Магомед Магомедович и его заместитель

Кехлеров Сабир Гаджиметович. Оба были крайне возбуждены, Ибрагимов заявил, что после такой нашей оценки Кехлерова обязательно уволят, что обком партии давно уже к нему подбирается.

Кехлеров стоял рядом и старательно изображал раскаяние. Хоть прокурор АССР и выражал беспокойство по поводу судьбы своего заместителя, мне почему-то показалось, что он больше озабочен собственной судьбой. Ведь Кавказ – дело тонкое...

Как бы то ни было, я дрогнул, справку переписал, акценты сместил и в таком виде передал ее бригадиру. Может быть, тем самым я действительно уберег Кехлерова от оргвыводов, он остался в прежней должности и со временем достиг больших высот. Ни тогда, ни после я не жалел о своем «акте милосердия», поскольку Кехлеров производил впечатление грамотного и толкового руководителя. Однако от его желания и усилий не всегда и не всё зависело – такова специфика региона (Кавказ – дело тонкое).

Сабира Гаджиметовича ожидала блестящая карьера, со временем он возглавил Конституционный суд Дагестана, затем был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, вскоре стал заместителем Генерального Прокурора РФ и успешно трудился в этой должности более четверти века (абсолютный рекорд!). Я неизменно радовался успехам этого человека и благодарил судьбу, подсказавшую мне много лет назад единственно правильный ход.

По делам несовершеннолетних...

1992 год запомнился неразберихой, хаосом, паникой... Советский Союз приказал долго жить, перестала существовать Прокуратура СССР. Вчера еще солидные и уверенные в себе люди враз остались без работы и без средств к существованию. Некоторых из них взяли к нам, в Российскую прокуратуру, которая теперь гордо стала именоваться Генеральной... Разумеется, наш аппарат от этого только выиграл, поскольку пополнился классными юристами. Так, на рядовые должности пришли Цыганова Азелина Алексеевна – генерал-лейтенант, и Серов Василий Елисеевич – генерал-майор, через некоторое время они снова заняли достойное своему уровню положение.

Двумя бывшими методистами из Прокуратуры СССР пополнился и наш организационно-методический отдел.

Через пару месяцев моё место занял Георгий Смирнов, мой однокурсник и замечательный парень (в Прокуратуре Союза он был начальником управления). Лично я от такой перестановки ничего не потерял, стал начальником отдела по делам несовершеннолетних, оставаясь одновременно заместителем начальника следственного управления (при той же зарплате и даже в том же кабинете). Да и время «рокировки» подоспело, поскольку психологи советуют работать на одном месте не более пяти лет. А именно столько прошло с начала моего назначения. Хоть я человек покладистый и миролюбивый, отношения с новым коллективом сложились не очень теплые. Выяснилось, что нагрузка на одного человека здесь почти в два раза ниже, чем в зональных отделах следственного управления. Несмотря на это, прокуроры

отдела несовершеннолетних постоянно жаловались мне, что их нагрузка – самая высокая в отделе. Парадокс, однако, заключался в том, что учета проделанной работы никто не вел – ни сами прокуроры, ни их бывший начальник В.В. Деревщиков. На самом низком уровне находилась трудовая дисциплина, опоздание утром на час считалось нормой.

В то время как прокуроры зональных отделов «пахали как негры», эти белоручки еле-еле шевелились. Я был вынужден приводить людей к общему знаменателю, повысил требовательность, заставил их учитывать свою работу, ввел в практику отчеты на оперативных совещаниях (ранее никто из прокуроров отдела даже не располагал данными о состоянии преступности по зоне).

Я не мог понять, как же это получилось, что мой предшественник, опытный и трудолюбивый В.В. Деревщиков, до такой степени распустил людей. Ларчик открывался просто: Деревщиков хотел выглядеть демократом, надеялся на сознательность людей, и пустил их работу на самотек. Мне такая жизненная позиция претила: раз ты начальник отдела и получаешь за это жалованье – будь добр обеспечить на своем участке элементарный порядок. Зато Деревщиков выглядел в глазах подчиненных хорошим начальником, а я – плохим.

Один или два раза на оперативных совещаниях я высказывал своё недовольство:

– До чего же распустил вас Деревщиков!

Разумеется, «доброжелатели» охотно рассказывали об этом самому Деревщикову, а может быть, даже и сгущали краски, но факт тот, что через несколько лет его затаенная обида «выстрелит» в меня, и очень ощутимо (рассказ об этом – в свое время).

Преступность несовершеннолетних завоёвывала в те годы всё новые высоты. В городах и поселках плодились лихие группировки, которые вначале просто озорничали, дрались, хулиганили, а затем под руководством опытных наставников превратились в организованные профессиональные банды, промышлявшие рэкетом, совершавшие жестокие убийства, разбойные нападения и грабежи. То и дело в разных местах возникали погромы отделов милиции.

В кино и на телевидении всюю раскручивалась блатная тематика, дети и подростки буквально млели при виде «крутых авторитетных пацанов». Их завораживала «романтика» безнаказанности и вседозволенности, нравилось видеть страх окружающих.

Как правило, преступные группы состояли из молодых людей 18-23 лет и подростков 15-17 лет. Если в банде оказался хотя бы один несовершеннолетний, ход расследования такого уголовного дела контролировался прокурорами нашего профиля.

В Генеральную прокуратуру сведения о подобных делах поступали, в основном, лишь тогда, когда возникала необходимость продлить содержание под стражей на срок свыше шести месяцев. Вот эти постановления

следователей о продлении процессуальных сроков и были нашей основной информацией. Эти документы мы изучали чуть ли не под лупой. Главные вопросы: доказана ли вина каждого из арестованных и не допущено ли волокиты при расследовании. В случае сомнений звонили на места, требовали представить дополнительную информацию. Остро реагировали на недостатки прокурорского надзора, во многих случаях направляли «ругательные» письма прокурорам областей за подписью заместителя Генерального прокурора, по наиболее вопиющим фактам истребовали объяснения соответствующих руководителей и решали вопрос об их дисциплинарной ответственности. Двум заместителям прокуроров областей приказами заместителя Генпрокурора В.И. Давыдова объявлены выговоры, копии приказов направлены во все регионы РФ.

Мы исходили из того, что каждый случай содержания подростка под стражей свыше 6 месяцев должен рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Ведь все эти полгода подросток находится в следственном изоляторе, в жутких бытовых условиях, под прессом более опытных и циничных уголовников.

Нам удалось убедить многих местных руководителей в том, что расследование дел о преступлениях несовершеннолетних требует особого подхода, самого пристального внимания и постоянного контроля, и постепенно политика кнута и пряника стала давать свои результаты: за неполные пять лет моего «правления» число подобных обращений в Генеральную прокуратуру сократилось втрое.

Но вернемся назад, в 1992 год, юбилейный: советской прокуратуре исполнилось 70 лет. В конце мая состоялось торжественное заседание в одном из больших залов Москвы. Торжественную часть открыл В.Г. Степанков, он же вручил нескольким счастливчикам удостоверения «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации». Кавалером под номером один этой награды стал Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов, который произнес небольшую и теплую речь.

Среди награжденных сотрудников центрального аппарата оказался и Ваш покорный слуга. Приятно...

Завершился вечер большим праздничным концертом с участием многих отечественных звезд. Соль представления заключалась в том, что его вели два таких интересных человека, как Ю.В. Никулин и ...В.Г. Степанков. Они прекрасно дополняли друг друга: Степанков заявил, что с детских лет мечтал стать конферансье, а Никулин признался, что впервые работает с прокурором, да еще такого уровня.

Это был последний юбилей СОВЕТСКОЙ прокуратуры – именно советской, но не российской. Вскоре отсчет времени сместился на два века назад, ведь именно в 1722 году Петр Первый основал своё знаменитое «Око государево». Забегая вперед, сообщу: в январе 1997 года в Кремлевском дворце состоится еще более грандиозный концерт, посвященный 275 годовщине российской прокуратуры. Но все это будет потом...

Памяти В.И. Кравцева

Осенью 2013 года неожиданно скончался Владимир Иванович Кравцев. В моей памяти он остался как толковый руководитель и как честный, справедливый человек.

В аппарат прокуратуры РСФСР он пришёл в 1981 году, начальником одного из зональных отделов следственного управления.

Крепкий, спортивного вида молодой мужчина как-то сразу располагал к себе. Не рисовался, не старался произвести впечатление, был простым и доброжелательным. Охотно согласился участвовать в шахматном турнире на первенство следственного управления, набрав около 50% очков. Проиграв партию, никогда не высказывал претензий к противнику и не пытался доказать, как некоторые, что, мол, «моя позиция была лучше».

Большинству сотрудников следственного управления Владимир Иванович пришёлся по душе, и вскоре его избрали членом партбюро.

Будучи самым старшим в составе бюро по занимаемой должности, он держался демократично, не позволял себе нравоучений, высокомерия, неуважения к коллегам.

Отличительная его черта – добросовестность. Владимир Иванович не мог принимать решений, не разобравшись с тем или иным вопросом до конца, не взвесив всех доводов «за и против». Именно по этой причине его можно было увидеть на рабочем месте поздно вечером или в выходные дни.

Требовательный к себе, Владимир Иванович не понимал людей безответственных, необязательных, не терпел поверхностного подхода к делу.

Как-то я оказался невольным свидетелем его разговора по телефону с одним из периферийных руководителей:

– Я бы не пошёл с Вами с разведку!

Это был максимум реагирования, который мог позволить себе Владимир Иванович. Грубости, оскорблений по отношению к подчинённым, даже нерадивым, он никогда не допускал.

Летом 1983 года В.И. Кравцев возглавил бригаду, проводившую комплексную проверку прокуратуры Ставропольского края. На меня, старшего прокурора оргметодотдела, он возложил проверку организации работы непосредственно в следственном отделе, его влияние на уровень преступности, состояние прокурорского надзора за соблюдением законности при расследовании преступлений и пр.

Окунувшись в работу, я с удивлением обнаружил, что заместитель прокурора края С. попросту устранился от дел, никак не влиял на состояние следствия, не владел информацией по элементарным вопросам.

О своих наблюдениях я осторожно доложил бригадиру. Оказалось, что Владимир Иванович по своим каналам пришёл к таким же выводам. Он сообщил мне, что С. ранее посчитал себя незаслуженно обиженным в карьерном росте и фактически отошёл от дел.

Через некоторое время Владимир Иванович поговорил с этим руководителем наедине и последний подал заявление об уходе «по состоянию здоровья».

Прочитав эти строки, кто-то может сказать, что вот, мол, негуманно обошлись с ветераном прокуратуры. Непросто было и нам с Владимиром Ивановичем принимать такое решение. Но, с другой стороны, рассуждали мы, этот человек возглавляет большой и важный участок работы, от его усилий во многом зависят состояние преступности и законности в крае. Кроме того, он своей пассивностью расхолаживает подчинённых, пресекая в корне всякую инициативу. Глядя на него, люди приходят к вредному выводу о том, что можно ничего не делать, и всё равно получать зарплату.

В 1983 году В.И. Кравцева назначили начальником организационно-методического отдела, старшим прокурором которого в то время являлся автор этих строк.

Приступив к новой должности, Владимир Иванович поинтересовался, есть ли какие срочные, «горящие» поручения Прокуратуры СССР. Я ответил, что есть, над этой докладной запиской работаю, и обещал представить проект (для ознакомления) к вечеру. Своё обещание я выполнил, было это в конце рабочей недели. Утром в понедельник – сразу к шефу, чтобы взять рукопись и отдать в машбюро. Каково же было моё удивление, когда он вручил мне уже отпечатанный текст.

Оказывается, он в выходные дни приходил в свой кабинет, подправил документ и сам же его отпечатал. Как бы извиняясь, пояснил:

– Срок же – сегодня. Я как раз иду в Союзную. Там и передам.

Вспоминается другая ситуация. В свое время начальник первого зонального отдела Г. Р. Лайнер оказал «добрую услугу» начальнику методического отдела А.И. Николаеву в заполнении вакансии:

– Возьми у меня зонального прокурора К., он и работу хорошо знает, и документ составить может.

Вакансия образовалась давно и Алексей Ильич, поверив коллеге на-слово, согласился с переводом К. в свой отдел.

Много лет назад К. закончил юридическую школу, потом – заочно – институт. Опыт работы у него был богатый, он мог при изучении конкретного уголовного дела дать толковые рекомендации: кого и по каким вопросам дополнительно допросить, какую еще версию проверить и пр.

Но для прокурора-методиста этих качеств явно маловато. Он должен уметь разглядеть в море цифр и фактов те или иные закономерности, тенденции, четко обозначить их и дать конкретные, аргументированные предложения.

Мне за свою 30-летнюю практику не раз доводилось знать коллег, которые блестяще выступали на собраниях или совещаниях, причем без бумажки. Но когда им нужно было изложить все сказанное в письменном виде, они явно пасовали. Это маловероятно, но это факт.

Я тоже на первых порах отказывался верить такой метаморфозе, но потом убедился: для отдельных людей устная и письменная речь – «две большие разницы».

Вскоре А.И. Николаев понял, что необходимых качеств аналитика у К. нет, и даже посетовал как-то, что «хитрый Лайнер» его обманул.

Когда организационно-методический отдел возглавил В.И. Кравцев, он, конечно же, тоже выделил «слабое звено». Считаю принципиально важным подчеркнуть, что ни Владимир Иванович со мной, ни я с ним по поводу профпригодности К. никогда не говорили.

Узнал я обо всем этом от самого К. Оказывается, В.И. Кравцев имел с ним тяжелый разговор, предлагал вернуться на зону с тем же окладом.

Но К. обиделся, пожаловался Прокурору РСФСР Б.В. Кравцову. Борис Васильевич пользовался в аппарате большим и заслуженным авторитетом и принял, как он полагал, справедливое решение:

– Не трогайте участника войны, пусть он работает там, где считает нужным. Если бы вдруг Борис Васильевич спросил тогда мое мнение, я поддержал бы Владимира Ивановича. Ведь в зональном отделе К. принес бы больше пользы, а сюда, на его место, пришел бы человек с творческой «закваской» и, следовательно, можно было ожидать большей отдачи от аналитической деятельности.

Владимир Иванович тяжело переживал свою неудачу, однако ни с кем (в том числе со мной) обидой не поделился.

В 1984 году мой бывший шеф А.И. Николаев, работавший к этому времени начальником одного из отделов Прокуратуры Союза, предложил мне перейти к нему, при этом строго-настрого наказал:

– Чтобы ни одна живая душа не узнала! – и я молчал, как партизан...

Но вот новость: Владимир Иванович сказал, что буквально завтра переходит на новую работу: начальником отдела в управление кадров Прокуратуры СССР.

От неожиданности я проговорился:

– Как, и Вы тоже? – пришлось рассказать о нашей с Николаевым договоренности.

Владимиру Ивановичу этот вариант явно не понравился:

– Нет, так не годится! Кто же останется у руля в отделе?

И тут я буквально кожей почувствовал, что столь ожидаемый мой перевод не состоится, что фанатичная преданность Владимира Ивановича делу окажется выше личных отношений, и что он сделает самые энергичные шаги, чтобы я остался на прежнем месте. Так оно и случилось. Через несколько дней позвонил Алексей Ильич:

– Ну что же Вы, и меня подвели, и сами в лужу сели! Я же просил: никому ни слова!

Несмотря на такую «подножку» со стороны Владимира Ивановича, моё уважительное к нему отношение не изменилось. Я знал, что он просто не мог поступить иначе.

Прошло время. В.И. Кравцев уже несколько лет работал прокурором Башкирской АССР, и работал неплохо. Заметно улучшились основные показатели прокурорской деятельности, был налажен хороший контакт с подчиненными. Однажды совершенно неожиданно Владимир Иванович зашел ко мне в кабинет, поговорили о том, о сем, в обеденный перерыв сыграли в шахматы. Был он какой-то возбужденный и в то же время рассеянный, три блиц-партии проиграл вчистую. На другой день я узнал, что В.И. Кравцев назначен на должность заместителя Генерального Прокурора СССР, куратором следствия. Теперь стала понятной причина его вчерашней отрешенности...

Занимая столь ответственный пост, Владимир Иванович оставался таким же простым и доступным, как ранее, при встречах первым пожимал руку, спрашивал, как живется.

Потом настало «смутное» время, Советский Союз развалился, Прокуратура СССР прекратила свое существование. Большинству ее сотрудников пришлось искать новую работу. Вакансии заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в то время не было, и Владимир Иванович около двух лет работал заместителем прокурора Московской области, – как всегда – добросовестно, с полной отдачей.

Затем вакансия появилась и на должность заместителя Генерального Прокурора РФ утвердили, конечно же, В.И. Кравцева.

Острейший политический кризис в стране продолжался. Как в калейдоскопе меняются Генеральные прокуроры Российской Федерации: Степанков, Казанник, Ильюшенко... На смену профессионалу, умелому дипломату В.Г. Степанкову волею судьбы (а точнее, «демократа» Ельцина) пришёл Алексей Иванович Казанник – наивный человек, но честный юрист, учёный муж, идеалист (Дон-Кихот, как прозвали его газетчики).

В августе 1991 года бестолково прозвучал холостой выстрел ГКЧП, окончательно укрепивший позиции Ельцина в его притязаниях на абсолютную власть. По этому факту возбудили уголовное дело, заговорщиков арестовали. В октябре 1993 года – новая битва за власть, теперь бунтовщиками оказались бывшие соратники Ельцина: Руцкой, Хасбулатов и другие.

Белый Дом, где они укрывались, расстреляли из танков, погибло более ста человек. Лидеров оппозиции тоже арестовали, а два уголовных дела объединили в одно производство.

А. И. Казаннику выпало тяжкое испытание: обеспечить объективное (как он полагал) расследование по упомянутому делу о деяниях злейших врагов Ельцина.

Алексей Иванович не строил из себя большого начальника или всезнайку. Он не боялся учиться у коллег следственной науке (и практике), старался вникать во все детали этого беспрецедентного дела. Ведь ходом расследования постоянно (и пристрастно) интересовался «хозяин» Кремля.

Непосредственной организацией расследования занимался заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Владимир Иванович Кравцев. Он систематически появлялся в следственной части, знакомился с новыми

материалами, вместе с начальником этого подразделения В.Х. Феткулиным составлял планы дальнейшей работы, правил проекты документов, адресованных «наверх».

Как правило, они же вдвоём еженедельно докладывали Казаннику о ходе следствия. Нетрудно представить, как мучился добросовестный Алексей Иванович: с одной стороны, от него агрессивно требовали скорейшего окончания дела, а с другой – он видел, какие архисложные проблемы возникают на этом пути.

Назовём лишь некоторые препоны, касающиеся расследования дела о событиях 3 октября 1993 г.

В этом «разгуле демократии» участвовали военнослужащие, однако допросить кого-либо из них долгое время не представлялось возможным, так как министр обороны Грачёв попросту запретил им давать показания. Было подготовлено специальное письмо Генерального Прокурора на имя Президента страны с просьбой отменить это нелепое распоряжение. Однако к этому времени выяснилось, что большинство военнослужащих – солдаты, завершившие срок своей службы, разъехавшиеся, как говорится, «кто – куда». Надо было устанавливать места пребывания бывших воинов, давать отдельные поручения о допросах, некоторых – вызывать и прочее.

В следственную бригаду по делу входили следователи не только прокуратуры, но и МВД, и Министерства Безопасности России. Через несколько месяцев после начала расследования Ельцин своим Указом распустил Министерство Безопасности, а это значит, что доказательства, полученные следователя несуществующего ведомства, теряют процессуальную силу.

Не был установлен окончательный размер материального ущерба в результате упомянутых событий. В уголовном деле имелось аж три разных справки на эту тему, и сумма в каждой из них отличалась от предыдущей буквально в разы!

Казанник прекрасно понимал, что при наличии таких пробелов в расследовании судебная перспектива дела равна нулю. Но «умники» из Администрации Президента, в том числе Ильюшенко, поднимали его на смех:

– Чего тут расследовать? Направляйте в суд видеокaдры, – и все дела!

Разгромив Верховный Совет и Съезд народных депутатов, Ельцин не нашёл взаимопонимания и с Государственной Думой. Вопреки его яростному сопротивлению она проголосовала за амнистию по двум «политическим» делам 1991 и 1993 годов.

Теперь массивной атаке подвергся Генеральный Прокурор. И сам Президент, и его верная команда чуть ли не выкручивали ему руки:

«Не вздумай выполнять требования амнистии, ни в коем случае не освобождай арестованных!»

Алексей Иванович, хоть и интеллигент (в лучшем смысле этого слова), все атаки выдержал и свой долг исполнил. Для него, в отличие от «гаранта Конституции», требования закона – не пустой звук.

В последних числах февраля 1994 года все вчерашние арестанты оказались на свободе.

Естественно, на этом карьера Алексея Ивановича закончилась.

Помню его прощальное выступление в Мраморном зале Генеральной Прокуратуры. Он не жалел о содеянном, и даже был горд тем, что пострадал во имя Закона. Он поведал нам о том, как эта «стая» безжалостно давила на него, как он был разочарован «демократическими» преобразованиями Ельцина и откровенно признался:

– Теперь я бы не уступил ему своё место в Верховном Совете СССР...

Мы, присутствовавшие в зале, устроили Алексею Ивановичу такую овацию, какая вряд ли звучала в лучших театрах страны и мира. У многих на глазах стояли слёзы...

А на другой день нам уже представили нового Генерального прокурора, хоть и с приставкой и.о., А.Н. Ильюшенко.

Его я тоже хорошо знал. В 1987 году я был уже начальником того же (организационно-методического) отдела следственного управления Прокуратуры РСФСР и, одновременно, секретарём партбюро управления. В кабинет вошёл высокий, стройный, довольно симпатичный молодой человек со значком мастера спорта на лацкане пиджака. Представился, сообщил, что хочет встать на учёт. Я, как и всегда в таких случаях, поинтересовался, откуда он приехал, где и кем работал, женат ли, каким спортом занимается и пр. Оказалось, что он мастер спорта по классической борьбе, близко знаком с самим Иваном Ярыгиным. Кроме того, увлекается шахматами.

Поначалу он производил довольно приятное впечатление: вежлив, доброжелателен, открыт. Частенько после работы играли с ним в шахматы. Потом стал замечать за ним стремление угодить, польстить, повышенное внимание к карьерному росту. Но особого значения этому я не придавал: молодой, всё образуется.

Интересная закономерность: он постоянно конфликтовал с коллегами – соседями по кабинету, но с начальством не ссорился никогда.

В течение 6 лет Алексей Николаевич медленно, но уверенно продвигался по служебной лестнице, и вот он уже зам. начальника отдела межнациональных отношений Генеральной прокуратуры РФ.

По роду службы как-то поехал в Чечню вместе с соратником Ельцина – С. Филатовым, осуществляя две функции: представителя прокуратуры и личного охранника начальства. Он сам мне потом рассказывал, как с автоматом на плече всюду сопровождал Филатова.

Я уже говорил, что Алексей Николаевич умел нравиться людям, знал, как забраться к ним в душу. Во всяком случае, Филатова он очаровал.

Вскоре в Администрации Президента освободилась должность начальника контрольного управления, на которую в марте 1993 г. и был назначен наш бывший коллега. Верой и правдой служил он Ельцину, был замечен и обласкан.

Менее чем через год – новое назначение – на пост Генерального прокурора (Ельцин не сомневался, что Совет Федерации безропотно утвердит Ильюшенко без приставки и.о.).

Итак, в конце февраля 1994 г. уже знакомый нам С. Филатов приехал представлять нового Генерального прокурора, дал ему слово.

Какая разительная перемена случилась с человеком! Всего год назад это был приятный молодой мужчина, теперь – бронзовый монумент в небрежной позе. Он что-то невразумительно (но – солидно) проговорил о новых задачах, которые нам надо решать, а закончил вовсе «круто»:

– Все – свободны.

– Вот спасибо, – острили шутники, – на свободу с чистой совестью!

А на следующий день мне позвонили из приёмной и сказали, что в 17.00 я должен быть у «самого». Думаю, – что бы это значило?

В назначенное время собрались в кабинете Ильюшенко: зам. прокурора РФ В.Э. Денисов, автор этих строк и ещё четыре человека из разных подразделений.

Ильюшенко пояснил, что его распоряжением создана специальная комиссия, которая призвана проверить организацию расследования уголовного дела по событиям 1991 и 1993 гг.

– У руководства страны складывается впечатление, что следствие по делу бойкотировалось, умышленно затягивалось, – заявил Ильюшенко.

Руководителем Комиссии утверждён Денисов, «рабочим бригадиром» – Пистер.

Вот такие пироги! Оказывается, «руководству страны» уже всё известно, а нам остаётся только оформить его выводы. Срок исполнения – один месяц. Каждую среду Денисов и Пистер докладывают Алексею Николаевичу о ходе и промежуточных результатах проверки.

Самое интересное: Денисов – «почётный» руководитель, а я – «рабочий бригадир». Это значит, что справку (можно сказать – приговор) придётся писать мне, и только мне.

Здесь уместно напомнить ещё об одном обстоятельстве: в связи с нападками на Казанника В.И. Кравцев в своём интервью очень резко отозвался об Администрации Президента и заявил, что если Казанника уберут, уйдёт в отставку и он (Кравцев).

Этого ему, разумеется, не забыли.

Вот он, момент истины! Кравцева они, конечно, уберут в любом случае, но не моими руками. Справка будет строго объективной и первый, кто её увидит из руководства, будет Владимир Иванович.

Итак, наше расследование началось. Мы скрупулёзно изучали организацию расследования, опросили множество следователей, знакомились с материалами дела.

Масла в огонь подливал тогдашний начальник следственной части О.И. Гайданов. Он всячески внушал нам, что следователи не умеют и не хотят работать, нарушают процессуальные нормы и пр. Чуть ли не каждый день он

приходил к Ильюшенко и доносил ему о новых прорехах в работе следственной части.

Таким же обвинительным был и настрой самого Ильюшенко. Он был убеждён, что дело действительно бойкотировали.

В ходе нашей проверки, разумеется, вскрывались и серьёзные пробелы в организации расследования, но мы убедились: бригада следователей сделала всё, что могла, об умышленном затягивании сроков не может быть и речи.

Об объективных препятствиях расследованию дела мы с Денисовым и докладывали и.о. Генерального прокурора (обычно с ним находился и Гайданов).

Ильюшенко явно нервничал, иногда просто выходил из себя. В один из таких моментов не выдержал я:

– Не надо на меня давить! Я не меньше Вашего живу на свете и не меньше работаю в прокуратуре. В справке будет только объективная информация!

После этого Ильюшенко как-то успокоился и потерял интерес к моей особе. Он понял, что социальный заказ «руководства страны» выполняется не так, как хотелось бы.

Закончив через несколько дней справку, я сразу пошёл с ней к Кравцеву. – Владимир Иванович, для меня Ваше уважение дороже, чем расположение Ильюшенко. За каждое слово в этой справке я ручаюсь.

Скорее всего, кабинет Кравцева прослушивался, – ну и пусть!

Владимир Иванович тут же ознакомился со справкой и, что особенно приятно, поблагодарил за объективность.

Прошло ещё какое-то время, и Владимира Ивановича из органов прокуратуры изгнали, на его место назначили О.И. Гайданова.

Моя фамилия была вычеркнута из списка соискателей на генеральское звание, я был «переведён на другую работу» с понижением: из начальников отдела в следственном управлении в заместители начальника отдела по делам несовершеннолетних.

Но такой поворот меня нисколько не опечалил, ведь с командой Ильюшенко мне не пришлось больше иметь никаких дел.

Портретная галерея

Киракозов

Пришло время рассказать о другом моем сослуживце, тоже Владимире Ивановиче, по фамилии – Киракозов. Но это будет совсем другая история.

Когда по злой воле Рекункова ушел на пенсию В.Н. Макаров, встал вопрос о подборе нового начальника «милицейского» отдела. Как-то Прокурор РСФСР Емельянов обмолвился, что видит в этой должности В. Киракозова. По словам Сергея Андреевича, это один из лучших районных прокуроров города Москвы и что у него во всем идеальный порядок: и вещи и мысли разложены строго по полочкам... Вскоре новый начальник вышел на работу. Лично у меня он никаких негативных

эмоций не вызвал, но в отделе его невзлюбили. Главное, что раздражало людей – его «черная» записная книжка, в которую он заносил все «проколы» в работе каждого прокурора. Причем делал это не тайком, а открыто, с каким-то иезуитским торжеством:

– А вот у меня записано... – После чуткого и доброжелательного В.Н. Макарова такое поведение нового начальника казалось кошунством.

Прошло несколько лет, в аппарате был создан новый отдел – межнациональных отношений. руководить которым было поручено В.И. Киракозову. Свободных кабинетов не было, его подселили ко мне, и я узнал его уже поближе. Друзьями или хорошими товарищами мы так и не стали, сохраняя вежливую дистанцию. Мне не нравилась его привычка долго и нудно говорить ни о чем, повторяя то и дело «Правильно я говорю?» Он очень любил лезть, буквально преображаясь от фальшивых слов. Частенько к нему заходил прокурор его отдела (а вскоре и заместитель) Ильюшенко, и они перемывали косточки опальному в то время Борису Ельцину (и пьяница, и самодур, и грубиян, и бабник) или Ильюшенко восторгался какими-то мудрыми решениями своего начальника. Будь я на месте Киракозова, я бы немедленно этот скользкий разговор прекратил, или перевел бы его на другую тему, но не таков Владимир Иванович. Он радостно поддакивает собеседнику, приводит какие-то новые примеры удачных решений. Теряется рабочее время, поощряются нездоровые поползновения...

Когда Ильюшенко стал исполняющим обязанности, он не забыл своего бывшего благодетеля и сделал его начальником следственного управления. Теперь мы с ним уже сидели в разных кабинетах и занимали неодинаковое служебное положение: я был всего лишь одним из заместителей Киракозова.

После того как я «не оправдал доверия» и.о. при проверке следственной части, отношение ко мне не только самого Ильюшенко, но и Киракозова заметно изменилось. Вдруг срочно потребовалось объединить два отдела по делам несовершеннолетних – общего надзора и следственный. Начальником объединенного отдела был утвержден Г.Полозов, а я – его заместителем. Против такого решения я ничего не имел, меня вполне устраивал Геннадий Флорович Полозов, с которым у нас в дальнейшем сложились нормальные служебные отношения.

Но Киракозов выбросил фортель: уже на следующий день после подписания приказа об объединении отделов перестал визировать любые исходящие от меня документы, в том числе «отсрочки». До реального объединения требовалось еще несколько дней, наши два отдела находились в разных точках Москвы (на Кузнецком мосту и на Калининском проспекте).

По надуманному поводу срывалось своевременное оформление «горящих» ходатайств о продлении процессуальных сроков, что было недопустимо. Я зашел к Киракозову и, глядя ему в глаза, сказал:

– Владимир Иванович, Вы так беспардонно ведете себя только потому, что за Вашей спиной – Ильюшенко!

В тот же день Киракозов побежал к Ильюшенко (на Пушкинскую улицу) и нажаловался, представив дело таким образом, якобы я заявил:

«Сегодня Ильюшенко есть, а завтра его нет» Наш и.о. обиделся и приказал провести служебное расследование, меня вызывал с объяснениями курирующий зам. В. Давыдов. Я ему всё честно и подробно рассказал, подчеркнув, что Киракозов всё переврал. Не знаю, что именно Давыдов докладывал шефу, но меня оставили в покое. На следующий же день нам дали мини-автобус, и мы перевезли своё имущество (огромный архив и текущие дела с документами) на Калининский проспект.

Такое некрасивое поведение Киракозова, его явная ложь настолько меня оскорбили, что я вычеркнул этого человека из списка порядочных и перестал с ним здороваться, при редких встречах (ведь мы теперь работали в разных зданиях) я насмешливо улыбался и проходил мимо.

В своей книге «Взгляд на правосудие изнутри» (2010 год) Владимир Иванович благосклонно называет и мою персону, спасибо ему за это.

Особенно за то, что он так высоко меня вознес. Судите сами. Верный своей привычке всё раскладывать по полочкам, автор приложил список упомянутых им фамилий, – по алфавиту. Так вот, на букву «П» всего два персонажа. Под номером первым – Пистер Яков Яковлевич, а затем уже, вторым номером, не кто-нибудь, а сам... Александр Сергеевич Пушкин! Bravo, Владимир Иванович, вот уважил так уважил!

История наших с ним отношений на этом не заканчивается, продолжение последует в свое время.

Простите меня, Виктор Николаевич!

Бывают люди, которые каким-то волшебным образом излучают свет и тепло. Их не так уж много. Входишь в большой зал, и среди множества знакомых и незнакомых лиц видишь два-три светлых пятна – это обладатели «белой магии», которые тебе приятны и с которыми хочется общаться, заряжаясь их здоровым оптимизмом. К числу таких людей относился и Виктор Николаевич Макаров.

Я был бы неискренним, если бы заявил, что между нами сразу же установились доверительные отношения. Весной 1980 года я пришел в аппарат Прокуратуры РСФСР методистом следственного управления.

Среди множества других обязанностей была и организация профессиональной учебы в следственном управлении. С привлечением начальников отделов составлял планы занятий (они проводились один раз в месяц), подбирал кандидатуры лекторов или практических работников, вел журнал учета посещаемости.

На мой взгляд, уровень занятий был вполне удовлетворительным и должен был приносить какую-то пользу зональным прокурорам, тем более что лучшие из них периодически делились опытом своей работы.

Однако посещаемость занятий была невысокой, почти треть зональных прокуроров отсутствовала без уважительных причин. Особенно часто пропускали учебу прокуроры «милицейского» отдела, начальником которого был В.Н. Макаров.

На одном из партийных собраний я попросил слова и высказал свои соображения по поводу профессиональной учебы. Я напомнил, что занятия проводятся в рабочее время, поэтому каждый факт неявки считается нарушением трудовой дисциплины, высказал критические замечания в адрес коммуниста Макарова.

Видимо, Виктора Николаевича моя критика больно задела, и в первые дни после собрания он со мной не здоровался. А я чувствовал свою правоту и мужественно (хотя и с горечью) переносил наступившее охлаждение. Зная, пока со слов окружающих, что Виктор Николаевич – исключительно порядочный и справедливый человек, я почему-то верил, что долго такая немилость длиться не может. Так оно и случилось.

Примерно через неделю Виктор Николаевич при встрече приветливо поздоровался, мы о чем-то поговорили и, довольные друг другом, разошлись, чтобы уже никогда больше не вспоминать о том эпизоде. Но я-то его не забыл, не раз впоследствии казнил себя за слишком резкий ход: ведь можно было просто, заранее, переговорить с Виктором Николаевичем и тем самым не ранить его самолюбие.

Что было, то прошло... И тогда, когда стоял у гроба, и сейчас, когда пишу эти строки, покаянно прошу:

– Простите меня, Виктор Николаевич!

Тех, кто знал Виктора Николаевича (и меня тоже), привлекала его спокойная уверенность, открытость, отсутствие фальши в словах и делах. Мы знали, что уже несколько лет он обихаживает тяжело больную жену, делает всю работу по дому, – и никаких жалоб, стенаний, только сочувствие к страданиям близкого человека.

Виктор Николаевич принадлежал к тому поколению 17-летних, которое сразу после школьной тропы ступило на военную. На фронт ушел добровольцем, после окончания военного училища служил радиотелеграфистом на крейсере, защищал Ленинград. В своих воспоминаниях, которые он написал под давлением общественности, он говорит: «Не могу ничего сказать о каких-либо своих геройских поступках. Могу лишь утверждать, что честно и с полной отдачей служил Родине».

В этих словах – весь Виктор Николаевич, к своим служебным обязанностям в прокуратуре он относился так же добросовестно, как к военной службе.

«Моряк» – так уважительно называли мы между собой Виктора Николаевича. Среднего роста, коренастый, спокойный и сильный, он как никто другой соответствовал званию моряка. Казалось, что годы не властны над этим человеком, в девяносто лет он выглядит не старше шестидесяти, по-прежнему водит машину, трудится на даче.

«Милицейский» отдел, которым руководил Виктор Николаевич, представлял собой пороховую бочку: чуть ли не ежедневно происходили какие-нибудь ЧП в различных уголках России. И, несмотря на постоянную «штормовую погоду», он, как и подобает капитану, сохранял спокойствие и выдержку, никогда не опускался до криков или оскорблений.

Виктор Николаевич был независимым человеком, одинаково ровно говорил и с подчиненными и с высоким начальством, одинаково откровенно высказывая тем и другим свое мнение. Именно эти его качества – независимость и принципиальность – породили неприязнь к нему со стороны будущего Генерального Прокурора А.М. Рекункова. С этим человеком судьба сталкивала Виктора Николаевича на протяжении многих лет, на разных ступенях власти: ведь он (Макаров) ранее работал в Прокуратуре СССР, в течение года исполнял обязанности заместителя начальника следственного управления.

Воспользовавшись формальным поводом, осенью 1986 года Рекунков отправил Виктора Николаевича в отставку. Возраст вроде бы пенсионный – 63 года, но мы-то знаем, что он полон сил, голова и руки тянутся к работе. Летом еще туда-сюда, можно отвести душу на даче, а зимой – пропащее дело. Связи с сослуживцами не терял, созванивался, встречался, ежемесячно приходил на партийные собрания (с учета так и не снялся).

Затем, когда в Прокуратуре РСФСР был создан отдел реабилитации жертв политических репрессий, Виктор Николаевич становится одним из первых и надежных его сотрудников. Прошло еще пять лет, и чинуши из отдела кадров решили: всё, Виктор Николаевич, Вам уже за 70, пора на покой. А тот факт, что этот «старик» даст фору многим молодым, никого не беспокоил.

В те годы слова «заслуженный отдых» звучали как издевательство: на нищенскую пенсию люди еле-еле сводили концы с концами. А ведь это было то самое поколение, которое проливало кровь в окопах или по 16 часов работало в тылу, приближая победу. Не легче было и в моральном плане: некоторые «умники» договорились до того, что, дескать, зря советский народ сопротивлялся, под Гитлером жилось бы лучше, во всяком случае – сытнее. Перестройка благополучно завершилась, «Союз нерушимый республик свободных» рухнул, клейменный позором со стороны «демократов». Вихри враждебные пронеслись и над прокуратурой, многие неугодные были уволены. В 1994 году я работал начальником отдела по расследованию дел о преступлениях несовершеннолетних (направление, безусловно, важное и актуальное, если только не считать понижения моего должностного статуса). В этом отделе уже длительное время не заполнялись две вакансии – неоткуда было взять людей (о предоставлении квартир периферийным выдвиженцам не могло быть и речи), в то время как ретивые кадровики упорно выпроваживали на «отдых» людей пенсионного возраста.

Я разыскал номер телефона Виктора Николаевича, созвонился с ним и попросил поработать в отделе несовершеннолетних по годовичному контракту (с отделом кадров я уже договорился). С таким же предложением обратился к Ю.А. Лаврову, весьма опытному и квалифицированному ветерану, бывшему

начальнику отдела в нашем управлении (он, кстати, находился с В.Н. Макаровым в дружеских отношениях).

Вскоре эти профессионалы вышли на работу, и нагрузка в отделе нормализовалась. К тому же появилась прекрасная возможность – и у меня, и у прокуроров отдела – посоветоваться с бывальыми людьми, выслушать их авторитетное мнение. За те участки, где работали Макаров и Лавров, я мог не волноваться, все поручения они выполняли на высоком уровне и в срок.

А годы, как им и положено, летели всё быстрее и быстрее... Следующий этап наших контактов – ветеранская организация Генеральной Прокуратуры, где Виктор Николаевич – член Совета, и не только почетный, а еще и активно работающий. Мы встречались на собраниях, на каких-то других мероприятиях. Когда выпадала возможность, я с удовольствием садился в соседнее с ним кресло (ведь он – желанный собеседник для многих).

Помню один наш разговор. Мы говорили о В.Е. Серове – бессменном заместителе председателя Совета ветеранов, человеке, на котором держится вся наша организация, который каждый божий день приходит в свой «Штаб» как на работу, который всех знает и помнит все наши болячки, за кого-то хлопчет, кого-то утешает или поздравляет с днем рождения, посещает больных на дому, организует скорбные проводы в последний путь и делает многое-многое другое. Тут наши оценки и мнения полностью совпадали. Виктор Николаевич подчеркнул, что всю свою титаническую работу Серов делает абсолютно бескорыстно, не получая за нее ни копейки. Я высказал озабоченность: если вдруг с Василием Елисеевичем что-нибудь случится – вся наша организация развалится.

И тут Виктор Николаевич неожиданно развивает свой план: включить меня – путем голосования – в Совет, а со временем заменить Василия Елисеевича. Я категорически против. Во-первых, я просто не «потяну», не смогу работать так эффективно, как Василий Елисеевич.

Во-вторых, я фанат дачи, по этой причине еще до достижения пенсионного возраста, в 57 лет, добровольно ушел в отставку. Всё лето провожу за городом, зимой занят малолетними внуками, играю в шахматы, пишу мемуары и так далее. На этом обсуждение «карьерной» темы было завершено. Как оказалось – временно. Через год мы снова сидим вместе, и вдруг Виктор Николаевич говорит:

– Я сейчас предложу Вашу кандидатуру на пост заместителя председателя!

Меня это так зацепило, что я, неожиданно для себя самого, выпалил:

– Если Вы это сделаете, я не буду с Вами здороваться!

Видимо, моя резкая реакция убедила Виктора Николаевича в том, что вариант с моим «выдвижением» надо сворачивать, и он как-то обиженно замолчал. Я понимал, что разочаровал его: он был более высокого мнения обо мне и в силу своих убеждений полагал – ради общего блага человек просто обязан отказаться от личных привязанностей. Но что же мне оставалось делать? Уж лучше горькая, но – правда...

Потом мы еще несколько раз встречались на ветеранских собраниях – и в Генеральной Прокуратуре, и в Следственном Комитете, здоровались, но я чувствовал, что Виктор Николаевич уже не так открыт и приветлив, как ранее. Характерная деталь: если ранее при встречах он обычно восклицал: «А вот и наш справедливый парторг», то теперь этих слов уже не произносил.

И я в очередной раз говорю:

– Простите меня, Виктор Николаевич!

В один из вечеров ноября 2014 года я заглянул по каким-то делам к нашему славному В.Е. Серову, и он озабоченно сообщил – Виктора Николаевича увезли в больницу. Эта новость не особенно меня озаботила: в свои девяносто Виктор Николаевич выглядел молодцом, никогда не болел и не жаловался. Я был уверен, что всё с ним обойдется, просто обычная профилактика.

Но уже на другой день мне позвонили и сообщили страшную весть: Виктор Николаевич умер, – за сутки до своего 91-го дня рождения.

И вот мы – сослуживцы, друзья, знакомые – молча стоим у гроба Виктора Николаевича. Бойкий священник старательно отработывает свой гонорар, чувствуется большой опыт проведения траурных церемоний. Я неверующий, не очень разбираюсь в тонкостях церковной службы. Но, на мой взгляд, в голосе и поведении батюшки явно не доставало тихой печали, смирения.

Многие из присутствующих пожелали сказать усопшему прощальное слово. Красной нитью через все выступления проходило благородство Виктора Николаевича, его внимание к людям, постоянная готовность помочь ближнему.

Не знаю, завещал ли Виктор Николаевич хоронить его по церковному обряду. Скорее всего – нет. Ведь он всю сознательную жизнь состоял в партии, и был коммунистом не формально, с красной книжечкой, а убежденным, по зову души и сердца. Смерть скрутила его так неожиданно и стремительно, что он просто не успел высказать свою последнюю волю. Детей у него не было, жена умерла, и решение о прощальном обряде приняла родная сестра, набожная женщина. Она, как и все мы, любила покойного и постаралась устроить ему самые достойные, с ее точки зрения, проводы.

Среди множества собравшихся – несколько «нехристей» – в основном прокурорские работники. Мы не крестимся вместе со всеми, не шепчем слов молитвы, и нам от этого как-то неуютно. В голову приходят мысли – не оскорбляем ли мы память умершего, и каждый из нас мысленно просит:

– Простите нас, Виктор Николаевич!

Портретная галерея. Узбеков

Хочу рассказать об уникальном по своей многоликости человеке – В.С. Узбекове. Он мог, в зависимости от обстоятельств, казаться обаятельным и милым, своим парнем «в доску», простым и доступным. Но главной, истинной его чертой оставалось сознание своего превосходства над окружающими. И в те отрезки времени, когда он был у большой власти, все видели перед собой

этакого валяжного хана, восточного деспота. Он может помиловать или приласкать, свысока роняет единственно правильные слова.

В своей родной Казани Узбеков удачно прибил к правящему клану, хорошо показал себя в обкоме партии и сразу же, без прохождения многих ступеней, был назначен на ответственный пост прокурора Татарской АССР. Рассказывают, что был он жёстким, надменным и злопамятным правителем, не терпящим никаких возражений.

Но через несколько лет победил другой клан и проигравшим пришлось искать другую работу. Узбекову еще повезло: его взяли в аппарат Прокуратуры РСФСР, начальником одного из отделов управления общего надзора.

Я в то время был помощником Прокурора РСФСР по особым поручениям, довольно часто встречался с Узбековым. Мне не верилось, что этот обаятельный человек мог когда-то лютовать, издеваться над подчиненными. При встречах мы мило шутили, он называл меня «Яшень-кой», несколько раз предлагал выпить (я обычно отказывался под разными предлогами).

И совсем другим я увидел его в кабинете первого заместителя Генерального Прокурора РФ. За столом – застывшая ледяная глыба с каменным лицом, ни намек на какие-нибудь человеческие проявления.

Не встал, не поздоровался, не ответил на приветствие. Я собирался в какую-то дальнюю командировку, пришел подписать документы, сказал, что еще не решил, каким транспортом буду добираться. Он тут же непререкаемым тоном, с металлом в голосе:

– Зато я решил! Поездом поедете.

И всё. Разговор окончен. Уважаемый Вильдан Сулейманович, думал я по дороге, неужели Вы боялись, что я чего-нибудь попрошу? Да никогда в жизни! Или ждали словесного фимиама? Напрасно. Теперь все стало ясно. Он из тех, кто оценивает людей в зависимости от их пользы. Ранее я был особой, приближенной к первому лицу, мог как-то повлиять на формирование мнения этого лица о нем, в то время скромном чиновнике Узбекове. Теперь Узбеков – сам крупная фигура, большой начальник, бай, я ему бесполезен и потому неинтересен.

Через несколько лет судьба свела нас снова. Он в качестве адвоката (из прокуратуры его выгнали) пришел на прием к начальнику следственного управления – ко мне. Как ни в чем не бывало, довольно бойко стал излагать свою адвокатскую позицию, вновь называл меня «Яшенькой». На этот раз уже мне пришлось делать каменное лицо, но не от спеси, а от осознания того факта, что имеешь дело с хамелеоном.

Неожиданные перемены

Шел 1996 год, мне стукнуло 55. Для себя решил: через два года выработаю максимальный стаж и уйду в отставку. Предвкушал скорую свободу дачника, исцеляющий тело и душу физический труд. Построю теплицу, баньку, вскопаю новые грядки... Продвижение по службе? – Нет, это всё в прошлом.

Уже 14 лет хожу в «полковниках» (старший советник юстиции). Есть ли смысл присваивать следующий классный чин без пяти минут пенсионеру?

Но жизнь иногда преподносит сюрпризы. При проведении очередной аттестации комиссия решила: достоин быть генералом, а летом того же (1996) года Указом Президента РФ мне было присвоено звание «государственный советник юстиции 3 класса». Не скрою: было приятно, хоть и неожиданно.

Однако на этом сюрпризы не закончились. Заместитель Генерального Прокурора М.Б. Катышев при случайной встрече как бы между прочим спросил, хотел бы я вернуться в следственное управление? Я ответил утвердительно – ведь здесь прошли мои лучшие годы. Особого значения этому разговору не придавал – просто встретились два бывших соратника и вспомнили старину...

Но через пару месяцев Катышев позвонил и попросил зайти. Я зашел и узнал много интересного. По словам Катышева, начальник управления Киракозов явно не «тянет», медлителен, упрям, заносчив, однако его крепко поддерживает Ю. Скуратов. Теперь вопрос о замене Киракозова решен. Есть два кандидата на его место: Пистер (выдвигает Катышев) и Минаев, выдвигенец заместителя Генпрокурора по кадрам Розанова.

– Скорее всего, победит Ваша кандидатура, – сказал Михаил Борисович, – в таком случае Вам придется немедленно приступить к работе.

Вам досрочно присвоят классный чин государственного советника 2 класса, и Вы будете членом коллегии. Согласны ли Вы?

Я ответил, что членство в коллегии и классный чин меня не очень трогают. А вот что действительно важно, так это жильё. Нас в трехкомнатной квартире шесть человек: мы с супругой, старший сын с женой и ребенком, младший сын (25 лет) пока холост, но тоже собирается жениться. Год назад мною подано заявление в жилищную комиссию об улучшении жилищных условий. Оказалось, Михаил Борисович об этом знал и категорично заверил: «Квартира будет!». На том и порешили, и я ушел к себе на Калининский проспект. Разумеется, о состоявшемся разговоре – никому ни слова.

Большинством голосов коллегия проголосовала за меня, 2 декабря 1996 года я был приглашен к Ю. Скуратову и после напутствия он тут же подписал приказ о моем назначении.

По просьбе М.Б. Катышева уже утром 3 декабря я вышел на работу в следственное управление, был представлен коллективу. Большинство работающих было мне знакомо, хотя появились и новые люди, в основном бывшие офицеры из МВД или Главной военной прокуратуры.

Структура следственного управления за время моего отсутствия заметно изменилась. Помимо имевшихся ранее шести зональных и организационно-методического отделов, появились новые: по надзору за налоговой полицией и за расследованием уголовных дел непосредственно в аппарате МВД РФ. Всего, таким образом, насчитывалось девять отделов.

Ранее, когда мне и в голову не приходила мысль о переводе в следственное управление, мне с улыбкой рассказывали: обычно до обеда стол

Киракозова завален вчерашней почтой, потом он принимал сотрудников (по записи), в приемной обычно толпится очередь, причем ему это нравилось – создается видимость активной работы. Значительная часть рабочего времени уходила на ненужные разговоры и самолюбование.

С первого же дня я взял за правило: каков бы ни был объем почты, рассматривать её в день поступления. Обычно это происходило так: до 9 часов вечера сижу на рабочем месте, остатки везу домой (на служебной машине), а там уже – после ужина – до победного конца, обычно до полуночи.

Зато утром – чистый стол, можно заниматься другими делами, беседовать с людьми. И – никаких очередей в приемной. Вспоминаю недоумение сотрудников в первые дни – а где же очереди, где кипы бумаг на столе?

Неукоснительно соблюдал и сложившееся за многие годы другое правило: приветливо встречать подчиненных в своем кабинете, а если это мужчина – встать и протянуть ему руку для пожатия. Ведь это совсем нетрудно, зато как помогает наладить нормальные отношения в коллективе. Всегда считал и считаю: начальник должен быть не надсмотрщиком, а умелым диспетчером, людям надо помогать, а не запугивать их (однако в необходимых случаях долг обязывает и власть употребить).

Помню, как мой давнишний коллега, начальник одного из отделов В. Новосадов сказал:

– Яков Яковлевич, мои ребята говорят, что с новым начальником приятно работать!

Что ж, и мне тоже приятно это слышать. Значит, взаимопонимание налажено.

Ранее, когда еще я работал в отделе несовершеннолетних и бывал на совещаниях, не единожды слышал сетования Ю.И. Скуратова по поводу особо-контрольных жалоб, разрешенных в срок свыше месяца:

– К сожалению, наибольшая часть этих обращений падает на подразделение Владимира Ивановича Киракозова...

Я решил выяснить причины такого явления, лично разобрался с организацией работы по каждой жалобе, и – «процесс пошел», уровень волокиты уверенно стал понижаться.

Это был очень непростой период, требующий напряжения всех сил, без выходных, но и самый интересный. Кстати, за эти полгода «на вахте» я не сыграл ни одной партии в шахматы (ранее такого не бывало).

Почему только полгода? – Потому что пришла пора очередной реорганизации, наше управление решили преобразовать в Главное. Начальником Главка автоматически становился заместитель Генерального Прокурора (Катышев), я же стал руководителем организационно-методического управления – заместителем начальника Главка. Работа мне давно знакома, думал я, жить будет полегче, можно перевести дух.

Подводные камни

Значимость аналитической работы явно возросла, о чем свидетельствовал сам факт создания целого управления (а не отдела, как ранее). Бывший начальник организационно-методического отдела В.А. Камышанский стал моим заместителем. Но напрасно я расслабился, думая о завтрашнем дне. Всё более явственно стали вылезать наружу подводные камни.

Один из них – помощник Катышева по особым поручениям – В.В. Деревщиков. Оказалось, что у них с Катышевым хорошие, почти приятельские отношения, и после того как ввели вторую должность помощника, Катышев приблизил к себе Деревщикова, и именно ему вменил в обязанность оценивать документы, подготовленные организационно-методическим отделом (позднее – управлением). С первых же дней новой работы я стал ощущать противодействие со стороны Деревщикова, и со временем оно всё усиливалось...

Я визирую один, второй, третий документы, причем не просто ставлю свою подпись, а вникаю в проблему, беседую с исполнителем, вношу коррективы. Подходят сроки исполнения, спрашиваю Камышанского: «Где документы?» и слышу в ответ «У Деревщикова».

Иду к нему, пытаюсь выяснить, в чем дело. Отвечает, что материалы ему не нравятся.

– Что не так, давайте говорить конкретно.

– Что-то не то, мне «бумага» не нравится, я не могу дать её на подпись Катышеву.

Цирк какой-то! Срываются плановые сроки, надо обращаться за продлением к самому Скуратову, объяснять причины задержки. Обращаюсь к Катышеву. Он говорит: «Мне некогда влезать в проблему, договаривайтесь с Деревщиковым» Всё, круг замкнулся. Ладно, скрепя сердце что-то переделываем, вносим какие-то не самые удачные поправки и с большим опозданием передаем свои труды Генеральному Прокурору.

И тут вылезает на поверхность второй подводный камень, – непотопляемый В.И. Киракозов! Он теперь – советник Генерального Прокурора. И именно он оценивает качество и целесообразность идей, предложений, проектов указаний по линии следственного управления.

Без слов понятно, что ему не может нравиться всё то, что сделано ПОСЛЕ него, да еще под руководством стародавнего недруга... А я-то, наивный, когда принимал у него дела, простил ему все прошлые гадости. Думал, негоже сердиться на человека, которого выгоняют с работы, мысленно сочувствовал ему, и лишь потом узнал, что Киракозов переводится в советники, сохраняет прежнюю зарплату, членство в коллегии (на несколько лет вперед) и даже машину с прежним водителем.

Итак, говорил я себе, приехали! И на выходе, и на входе к «самому» всё «схвачено», как в той песне: «Всюду были товарищи, всюду были друзья».

На этой ступени опять волокита, опять мелочные придирки, выхолащивание.

С 1 января 1997 года вступал в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации, коренным образом менявший расстановку приоритетов в сфере борьбы с преступностью. В этой связи заранее готовились практические указания прокурорам по правоприменительной практике. С первых же дней я вынужден был активно подключиться к этой работе, перелопатил сотни докладных записок, мнений ученых, трактатов. Совместно с сотрудниками Института прокуратуры проект рекомендаций был подготовлен, состоялось его обсуждение на расширенном заседании коллегии Генеральной Прокуратуры с моим докладом. Еще несколько дней лихорадочной работы, и согласованный со всеми сторонами проект передан на подпись Генеральному Прокурору.

Но прошла неделя, вторая – об этом важнейшем документе – ни слуху, ни духу! Оказывается, его передали на суд Киракозова, и тот после обычной волокиты оставил от Указаний «рожки да ножки»: несколько общеизвестных, ни к чему не обязывающих азбучных истин. А ведь люди подумали, что автор этой бездарной отписки – ранее уважаемый ими Яков Яковлевич. Обидно... Но ведь не будешь всем объяснять, как оно было на самом деле.

И, наконец, третий подводный камень, даже скала – это Генеральный Прокурор Юрий Ильич Скуратов.

Ранее я всегда считал: если меня взяли в свою команду, значит, мне доверяют, значит, команде интересно моё мнение, и я это мнение обязан высказать. Не кричать в общем хоре «Одобрямс!», а откровенно говорить о том, что мне не нравится, что меня смущает. Ведь именно так в прошлом строились мои отношения с прокурором Тульской области П.А. Копейко, а затем с Прокурором РСФСР С.А. Емельяновым. Иногда я спорил с ними, но им и в голову не приходило обижаться на это.

О Скуратове у меня сложилось самое хорошее мнение. Мне нравилось, как быстро он вошел в колею, как умело ведет коллегии и другие совещания. Знавшие его люди рассказывали, что он был весьма демократичен в бытность свою директором Института прокуратуры.

Поэтому я был уверен: человек с научным складом ума, доктор наук, никогда не будет обижаться на тех, кто открыто высказывает свою позицию, даже если она ему не по вкусу. Увы, на сей счет я жестоко ошибался!

На одной из проводимых Скуратовым встреч с начальниками управлений и отделов я как-то выступил с критическими замечаниями.

Суть их в следующем. По многим своим поручениям особого контроля он (Скуратов) устанавливает 10-дневный срок, тогда как из-за непродуманной и неэффективной системы прохождения документов многие его поручения поступают к исполнителям обычно через неделю. Мы вынуждены тут же возбуждать ходатайство о продлении сроков, возникает ненужная бумажная волокита, нервотрепка, а установленный 10-дневный срок чаще всего не соблюдается. От имени своих коллег я попросил более взвешенно подходить к вопросу о назначении сроков исполнения. Даже по выражению лица Юрия Ильича было видно, насколько он недоволен подобным вмешательством.

Затем на одной из коллегий обсуждался вопрос о штатной численности следователей прокуратуры, подготовленный вчерашним детищем Скуратова – Институтом прокуратуры. Изучая дома соответствующие материалы, я глазам своим не поверил, – настолько они были примитивны. Был сделан «мудрый» вывод: штатную численность следственного аппарата той или иной прокуратуры следует исчислять по числу оконченных дел. И это всё? Это же, как говорится, и ежу понятно. Стоило ли солидному Институту ввязываться, чтобы доказать очевидное?

А где же такие сопутствующие факторы, как территория региона, наличие или отсутствие дорог? А почему в городе Москве регистрируется преступлений заметно меньше, чем в Свердловской области, а уголовных дел заканчивается больше, – и как это отражается на следователях? А где анализ оконченных следователями прокуратуры уголовных дел по категориям? А как оценивать прекращенные дела? Или как отражается на работе следователей того или иного региона распространенность жалоб на их действия (я это называл «коэффициентом склочности»)?

Честно говоря, я не собирался выступать на коллегии, но, послушав докладчика А.Я. Сухарева, не выдержал и попросил слова. Сказалась моя застарелая «болезнь»: при сильном возмущении начинаю говорить всё, что думаю.. Коротко перечислив все упущения «исследования», назвал его халтурой и сердито сел на место. Очень резко и болезненно отреагировал на мой выпад Сухарев. Скуратов как-то попытался сгладить острые углы, но было видно, что и он недоволен правдивой оценкой.

Трещина в наших отношениях продолжала расширяться...

Судьбе было угодно вбить в эту трещину еще один болезненный клин. Побывав вместе со Скуратовым в Венгрии, советник Генерального прокурора А. Мыцыков разразился «рацпредложением»: – определять уровень преступности в нашей стране, как в Венгрии, – не по количеству состоявшихся преступных посягательств, а по числу лиц, потерпевших от них. Скуратов дал нам поручение: в месячный срок разобраться и доложить ему лично. Проверка такая состоялась. Мы связывались с учеными и практическими работниками, запросили мнение МВД РФ. Все были единодушны: подобная система нам не подходит.

А бывший начальник отдела статистики Прокуратуры СССР, признанный авторитет С.В. Тюрин, даже рассердился и назвал эту идею глупостью. Приглашали мы на собеседование и автора докладной записки Мыцыкова, но он не откликнулся.

В назначенный день мы у Скуратова. Я подробно докладываю, цитирую высказывания, неодобрительно высказываюсь о Мыцыкове:

– Где этот «серый кардинал»? Заварил кашу, а теперь прячется за чужими спинами. Он даже не посчитал нужным поговорить с нами.

На этот раз Юрий Ильич даже не скрывал раздражения. Он всерьез обиделся и, видимо, передал своё недовольство своему заместителю

М.Катышеву. Делаю такое предположение потому, что и Катышев заметно охладил ко мне.

Почувствовав настрой шефа, всё более агрессивным становился и Деревщиков. Он уже вмешивался в оперативную деятельность управления, пытался меня контролировать. На его вопрос при случайной встрече, готовлю ли я план работы, я ответил, что такой вопрос мне может задать только мой непосредственный начальник – М.Б. Катышев.

После этого Деревщиков подал Катышеву письменный рапорт, – о том, что я отказываюсь отвечать на его вопросы, просил принять меры, и вся эта канитель с резолюцией шефа поступила ко мне. Я вернул ее с краткой запиской: «Михаил Борисович! Я думал, что у меня только один начальник». Ему мой ответ явно не понравился, что он мне и высказал.

Я напомнил ему, что тоже был помощником по особым поручениям, но никогда не вмешивался в оперативную деятельность подразделений, а если бы и захотел, то не имел на это права. Вынужден подробно рассказывать об этой пустой переписке потому, что она нервировала меня, отвлекала от работы, портила настроение. Я всё чаще приходил к выводу о том, что в этой истории пора ставить точку. Тем более что главный вопрос – жилищный – был решен положительно, мне дали 2-комнатную квартиру. Но я еще колебался, откладывал, думал, что всё образуется.

Однако развязка пришла неожиданно. В одну из пятниц мая (1998 г.) при рассмотрении свежей почты я обнаружил очередной донос Деревщикова на имя Катышева, снова о моей непокорности и с оскорбительным выводом: «...я вообще сомневаюсь, соответствует ли т. Пистер занимаемой должности». На рапорте – резолюция Катышева «Прошу зайти».

Утром в понедельник я ЗАШЕЛ – с подготовленным заранее заявлением об увольнении. Как можно спокойнее доложил Катышеву о текущих делах, оставив напоследок пресловутый рапорт:

– Вы просили зайти. Вот я зашел и принес заявление. Ведь Вы этого добивались?

Катышев начал было успокаивать меня, но я был непреклонен:

– Коль скоро Вы приняли от своего помощника эту гнусную писанину, да еще и начертали резолюцию – значит, Вы согласны с ним. Если бы Вы порвали рапорт и отчитали автора – я бы еще считал возможным дальнейшее сотрудничество... А так – всё кончено. Прошу Вас немедленно подписать заявление, я больше не могу и не хочу здесь работать.

Интриги – не мой конек. Я привык говорить то, что думаю, и поступать по возможности справедливо. Поэтому ушел со службы добровольно и досрочно, с высоко поднятой головой и незапятнанной репутацией.

Уже через несколько дней состоялись мои торжественные проводы на пенсию. Люди были на моей стороне и не случайно в их здравицах чаще всего звучало такое важное слово – порядочность... Что касается Скуратова, то он не посчитал нужным присутствовать даже на официальной части, сославшись на какой-то надуманный повод.

Слово о жене и старшем сыне

Школьные годы Адели протекали легко и интересно. Рано пристрастилась к чтению, восхищалась Тургеневым, боготворила Пушкина и Есенина. Часто и успешно выступала на литературных вечерах.

Мечтала стать актрисой, подавала документы в Московский театральный институт. На собеседовании народная артистка СССР Пашенная поинтересовалась, какие роли девушка хотела бы играть. Не раздумывая, Адель заявила, что мечтает сыграть роль женщины-комиссара из «Оптимистической трагедии». Пашенная развеселилась:

– Девочка моя, это же явно не твой типаж! Ты не обижайся, но посмотри на себя: маленькая хрупкая, со вздернутым носиком... Вот в театр юного зрителя тебя бы взяли с удовольствием.

Такой расклад нашу соискательницу явно не устраивал и от артистической карьеры она отказалась.

Было еще одно направление, которое ее давно привлекало – учительское дело. И Адель поступила в Тульский педагогический техникум, после окончания которого вела начальный класс в одном из шахтерских поселков Тульской области.

Отработав три года, подала заявление на филологический факультет МГУ (кое-что из этого периода читателю уже известно).

По окончании университета работала учителем в Ивановском районе Московской области – в настоящем «медвежьем углу» ...

Потом ей довелось работать еще в нескольких школах, уже в «должности» жены следователя, прокурора, сопровождая меня на всех поворотах судьбы... Учительский стаж Адели Федоровны составил в общей сложности сорок лет, из них почти половина – завуч школы № 499 города Москвы.

Я видел: школа, дети – это стихия Адели. Ей было интересно с ребятами она старалась как можно больше узнать о каждом из них. Конечно же, я был её самым внимательным слушателем и собеседником, иногда – полезным советчиком. Ведь у меня тоже имелся кое-какой опыт наблюдения за трудными подростками. Иногда я полушутя говорил жене, что это их брак попадает в наши руки, и она с этим соглашалась.

Запомнилась одна история. Когда мы жили в Алексине, Адель не раз рассказывала о судьбе Пети, её ученика. Ситуация типичная для «группы риска»: пьяница-отец, слабовольная мать. Адель с болью говорила, что Петя, хоть и двоечник, но очень хороший, искренний, доверчивый мальчик, по-своему справедливый. Всё дело в домашней обстановке.

Какие там уроки? – Шум, гам, крики, отцовская незаслуженная порка.

Однажды Петя убежал из дому, но вскоре был задержан милицией. Адель уговорила меня, и мы вдвоем ходили к отцу, просили не наказывать беглеца жестоко. На этот раз авторитетное ходатайство подействовало.

Потом мы переехали в Тулу и каждый занимался своим делом.

Примерно через год Адель узнала, что тот самый Петя – под арестом, расследуется уголовное дело. Оказывается, он снова убежал из дому и, спасаясь от голода, украл в каком-то подвале овощи.

Надо было видеть мою Адель. Она высказала мне всё, что думала о правоохранительных органах, о бездушных следователях, о черствых прокурорах, и прочее, и прочее... Но я все-таки выстоял и заявил, что помочь ничем не могу. На другой день я уехал в командировку, а Адель направилась напрямик к начальнику следственного отдела облпрокуратуры Кашину. Убеждать людей она умела. Представила дело так, что совершается вопиющая несправедливость, за банку огурцов мальчику ломают жизнь. Анатолий Иванович тут же позвонил в Алексин и узнал, что дело это расследованием закончено и направлено в суд.

Уточнив дату рассмотрения дела в суде, Адель поехала в Алексин и добилась, чтобы ее утвердили общественным защитником. Своей яркой защитительной речью, своей эмоциональностью и убежденностью Адель Федоровна разбудила всё самое лучшее в судьях, Пете назначили условное наказание, и он был освобожден из-под стражи прямо в зале суда! Скажу честно: подобные решения в те далекие годы принимались судами крайне и крайне редко...

Адель вернулась домой в приподнятом настроении, с чувством исполненного долга. Она вообще по натуре была бойцом, своеобразным Дон-Кихотом в юбке. Когда надо было кого-то спасти, без раздумий бросалась биться за справедливость.

Однако этот её бескорыстный и благородный поступок через несколько месяцев аукнулся совсем с другой стороны. К Адели приехала из Алексина мамаша другого бывшего ее ученика, одноклассника Пети:

– Моего сына арестовали за грабеж, помогите! Мы вас ОТБЛАГОДАРИМ...

Вот оно что! Выходит, кто-то в Алексине распространил слух, якобы Адель и ее муж-прокурор спасли Петю от тюрьмы вовсе не за красивые глаза...

Узнав об этом, я строго-настрого запретил жене впредь заниматься подобной благотворительностью, благо что она и сама отказалась от помощи. По ее словам, мальчик №2, не в пример Пете, имел целый букет пороков: наглый, лживый, вороватый и пр.

Наверняка каждый из нас может вспомнить примеры, когда неплохо знающий свой предмет преподаватель не может довести свои знания до детей – из-за пресловутой проблемы дисциплины в классе. У Адели такой проблемы, как правило, не бывало, особенно на уроках литературы. Человек увлеченный и возвышенный, она так ярко и интересно читала стихи или отрывки из прозы, что ребята слушали ее буквально раскрыв рот, им было не до баловства. Увы, таких талантливых учителей не так уж много. Я, например, в своем детстве встретил только двух: преподавателя истории в пятом классе и учительницу литературы в седьмом.

На уроках русского языка удерживать внимание ребят сложнее, но и тут Адель в целом контролировала ситуацию. Умелый психолог, она знала, на кого чем можно воздействовать. Кому-то достаточно слов одобрения и поддержки. Другие же опасались острого языка учительницы, а припечатывать словом она ох как умела (не раз убеждался в этом на собственном опыте).

Иногда обстановка требовала немедленной и точной реакции. На одном из уроков здоровенный старшеклассник в пылу спора с соседом по парте, забывшись, громко ругнулся нецензурно. Сделать вид, что не расслышала, было нельзя – весь класс слышал, с любопытством и страхом ожидая развязки. Адель Федоровна без колебаний врезала верзиле пощечину и пояснила:

– Запомни – тебя ударил не учитель, тебя ударила женщина!

На этом инцидент был исчерпан и урок продолжился. Жалоб или каких-то дальнейших обсуждений не последовало.

Мы давно уже жили в Москве, а к нам то и дело приезжали из Тулы бывшие ученики Адели, вполне взрослые люди, сами ставшие мамами или папами. Звонили, поздравляли с праздниками, приглашали в гости.

На один из юбилеев окончания школы отвезли свою бывшую (и уже, увы, старенькую учительницу) в Тулу на машине.

В сентябре 1981 года распахнула свои двери новая школа в микрорайоне «Марьино» – школа № 499. Это было какое-то светопреставление: одних только первых классов насчитывалось 12, и в каждом из них – по 40 человек. Итого 480 первоклашек, почти столько же второклассников и так далее. Так вот, Адель Федоровну угораздило тогда оказаться в кресле завуча этой школы по младшим классам. И ничего, справлялась, ведя при этом уроки литературы в старших классах.

С точки зрения малыша того времени завуч – это почти мифическая фигура, вызов к которой не обещал ничего хорошего. Как-то одна из учительниц привела в кабинет завуча первоклашку-драчуна. В ответ на вопрос Адели Федоровны «Как твоя фамилия?» шалун безутешно зарыдал и сквозь слезы повторял:

– Тетенька завуч, это не я! Ей-богу, это не я!

Адель, еле сдерживая смех, повторила:

– Как твоя фамилия, я спрашиваю! – Тут горе-драчун зашелся в истерике, так что пришлось его уже не ругать, а успокаивать.

В 1998 году я ушел в отставку и начал усиленно агитировать супругу последовать моему примеру. Через год или два ушла на пенсию и Адель Федоровна. Казалось бы, живи и радуйся...

Старший наш сын Дима первую свою медаль получил по факту рождения – в связи с полувековым юбилеем Октябрьской революции.

В первый класс он пошел, когда мы жили в Туле, в школу №54, которую в свое время окончил с золотой медалью чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Учился Дима без особого усердия, но благодаря прекрасной памяти обходился без «троек».

Когда перебрались в Москву, наш старшенький пошел в ту самую школу №499, где завучем была его мама. Хотя Адель и старалась не опекать его (она же умная женщина), сын постоянно ощущал себя «под колпаком», что его немало раздражало. С общего согласия мы перевели Диму в другую школу, которую он и закончил в 1984 году с золотой медалью. Еще в школе он стал проявлять интерес к психологии, читал Фрейда, других авторов, выписывал специальные журналы. У него не было колебаний на тему, куда пойти учиться – только на факультет психологии МГУ. Хотя нам с женой и приятно было, что сын выбрал наш «родной» ВУЗ, мы все же пытались его отговорить – уж больно велик был конкурс (если не ошибаюсь, более 10 человек на место).

Однако Дмитрий был настойчив – только МГУ! Первый же экзамен – по математике – поверг нас, родителей (но не чадо) в уныние: ненавистная «тройка». Однако сын нам заявил: сдам остальные три экзамена на «пять» и буду принят. Мы с женой расценили эти рассуждения как мальчишество и уже мысленно смирились с неудачей. Но он-таки выполнил свой план-максимум и – поступил! Да, сказали мама и папа, плохо мы знали своего сына. Теперь я в шутку иногда говорю, что в нашей семье целых два «олуха» – фил-олух и псих-олух.

Студентом Дима тоже был не очень усердным, лекции скучных (по его мнению) преподавателей нередко пропускал. Однако экзамены сдавал только на «отлично» – вот что значит работать с первоисточниками.

В стране разворачивалась вроде бы новая, перестроечная политика, но вооруженные силы никто не отменял. Обнаружилась нехватка ребят призывного возраста (дети детей войны). Вспомнили отработанный прием 60-х годов и стали «забривать» студентов. Диме дали закончить второй курс и призвали в армию. Попал он в пограничники, в Ленинградский военный округ. Вскоре после принятия им присяги мы все трое (вместе с Федей) ездили в воинскую часть. Солдатику дали увольнительную на сутки, и мы провели их в Ленинграде, ночевали в гостинице. На наши вопросы Дима отвечал сдержанно: «Всё хорошо, всё в порядке». Только через два года, уже после «дембеля» мы узнали, что он попал под пресс стариков», пытался выглядеть достойно и был сильно избит, с сотрясением мозга лежал в госпитале.

После излечения добровольно вызвался служить в Афганистане, заявив, что ему это нужно как будущему психологу. Оказался под Гератом, выучился на радиотелеграфиста, видел кровь и взаимную жестокость. Особенно задело его чувствительную душу поведение афганских детей, которые бросали камни в русских солдат и плевали им вслед.

Помню, как безумствовала Адель, когда узнала, где именно служит наш сын, как ждала от него писем или хотя бы открыток. Как-то раз в сильном волнении, фактически в истерике, воскликнула:

– Если с Димкой что-нибудь случится, я убью Горбачева!

И такой у нее при этом был вид, что я поверил: она сделает всё возможное, чтобы осуществить свою угрозу (хотя с объективной стороны это было бы практически невозможно).

Некоторые мои коллеги по работе знали о месте службы Дмитрия, и однажды одна добрая душа предложили:

– Мой муж, штабной полковник, может устроить перевод Вашего сына на территорию СССР, в Таджикистан.

Вначале мне такая перспектива понравилась, потом стали возникать сомнения – а не будет ли это грубым вмешательством в жизнь сына?

Жена тоже поначалу ухватилась за возможность перевода, как утопающий за соломинку. Долго мы обсуждали эту тему с разных сторон. Нас обоих мучил вопрос – не окажется ли такая услуга «медвежьей» и простит ли нас за нее сын? В конце концов решили: никаких закулисных движений, пусть Дима сам выбирает свою дорогу.

Слава богу, за оставшееся время службы с ним ничего не случилось, он благополучно вернулся домой, хоть и исхудалый, но с чувством исполненного долга и с новенькой медалью.

Но нас ожидал такой удар, после которого моя Адель уже не оправилась. В июне 2001 года Дима нелепо погиб в возрасте Иисуса Христа – пытался через балкон попасть в нашу квартиру и сорвался. Бывает и так: на войне выжил, а дома расслабился...

Прежней Адели больше не стало. Она сломалась, утратила интерес к жизни, ударилась в религию. Покрестилась, получив христианское имя Мария, стала часто молиться. Отказывалась от всякой медицинской помощи, хотя давление часто зашкаливало «выше крыши».

– Вот и хорошо, вот и пусть. Чем раньше умру, тем скорее встречу с Димашкой, – был ее ответ на все уговоры.

Она, в отличие от меня, свято верила в бессмертие души и в будущее единение родственных душ. Адели было суждено пережить сына на неполных девять лет...

О вере и суевериях

Так получилось, что с малых лет я рос атеистом. В советской школе мне авторитетно объяснили: бога нет! Этот же вывод многократно повторялся в художественных книгах, верующие люди и попы в них высмеивались. Мама говорила, что, если бы бог был, он не допустил бы таких мучений.

Человек устроен так, что ему обязательно надо верить во что-то чистое, возвышенное. Большинство моих ровесников, как мне кажется, верило в светлые идеалы коммунизма, для нас эти слова не были пустым звуком. Вместо икон у нас были портреты товарищей Ленина и Сталина, вместо молитв – патриотические песни.

Но я никогда не был воинствующим атеистом, не пускался в религиозные споры и никому не навязывал свою позицию. К людям действительно верующим я относился с глубоким уважением, даже где-то завидовал им. В то же время меня раздражали мнимые «праведники»: совершит неблагополучный поступок, тут же замолит грех и – чист, готов к новым свершениям-гадостям.

Согрешит – помолится, согрешит – помолится... Разве такой человек способен очиститься от скверны?

Не пользовались моим уважением и священнослужители, большинство которых я считал обманщиками, притворщиками.

Я бы тоже хотел стоять в красивом храме, слушать торжественное пение, молиться вместе со всеми. Но как это сделать, как переломить себя? Как поверить в наивные сказки о сотворении мира, о непорочном зачатии и прочем? Согласен с постулатом: любая мировая религия – это прежде всего моральный кодекс. Но почему же на протяжении веков люди разных исповеданий убивают друг друга, и с годами страсти только накаляются?

Помню, в лихие 90-е годы видел на телеэкране, как старательно крестился в церкви наш первый безбожник Борис Ельцин. Я тогда загадал: если рука у него отсохнет, значит, бог действительно есть. Но рука не отсохла.

Люди верующие часто задают каверзный, с их точки зрения, вопрос: если не бог, то кто же создал всё вокруг и, кто сегодня регулирует порядок во вселенной? – На первую часть вопроса давно уже ответила наука. Что касается второй части вопроса, то моя субъективная точка зрения такова.

Да, в мире есть невидимая сила, которую я лично называю Космическим, или Мировым разумом. Его атомы пропитывают всю окружающую материю точно так же, как это делает воздух. Но мы же не обожествляем воздух, не строим ему храмов, не молимся ему, не требуем от окружающих поклонения божеству.

Что касается бессмертия души, то ведь нигде не записано, что бессмертны души только верующих людей. Так что надежду на посмертное соединение душ вправе питать даже атеисты. Особенно если они суеверны.

И еще неизвестно, кто более суеверен – верующий человек или атеист. Да и как не верить приметам, если они то и дело сбываются. Если во время рыбалки будешь считать пойманную рыбку – улова не будет!

Если сегодня похвастал своим завидным здоровьем – завтра заболеешь! Собираясь в шахматный клуб, обязательно возьми «счастливую» ручку, которой записывал ходы выигранной накануне партии. Во время футбольного матча комментатор неосторожно похвалил вратаря нашей сборной. Я поеживаюсь от страха – «сглазил!» И тут же наш несчастный вратарь допускает грубый ляп, мяч – в воротах... Перечень примет можно было бы продолжить, но надо ли?

Особое пристрастие питаю к магии чисел, постоянно сопоставляю даты рождения и смерти близких людей, ищу в них какой-то тайный смысл. Так, отец Адели умер 21 января – что и Ленин (только через несколько десятилетий), а мама Адели умерла 5 марта – как Сталин (тоже спустя многие годы). Какую-то скрытую закономерность я вижу и в дате кончины самой Адели: 03 марта (третий день третьего месяца, причем цифры 2 и 1 (2010 год) в сумме тоже образуют 3).

Далее: родилась она 30 марта, т.е. цифры 0 и 3 просто поменялись местами, причем обе эти цифры имеют своих двойников в буквенном алфавите.

Наш старший сын Дмитрий родился в год 50-летия советской власти, а вот мой собственный полувековой юбилей случился в мрачный год истории (1991), когда эту власть развалили.

Довольно странная вещь случилась со мной в мае 1985 года. В этот день мне в больнице делали полостную операцию, впервые в жизни я испытал наркоз. Навсегда в памяти сохранилась эффектная «картинка»: черную мглу пересекает яркий луч свете, в котором тысячи разноцветных мелких шариков, почти точек, весело и стремительно перемещаются вверх, всё выше и выше. Одна из таких точек – это я, причем никаких страхов я не испытываю, есть только осознание важности, торжественности происходящего. Наконец все мы – яркие точки – куда-то прибыли. Я вижу людей в белых халатах, которые бережно укладывают меня на носилки, и с облегчением говорю: «Добро!».

Не знаю, через какое время я пришел в себя, увидел медсестру и радостно спросил: «Мы уже вернулись?», а на ее вопрос «куда?» пояснил: «На Землю».

Представляю, что обо мне подумала и потом рассказывала коллегам медсестра, но было именно так, из песни слова не выкинешь.

Если бы я был верующим человеком, это видение можно было бы объяснить вознесением души. Скорее всего, это был сон, странным образом перемешавшийся с явью.

Сестра моя Ира

Ира родилась в 1934 году в Ленинграде, где семья временно пережидала голод, охвативший Поволжье. Сестра была старше меня на 7 лет, строго относилась к себе и окружающим и считала своим долгом руководить мною. Разумеется, меня это не устраивало, я часто огрызался, и отношения наши чаще всего были натянутыми.

В связи с войной у нее был двухлетний перерыв в учебе, поэтому седьмой класс она закончила только в 16 лет. Сразу же уехала в Барнаул на курсы поваров, потом работала в столовой села Курья по специальности.

Вела себя подчеркнуто недоступно: никаких танцулек и ухажеров, в кино – только с подругами.

Когда мы в 1954 году переехали в Зеренду (Казахстан), Ире было уже двадцать, здесь она тоже устроилась поваром. Через год познакомилась с Иваном (Иоганном) Брауном (родной брат тети Минны, жены дяди Андрея), приехавшим в отпуск. Молодые люди понравились друг другу и решили переписываться. По окончании отпуска Иван уехал, переписка длилась целый год, и за всё это время Ира ни разу не сходила в кино – даже с подружками. О танцах я вообще речи не веду, об этом не могло быть и речи. Вот такой вот старомодный образец поведения скромной, ждущей своего жениха девушки.

В 1956 году Иван приехал насовсем, они поженились и стали жить самостоятельно, родили трех замечательных девочек. Примерно через пять лет их семья перебралась в Карагандинскую область, Иван поступил на шахту (под землю), хорошо зарабатывал. Ира нашла свое подлинное призвание – по

окончании курсов стала работать медсестрой в больнице, была на отличном счету.

Два или три раза я бывал у них в Шахтинске, всё у них было нормально: свой дом, огород, дружные и умные дочери. Но опять же вмешались перестроечные процессы, советские немцы потянулись в Германию. Уехали дядя Андрей с женой и детьми, другие родственники.

Ира с Иваном не очень-то рвались за границу, но их подталкивали в спину местные националисты-казахи. создавались невозможные условия для проживания и работы всем «инородцам» – русским, украинцам, немцам... Размеренная и спокойная жизнь ушла в прошлое. За бесценок продано имущество, семья более года «сидит на чемоданах» в ожидании вызова.

Худо ли, бедно ли, но переезд состоялся, семья Иры и Ивана присоединилась к своим родственникам позже всех. Поселили их в городе Мёнхенгладбахе (около 300 тысяч жителей), и начали они потихоньку осваиваться, возобновилась переписка с моей семьей. Ранее у Адели сложились очень хорошие отношения как с Ирой, так и с Иваном, нас стали приглашать в гости.

Едем в Германию

В начале апреля 2002 года мы с женой наконец тронулись в путь. Наш прицепной вагон – до Дюссельдорфа – старой, довоенной постройки, внешне солидный, обшитый изнутри дубом, но очень уж тесный и неудобный. Соседом по купе оказался молодой москвич Павел, промышлявший перегонном легковых машин из Германии. Четвертое место в купе пустовало. Павел уже не первый раз колесил по этому маршруту и рассказал немало интересного. Работа у него довольно рискованная, то и дело случаются нападения на «водил», в лучшем случае выкинут на обочину, в худшем – прикончат. Опаснее всего, по словам Павла, на дорогах Польши.

Кстати, когда вечером поезд подходил к границам Польши, проводник предупредил всех пассажиров: надо крепко закрыть все окна и двери и вообще подготовиться к худшему. Однако, слава богу, обошлось без приключений.

В Дюссельдорфе нас ждал внучатый племянник Костя на папиной машине, он-то и домчал нас по отличной трассе до Мёнхенгладбаха.

Встреча, объятия, поцелуи – всё, как полагается в таких случаях.

С точки зрения бытовой устроились все мои родственники неплохо. У Иры с Иваном – просторная двухкомнатная квартира на третьем этаже, дом – с лифтом. Все три дочки замужем, у всех квартиры и автомобили. У старшей, Тамары, два сына, оба совершеннолетние. Средняя сестра, Лилия, родила и вырастила двух дочек, к моменту нашего приезда им было примерно 15 и 17 лет. Третьей и самой младшей моей племяннице, Вале, бог детей не дал.

Мёнхенгладбах нам понравился: чистый, аккуратный, спокойный город. Водители машин вежливо пропускают пешеходов. Полицейских на улицах и дорогах практически не видно. Тем не менее в необходимых случаях они появляются будто из-под земли.

В городе имеется своя крепкая футбольная команда, тезка Дортмундской «Боруссии», поэтому спортивные комментаторы вынуждены каждый раз уточнять: «Боруссия» из Мёнхенгладбаха. Этот клуб в течение многих лет успешно выживает в бундес-лиге, иногда занимает призовые места, его игроки не раз выступали за сборную Германии. Квартира Иры и Ивана находилась недалеко от стадиона и нам не раз приходилось слышать оглушительный рёв болельщиков (как правило, подогретых пивом).

Времени даром мы не теряли, побывали во многих известных всему миру местах. Глубокое впечатление оставила громада Кёльнского собора. Для меня было откровением, что он строился целых двести лет.

Записались на автобусную экскурсию по городам Германии – для русскоговорящих туристов, побывали, в частности, в Дюссельдорфе, Бонне и некоторых других местах. Ведущая очень живо и интересно сообщала те или иные сведения из истории, но почему-то каждый раз акцентировала внимание на семитском вопросе: здесь до войны проживало столько-то евреев, сразу после войны – столько, а сегодня – столько. Оказалось, что подавляющее большинство пассажиров нашего автобуса – это евреи, прибывшие из разных стран, даже из Австралии. По ходу экскурсии стало ясно, что Германия не на словах, а на деле исправляет свою историческую вину. Евреев в Германии стало гораздо больше, чем было до войны, им предоставлено преимущественное право въезда в страну даже перед этническими, в том числе советскими немцами.

Это всё хорошо и справедливо, говорили мы с женой, но не переусердствовали ли германские власти, не перегнули ли они палку? Почему мои родственники, потомки коренных немцев, должны были ждать несколько лет, сдавать какие-то экзамены, собирать многочисленные справки, а любому россиянину, имеющему в паспорте запись «еврей», тут же предоставлялась зеленая улица?

Мы с Аделью вдоль и поперек исходили весь Мёнхенгладбах, самостоятельно или в сопровождении родственников не раз выбирались за его пределы. С улыбкой вспоминаю один эпизод. На станции Дюссельдорф ко мне подбежал растерянный мужчина, совершенно не владеющий немецким. Он только разводил руками и многократно спрашивал:

«Кёльн, Кёльн»? Я почему-то сразу подумал, что встретил россиянина:

– Вы, наверное, говорите по-русски?

Он страшно обрадовался, коротко рассказал о себе: проживает в Подольске, приехал к брату, женатому на немке. Какое это, оказывается, удовольствие – встретить на чужбине земляка, говорить на родном языке!

К слову сказать, все мои родственники, жившие в Германии, общались между собой в основном на русском, особенно молодежь... Это не очень-то нравилось коренным немцам, в их глазах читалось явное раздражение («понаехали тут!»)

И еще мы заметили, что дружеские, доверительные отношения между «понаехавшими» и местными жителями – большая редкость. Молодежные

«тусовки» бывших советских проводились отдельно от аборигенов, романтические отношения между ними практически не складывались.

Что касается моих племянниц, то замуж они повыходили еще в Казахстане, там же обзавелись потомством. Два зятя (из трех) – русские парни, имели неплохие рабочие специальности. В Германии на них спроса не оказалось, сидели в основном без работы – на пособиях. На скромное существование хватало, даже приобрели машины – подержанные.

Но каково молодому рукастому мужику сидеть дома без дела, ловить сочувственные взгляды близких и переносить насмешки аборигенов? Поэтому особого восторга от пребывания «в Европах» мои русские зятя не испытывали.

Третий зять – Георгий – по происхождению чистокровный немец, хорошо знал язык и даже получил работу. Но его возмущало отношение к нему работодателей как к человеку второго сорта. Они считали, что все выходцы из СССР – плохие работники. Именно по этой причине они платили ему явно меньше, чем коренным жителям. Помню, не раз Георгий с обидой говорил:

– Там (в Казахстане) мы были немцы, здесь – русские, и везде – чужие!

Меня, как заядлого садовода-огородника, живо интересовали дачные дела в Германии. У Ивана как раз оказался участок в четыре сотки недалеко от города, куда он обычно ездил на велосипеде. Огородные грядки на этом участке занимали не более 25 квадратных метров (больше нельзя), несколько фруктовых деревьев. Главное требование – безусловное соблюдение единообразного ландшафтного плана, поддержание в порядке общей зеленой стены и сплошного газона. При мне председатель кооператива с брезгливой миной сделал Ивану замечание за переросшую траву на газоне. Крошечные стандартные домики с односкатной крышей, похожие на наши сараи. Превышать размеры построек, под угрозой исключения, нельзя. Разводить костры – даже самые маленькие – запрещено. Если тебе надо избавиться от срезанных веток – иди в правление, там есть специальная машина по переработке веток в мульчу. Если ты приехал на автомобиле – оставь его у въездных ворот товарищества.

Подъехать к своему домику ты сможешь только в исключительном случае, с разрешения руководства. Честно говоря, такие порядки лично мне пришлись по душе: с соседних участков тебя не душат ядовитым дымом, не слышно шума работающих двигателей или какофонии радио. Хотя, конечно, есть и неудобства – приходится тащить на себе сумки и узлы.

Однако там, где я был, ночевать на дачах было не принято, поэтому и поклажа обычно была небольшой. Ну а если хочешь жить с размахом – покупай себе землю и строй солидный коттедж со всеми атрибутами.

Решение о поездке в Германию созревало у нас с Аделью достаточно долго и имело свою предысторию. Неожиданно выяснилось, что наши дети, подрастая, не только не тяготились своим «иностранным» происхождением, но наоборот – были им довольны и даже козыряли этим обстоятельством перед ровесниками.

Дмитрий в студенческие годы усердно штудировал немецкий язык и достиг в этом заметных успехов. Озорно улыбаясь, он выдавал мне целые пулеметные очереди немецких фраз, на что я мог только с серьезным видом кивать: «Я-Я» (в переводе: «да-да»).

Он же критиковал нас, родителей, за то, что не учили его в раннем детстве немецкому. На наши слабые возражения типа «ты же не хотел», уверенно говорил:

– Надо было заставить!

Оба сына в разные годы упрекали меня за то, что я не дал им свою фамилию. А ведь я старался для них, не хотел повторения некоторых грустных сцен из собственного детства. Помню, когда жена обратилась в Тульский ЗАГС с заявлением об изменении фамилии, её спросили – а не хочет ли сделать этого и муж (он же – отец детей). Я тогда отказался, хотя мне было бы комфортнее носить русскую фамилию – Ламанов. Отказался потому, что я – мужчина, урожденный Пистер, и за перемену фамилии люди могли бы заподозрить меня в беспринципности и карьеризме.

Советский Союз лихорадило: перестройка, передел, беспредел, перестрелка, и у Дмитрия созревало стойкое желание покинуть эту страну. Видимо, на принятии такого решения сказалась и неудача в личной жизни – развод с женой. Он решил, что, уехав в другую страну, начнет жизнь с начала. Действовал упорно, на разных направлениях: шлифовал язык, проходил какие-то собеседования в посольстве, сдавал экзамены, собирал справки. Одновременно пытался сменить фамилию на отцовскую. По каким-то причинам это не получилось, зато он добился, что в графе паспорта «национальность» появилась другая запись: «немец». Честно говоря, мы с женой не очень верили в успех предприятия, считали хлопоты сына напрасными. Однако осенью 2001 года, через несколько месяцев после смерти Дмитрия, пришли официальные бумаги из посольства ФРГ – о том, что его ходатайство удовлетворено и он приглашается на работу в город Кёльн.

По счастливому совпадению Мёнхенгладбах оказался совсем недалеко от Кёльна и поэтому мы с таким жадным любопытством изучали именно этот город.

Находясь в Германии, мы с Аделью как бы примеряли эту страну к себе, хотя прямых разговоров на эту тему не вели. Накапливали впечатления. Вот мы в одном из сбербанков Мёнхенгладбаха, хотим поменять доллары на марки. Дружелюбно сообщаем кассиру, что мы приехали из Москвы. Лучше бы мы этого не делали: кассирша категорически не хочет нас понимать. Вдоволь поиздевавшись, все же соизволила произвести обмен. Такая же сцена в одном из кафе. Как только продавщица поняла, что я – из России, сразу же прикинулась слепоглухонемой.

А ведь у нас в стране совсем другое отношение к иностранцам. Им помогают чем только могут, угощают самым лучшим, даже если этот иностранец – немец.

Каждый день слышать чужую речь, многого не понимать, ловить на себе покровительственные взгляды хозяев территории, а некоторые даже намекают на твою неполноценность – нет уж, спасибо, нам такой «дом» не нужен!

Как-то, беседуя с Иваном о прошлом, я спросил о его отношении к советской власти.

– А как я могу относиться к власти, которая убила моего отца? – вопросом на вопрос ответил мне Иван.

Да, коротко и предельно ясно. Но, подумалось мне, моего отца тоже безвинно уморили в так называемой Трудовой армии. Однако врагом советской власти я не стал и никогда им не был. С Иваном я в тот раз спорить не стал – у каждого своя правда.

Не раз в письмах граждан, адресованных прокурорам, встречал горделивое утверждение: «Я – жертва сталинизма». И снова приходили в голову всякие мысли. Формально я тоже такая жертва (во младенчестве вместе с семьей выслан в Сибирь), имею удостоверение реабилитированного, даже получаю скромное пособие (на которое можно прокормиться примерно три дня).

С другой стороны, я – представитель российских правоохранительных органов, и далеко не рядовой. Выходит, правы мои друзья, когда в шутку говорят: «ты и жертва, и палач»? На это я им каждый раз серьезно отвечаю, что ни тем, ни другим себя не считаю. Высылка советских немцев была вынужденной мерой, продиктованной государственными интересами. Что касается моей длительной работы в прокуратуре, то я действовал только в рамках закона, невинных людей не преследовал.

И последнее. Если бы я вдруг захотел эмигрировать в Германию, мне дали бы «отлуп» на основании действующей там Инструкции, где уголовные элементы, террористы и прокурорские начальники поставлены на одну доску...

Здесь, на московской земле, похоронены самые близкие мне люди, здесь живут мои дети и внуки, здесь находятся мои любимые шесть соток, и именно здесь я хотел бы провести остаток своих дней.

За год до отставки

Летом 1997 года мы с женой отдыхали в ведомственном санатории «Электроника» – под Сочи.

К этому времени реорганизация следственного управления завершилась, я почувствовал себя свободным и раскованным, захотелось расслабиться. К тому же, являясь Почетным работником прокуратуры, я имел право на бесплатный отдых, чем впервые и воспользовался. Путевку жене мы приобрели за наличный расчет, и отправились в путь на поезде. Кстати, это был наш первый отпуск, который мы провели без детей.

Сказать по правде, мне в «Электронике» не очень понравилось. Я привык к активному отдыху, чтобы были лодка и рыбалка, чтобы были походы по грибы или по ягоды, и чтобы было поменьше отдыхающих.

В общем – так, как это было в своё время на Оке, в любимой нами Егнышёвке. В «Электронике» меня больше всего удручало вынужденное безделье: позавтракал – и к морю, пообедал – и снова туда. Причем пляж, в отличие от песчаного на реке, каменистый, дно моря – такое же. Абсолютно нечем заняться, даже шахматного павильона не догадались построить.

Спасибо, была хоть какая-то библиотека, где мы с женой «отоваривались» книгами.

В отличие от многих людей, для меня отдых на море не является таким уж желанным и, к сожалению, сопряжен с какими-то неприятностями. В первую поездку (1979 год, Азовское море) мы лишились всех своих сбережений, не обошлось без «приключений» и на этот раз. Привыкший к умеренному климату центральной России, я оказался легкой добычей южных микробов. Какая-то зловредная бактерия поселилась на левой стороне моей груди (поближе к сердцу!) и стала вершить свое черное дело.

Долгое время я новой болячки не замечал: ну, чешется и чешется, мало ли что... Развивалась эта зараза крайне медленно, зато неуклонно. Когда через месяц я вышел на работу, все еще не догадывался о негативных процессах рядом с «мотором». Была заметна лишь небольшая багровая точка, которую я бездумно и яростно расчесывал.

Где-то в августе (1997 год) меня попросили возглавить бригаду для комплексной проверки прокуратуры Татарской АССР – в качестве рабочего бригадира. На завершение должен был приехать первый зам. Генпрокурора Ю.Я. Чайка.

Недолго думая, я согласился и начал готовиться к выезду. Как и ранее, я охотно выезжал на места, рассматривая такие поездки как хорошую школу для повышения своего профессионального уровня. Особое внимание всегда уделял сбору всей возможной информации по данному региону (статданные о состоянии законности и преступности, переписка по жалобам, годовые доклады, справки о результатах предыдущих проверок, исполнительская дисциплина и пр.)

О том, что у меня «зреет» в груди, я в те дни и не вспоминал: авось, пройдет... «Десант» готовился достаточно солидный и по составу (были представлены все отделы аппарата) и по срокам проведения проверки (три недели).

Инструктировал нашу бригаду (и утвердил составленный мною план) первый заместитель Генерального прокурора Ю.Я. Чайка. Он дополнительно обозначил несколько направлений, на которые следовало обратить особое внимание, и призвал нас к объективной оценке деятельности проверяемых.

Что касается последнего пожелания – объективности – то весь наш временный коллектив воспринял его с удовлетворением. Чего греха таить, бывали и так называемые «заказные» выезды, когда надо было убрать того или иного руководителя. Сразу оговорюсь: моя совесть чиста, меня к таким акциям не привлекали.

Проверка показала: люди в прокуратуре Татарстана подобрались, в основном, грамотные, инициативные, трудолюбивые. На высоте оказалось и руководство республиканского аппарата.

Разумеется, не обошлось и без просчетов, упущений. В частности, обратил на себя внимание недостаточный надзор за законностью задержаний и арестов граждан.

Между тем зуд на левой стороне моей груди всё увеличивался, появилась и росла в размерах багровая опухоль. Пришлось – дней через десять после прибытия – обратиться к врачам. Мне сказали, что это флегмона – гнойная, не раковая опухоль – и что нужна операция. Но об операции не могло быть и речи: не могу же я бросить все дела, обезглавить бригаду, подвести своё начальство...

Однако боль (и опухоль) всё росли, я уже не мог спать по ночам. Через несколько дней не выдержал и пошел сдаваться. Мне сделали операцию и поместили в стационар, предоставили хоть маленькую, но отдельную палату. Дальнейшее руководство бригадой происходило по телефону.

Уже на следующий день в палату стали поступать справки членов бригады, другие документы, которые не давали мне скучать.

Чтобы не допустить заражения крови, мне ежедневно, через каждые четыре часа, вводили антибиотики, причем первый укол – в 6 часов утра.

Вот так я в течение недели боролся с болезнью и бумагами. К установленному сроку итоговая справка была готова (в последнюю ночь удалось поспать не более двух часов).

В день проведения расширенной коллегии меня на несколько часов выпустили из больницы, и я доложил собравшимся о результатах комплексной проверки. Скажу честно: эти несколько часов меня сильно утомили, не хватало сил, хотелось упасть на кровать и забыться. До заседания коллегии я коротко переговорил с Ю.Я. Чайкой, изложил ему свои соображения. Где-то в глубине души я надеялся, что он по достоинству оценит мой «маленький трудовой подвиг», однако простого человеческого «спасибо» от него так и не дождался...

На следующий день вся наша бригада уехала, а я еще две недели оставался «заложником» у врачей. В конце концов меня решились отпустить, но с условием, что по прибытии в Москву я немедленно предстану пред столичными эскулапами.

Перед отъездом зашел в прокуратуру Татарстана – попрощаться. Был я еще довольно слаб, но символическую рюмку коньяка все же одолел.

Разговор за столом проходил довольно откровенный, в неформальной обстановке. Развеселило меня признание первого заместителя прокурора Татарстана Амирова (через 2-3 года он станет здесь первым лицом):

– Если честно, мы поначалу пытались вешать Вам лапшу на уши, но не получилось...

Итоги этой проверки вскоре были обсуждены на коллегии Генеральной прокуратуры с моим докладом, на места направлено информационное письмо.

Эпилог

Вот и пришло время прощаться с читателем. Сейчас февраль 2017 года, минуло 19 лет после моей отставки. Почти десять последних лет, с большими и малыми перерывами, кропал я эту книгу.

Каждое лето, с середины апреля по октябрь, провожу на своем участке, на так называемой даче. Это вечный праздник души! Не устаю вновь и вновь любоваться делом рук своих: ведь и дом, и сарай, и баня, и теплица, и забор, и даже сквозная бетонная дорожка – всё это создано вот этими жадными до работы руками...

А земля? Каждый уголок, каждый квадратный сантиметр наверняка помнят меня. Год за годом стараюсь повысить свою квалификацию огородника. В свое время внедрил на практике метод Миттлайдера (узкие грядки, широкие проходы, систематические подкормки комплексными минеральными удобрениями по его же рецепту). Потом частично изменил систему: вместо насыпных земляных валиков стал строить ограждения из досок. Причем росли мои грядки не столько вверх, сколько вниз: верхний слой глины (примерно 25 см) удалял, заменяя его компостом, поверх компоста возвращал слой природного гумуса. Таким образом удалось довести толщину плодородного пласта до полуметра.

Со временем доски ограждения сгнивали, приходилось их менять. И вот летом 2015 года провел кардинальную операцию: на всех грядках (а их 22) поставил бортики из красивого и долговечного пластика, а проходы застелил синтетическими дорожками. Прощайте, сорняки!

На одни грядки высаживаю картофель, на другие – овощи. На следующий год посадки меняю местами. В итоге: собираем 170-180 кг картофеля – крупного, чистого, рассыпчатого (семенные клубни покупаем в специализированном магазине Института картофелеводства) и обеспечиваем семью огурцами, кабачками, помидорами, свеклой, морковью, луком репчатым, луком-пореем и чем-то еще. А ведь это не магазинная или рыночная картошка, или свекла, или морковка, – это высококачественные, без нитратов, фрукты и овощи...

Для детей постоянно содержу на грядках 60-70 кустов садовой земляники, в достаточном количестве растут яблони, черная и красная смородина, крыжовник. Всё пространство под деревьями и кустарниками, а также у цветочных клумб засеяно газонной травой. Купил газонокосилку и триммер. В конце марта – начале апреля начинается «предстартовая лихорадка», с завистью смотрю на дворников в Москве, орудующих газонными граблями: скоро ли я смогу этим заняться?

А тогда, весной 1998 года, мне позвонила Г.Ф. Весновская, начальник отдела по реабилитации жертв политических репрессий, и предложила поработать в её отделе. Я в принципе согласился, но предупредил, что смогу работать только в зимнее время. На том и порешили.

В течение следующих девяти лет я трудился на договорных началах, с 1 октября текущего года по 1 мая следующего. Работа в этом отделе оказалась

весьма интересной. Приходилось изучать дела, рассмотренные непосредственно в аппарате ВЧК с самого начала возникновения этой комиссии. Встречались указания, резолюции и подписи самого Ф.Э. Дзержинского. Обращал на себя внимание своеобразный подход к оценке доказательств: достаточно было установить, что некто служил в белой гвардии, и этого хватало для обвинительного вердикта.

Наибольший объем среди представленных занимали дела 1930-х годов. Чаще всего обвинение в контрреволюции было необоснованным, и мы готовили протесты в Верховный Суд РФ.

Но так было не всегда. Запомнилась история с самым настоящим террористом Мономаховым, который устроил взрыв в центре Москвы и потом скрывался где-то под Подольском. В его обнаружении участвовали дети, в результате чего одну из местных школ удостоили чести назвать «имени ОГПУ». Меня тогда заинтересовало: а когда же эту школу вновь переименовали?

Осталось в памяти и другое дело: по обвинению некоего бывшего полиция Новикова, принимавшего участие в убийстве членов «Молодой гвардии». Так вот, он рассказал, что молодогвардейцу Сергею Тюленину гестаповцы во время пыток выкололи глаза...

В 2008 году я свою деятельность по реабилитации завершил, целиком сосредоточившись только на личной жизни. И снова в осенне-зимний период скучать стало некогда. Конечно же, много читаю. Дважды в неделю езжу в шахматный клуб – участвую в турнирах. Дома разбираю партии мастеров и гроссмейстеров, играю с компьютером. Тренирую внука Вовку (ему 9 лет), сопровождаю его на детские турниры, он уже имеет пусть скромный, но зато свой рейтинг – 1083 единицы.

Внучке Амалии (мы зовем ее Амаличкой) 5 лет, шахматы ее не влекут, зато у нее много других интересов. Наблюдать за физическим и духовным развитием детей, отмечать какие-то повседневные изменения в их поведении и мировоззрении – разве это так мало?

Фотографии

Мама и мой младший брат Витя. 1962 год.

В столярке. Мне 16 лет.

Печатник типографии. 1958 год.

Студенческая целина. Я на крыше коровника.

Мы с Володией Вологжаниным.

Студенческая целина. Мы строим жилой 2-этажный дом.

Москва. Студенты на первомайской демонстрации.

8 октября 1966 года. Адель и я.

Первомайская демонстрация 1979 года в Туле.

Димке ровно два года. Мы приехали в Москву из Алексина.

Дружеский шарж в исполнении В. Воронова.

Наша делегация в гостях у генпрокурора Чехословакии.

В служебном кабинете. 1997 год.

Счастливые пенсионеры на своих 6 сотках.

Так выглядят мои грядки (всего их 22).